

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

5

Выпуск (899)

Год основания – 1940

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2025

1930

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
FEDERAL STATE BUDGETARY EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY»

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

HUMANITIES

5

Issue (899)

The year of foundation – 1940

Moscow
FSBEI HE MSLU
2025

1930

ВЕСТНИК

МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

выпуск 5 (899)

Издается по решению Ученого совета
Московского государственного лингвистического университета

Главный редактор
Горожанов
Алексей Иванович

Ответственный секретарь
Фурсова
Дарья Аветисовна

доктор филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

кандидат культурологии
Московский государственный лингвистический университет (Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Бондарев Александр Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бондарчук Галина Григорьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Бубнова Галина Ильинична	доктор филологических наук, профессор Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова (Москва)
Гусейнова Иннара Алиевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Евтушенко Ольга Валерьевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Ершова Галина Григорьевна	доктор исторических наук, профессор Российский государственный гуманитарный университет (Москва)
Ирисханова Ольга Камалудиновна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Каменский Михаил Васильевич	доктор филологических наук, доцент Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь)
Киосе Мария Ивановна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Косиченко Елена Федоровна	доктор филологических наук, доцент Национальный исследовательский университет «МЭИ» (Москва)
Космарская Искра Вадимовна	кандидат филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Краева Ирина Аркадьевна	кандидат филологических наук, доцент, Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Кузнецов Валерий Георгиевич	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Логинова Елена Георгиевна	доктор филологических наук, доцент Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина (Рязань)
Малыгина Ирина Викторовна	доктор философских наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Осьминина Елена Анатольевна	доктор филологических наук, доцент Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Потапова Родмонга Кондратьевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Слышкин Геннадий Геннадьевич	доктор филологических наук, профессор Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва)
Солнышкина Марина Ивановна	доктор филологических наук, профессор Казанский (Приволжский) федеральный университет (Казань)
Сорокина Татьяна Сергеевна	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Толкачев Сергей Петрович	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Харитончик Зинаида Андреевна	доктор филологических наук, профессор Минский государственный лингвистический университет (Минск)
Ченки Алан Джосеф	доктор филологических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва) Свободный университет (Амстердам)
Чернова Юлия Владимировна	кандидат филологических наук Московский государственный лингвистический университет (Москва)
Шаталова Наталья Станиславовна	доктор педагогических наук, профессор Московский государственный лингвистический университет (Москва)

VESTNIK

OF MOSCOW STATE LINGUISTIC UNIVERSITY

Issue 5 (899)

Published by the decision of the Academic Council
Moscow State Linguistic University

Editor-in-Chief
Gorozhanov
Alexey Ivanovich

Executive Secretary
Fursova
Daria Avetisovna

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor
Moscow State Linguistic University (Moscow)

PhD in Culturology
Moscow State Linguistic University (Moscow)

EDITORIAL BOARD

Bondarev Alexander Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bondarchuk Galina Grigorievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Bubnova Galina Il'ichna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Lomonosov Moscow State University (Moscow)
Guseynova Innara Alievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Yevtushenko Olga Valeryevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Ershova Galina Grigorievna	Doctor of History (Dr. habil), Professor Russian State University for the Humanities (Moscow)
Iriskhanova Olga Kamaludinovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kamensky Mikhail Vasilyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor North Caucasian Federal University (Stavropol)
Kyose Maria Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kosichenko Elena Fedorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor National Research University "MPEI" (Moscow)
Kosmarskaya Iskra Vadimovna	PhD in Philology, Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kraeva Irina Arkadyevna	PhD in Philology, Associate Professor, Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kuznetsov Valery Georgievich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Loginova Elena Georgievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Ryazan State University named after S.A. Esenin (Ryazan)
Malygina Irina Viktorovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Osminina Elena Anatolievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Potapova Rodmonga Kondratievna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Slyshkin Gennady Gennadyevich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
Solnyshkina Marina Ivanovna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Kazan (Volga Region) Federal University (Kazan)
Sorokina Tatiana Sergeevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Tolkachev Sergey Petrovich	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)
Kharitonchik Zinaida Andreyevna	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Minsk State Linguistic University (Minsk)
Cenki Alan Josef	Doctor of Philology (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow), Free University (Amsterdam)
Chernova Yulia Vladimirovna	PhD in Philology Moscow State Linguistic University (Moscow)
Shatalova Natalya Stanislavovna	Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor Moscow State Linguistic University (Moscow)

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Именованные сущности в поэтической картине мира (на примере собрания сочинений И. А. Бродского) АМЕЛЬКИН С. А., УСАНОВА М. А.	9
Заимствования в тексте травелога как отражение авторской интерпретации действительности (на материале «Писем об Испании» В. П. Боткина) БАКУРОВА М. В.	16
Эволюция рекламного слогана как отражение смены ценностных приоритетов ВАРЛАМОВА Ю. С., МИТЯГИНА В. А.	23
Лексико-семантические модификации прилагательных в англоязычном судебном дискурсе (на примере лексем <i>material</i> и <i>substantive</i>) ВИКУЛИНА М. А., МОИСЕЕНКО Л. В.	29
Способы вербализации мимики в русскоязычных тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям ГОРБУНОВА К. А.	37
Особенности перевода архаизмов в художественном тексте (на материале французской литературы XX века) ГРУШЕВСКАЯ Т. М., ГРУШЕВСКАЯ Е. С.	45
Функциональный синтаксис и понятие синтаксической функции: подходы испанских лингвистических школ ЗУБОВ М. Д., АЛЬВАРЕС СОЛЕР А. А.	51
Интенсификация эпистемической модальности «уверенность» в дискурсе оценки МАМЕДОВА Л. Э.	60
Системные связи ахроматического цветообозначения «белый»: корпусный подход ПЕРЕДРИЕНКО Т. Ю.	69
Способы переводы понятий «свой – чужой» в русском и португальском языках ПЕТРОВА Г. В.	76
Неологизмы сквозь призму усиления медийной повестки дня ТЕМНОВА Е. В.	84
Военно-политический дискурс как лингвокультурологический комплексный феномен ТЕНИТИЛОВ П. С., МАЗУРА Л. К.	91
Метонимическая мотивация концептуальной метафоры в англоязычных мультимодальных эвфемистических комплексах ЧИРВОНАЯ М. О.	98

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 2 ХАЗАНОВА О. Э.	104
Реально воображаемые: урбанистическое пространство в постколониальной научной фантастике ХОРОШЕВСКАЯ Ю. П.	111
Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде киргизов ХУЛХАЧИЕВА Ж. С., КАСЫМБЕКОВА А. А.	118

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Влияние искусственного интеллекта на художественное творчество: исследование практик французской арт-группы «Obvious Collective» ПРЫГУНОВА А. В.	126
Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России СЫСОЕВА А. И.	133

LINGUISTICS

Named Entities in the Poetic World Picture (based on collected works by Joseph Brodsky) AMELKIN S. A., USANOVA M. A.	9
Borrowed Words in the Text of a Travelogue as a Reflection of the Author's Interpretation of Reality (on the material of "Letters about Spain" by V. P. Botkin) BAKUROVA M. V.	16
The Evolution of the Advertising Slogan as a Reflection of Changing Value Priorities VARLAMOVA IU. S., MITYAGINA V. A.	23
Lexical and Semantic Modifications of Adjectives in the English-Language Court Discourse (an analysis of the words <i>material</i> and <i>substantive</i>) VIKULINA M. A., MOISEENKO L. V.	29
Methods of Verbalising Facial Expressions in Russian-Language Audio Description for Dramatic Film Productions GORBUNOVA K. A.	37
Features of the Translation of Archaisms in Fiction Texts (based on French literature of the 20 th century) GRUSHEVSKAYA T. M., GRUSHEVSKAYA E. S.	45
Functional Syntax and the Concept of Syntactic Function: Approaches of Spanish Linguistic Schools ZUBOV M. D., ALVARES SOLER A. A.	51
Intensification of the Epistemic Modality of "Confidence" in the Discourse of Evaluation MAMEDOVA LE. E.	60
Systemic Connections of Achromatic Colour Terms "White": Corpus-Based Approach PEREDRIENKO T. YU.	69
Methods of Translating the Concepts "One's Own" versus "Alien" in Russian and Portuguese PETROVA G. V.	76
Neologims through the Lens of Amplifying Media Agenda TEMNOVA E. V.	84
Military and Political Discourse as a Linguocultural Complex Phenomenon TENITILOV P. S., MAZURA L. K.	91
Metonymic Motivation of Conceptual Metaphor in English Multimodal Euphemistic Complexes CHYRVONAYA M. O.	98

LITERARY STUDIES

On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium': Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 2 HAZANOVA O. E.	104
Real Imaginary: Urban Space in Postcolonial Science Fiction KHOROSHEVSKAYA YU. P.	111
Artistic Images of Ch. Aitmatov's Novel "Farewell, Gul'sary" in the Cultural Code of Kyrgyz Nation KHULKHACHIEVA Z. S., KASYMBEKOVA A. A.	118

CULTUROLOGY

The Impact of Artificial Intelligence on Artistic Creativity: a Study of the Practices of the French Art Group "Obvious Collective" PRYGUNOVA A. V.	126
Cultural Prerequisites for the Genesis and Development of Kemetism in Russia SYSOEVA A. I.	133

Именованные сущности в поэтической картине мира (на примере собрания сочинений И. А. Бродского)

С. А. Амелькин¹, М. А. Усанова²

¹Национальный исследовательский университет «МИЭТ», Зеленоград, Москва, Россия

²Акционерное общество «Объединенная энергетическая компания», Москва, Россия

¹amelkin@ist.education

²musanova-23@ranepa.ru

Аннотация. Цель исследования – установить формальные модели использования именованных сущностей в поэтической, наиболее далекой от логически строгого описания, субъективной картине мира. В статье выявляются коммуникативные правила и закономерности, по которым происходит обмен информацией в сложной системе поэтических сборников, и как эти правила обуславливают взаимодействие автора и читателя. Акцент делается на создании картины мира, являющейся результатом взаимосвязи индивидуальных интерпретаций и эмоционального опыта. Применяются методы теории понятий и парадигм для анализа именованных сущностей в стихах И. А. Бродского. Разработанная модель «поэтическое пространство – время» обеспечивает возможность на основе взаимодействия субъективных картин мира раскрыть особенности поэтики и помочь в интерпретации произведений. Исследование расширяет рамки понимания взаимодействия автора и читателя в процессе опосредованной поэтическим сборником коммуникации.

Ключевые слова: поэтические сборники, И. А. Бродский, именованные сущности, коммуникативная система, прецедентные имена собственные, интертекстуальность

Для цитирования: Амелькин С. А., Усанова М. А. Именованные сущности в поэтической картине мира (на примере собрания сочинений И. А. Бродского) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 9–15.

Original article

Named Entities in the Poetic World Picture (based on collected works by Joseph Brodsky)

Sergey A. Amelkin¹, Maria A. Usanova²

¹National Research University of Electronic Technology, Moscow, Russia

²Joint Stock Company "United Energy Company", Moscow, Russia

¹amelkin@ist.education

²musanova-23@ranepa.ru

Abstract. In this article, the communicative rules and patterns governing the exchange of information within the complex system of poetry collections are identified, and how they influence the interaction between the author and the reader is explored. The focus is on the creation of a worldview that results from the interplay of individual interpretations and emotional experiences. Methods from the theory of concepts and paradigms are applied to analyze named entities in the poems of Joseph Brodsky. The developed model of poetic space-time allows for the exploration of the characteristics of poetics based on the interaction of subjective worldviews, aiding in the interpretation of the works. This study expands the understanding of the complexity of the interaction between the author and the reader in the process of communication mediated by a poetry collection.

Keywords: poetry collections, J. Brodsky, named entities, communicative system, precedent proper names, intertextuality

For citation: Amelkin, S.A., Usanova, M.A. (2025). Named entities in the poetic world picture (based on collected works by Joseph Brodsky). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 9–15. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Коммуникативные процессы включают передачу, восприятие, понимание информации, генерацию и распространение знания. Они объединяют объективные, субъективные и сумъективные процессы в их совокупности и взаимовлиянии. Ф. Шлейермахер рассматривал в качестве объективной составляющей «факт языка», его грамматическую интерпретацию, а в качестве субъективной – проекцию личности автора на объект коммуникации [Кузнецов, 1999]. Б. И. Шапиро включает сумъективную составляющую: принятие конститутивных решений, изменяющих картину мира, а следовательно, и проекцию личности на текст. Объективная, субъективная и сумъективная составляющие: результаты коммуникативной деятельности (тексты как объекты коммуникации, необходимые для их понимания глоссарии и правила логического вывода), совокупность субъектов коммуникации, реализующих коммуникативные процессы, и интенции принятия решений: выбора решений из известного множества решений или генерации новых решений, формируют дискурс¹.

Структура социокоммуникативной среды порождает коммуникативную инфраструктуру, развитие которой, в свою очередь, обеспечивает непрерывное увеличение интенсивности информационных потоков как на объективном и субъективном, так и на сумъективном уровне.

Задачи исследования можно разделить на два взаимосвязанных множества: в первом – задачи описания субъективной картины мира человека, включая ее неоднородность и движущие силы, обеспечивающие процесс коммуникации, во втором – задачи описания коммуникативного взаимодействия автора поэтического сборника и читателя, включая построение пространства – времени опосредованной коммуникации, логические особенности влияния поэтического сборника на картину мира читателя. Для решения этих задач используются методы теории понятий и парадигм, макросистемного анализа и теории сложных систем.

Новизна исследования связана с его междисциплинарностью: построение модели коммуникативного взаимодействия, связанного со свободной интерпретацией текста, ориентированного не на изложение фактов или на интерпретацию фактов автором, а на множественность интерпретаций читателями, порождающую процессы генерации смыслов в сложной пространственно-временной системе субъективных картин мира.

¹Шапиро Б. И. Понятие и другие инструменты познания. Лекции в Университете города Переславля 26–28.01.2016. URL: <https://goos.u/qU9Z> (дата обращения: 04.01.2024).

Актуальность работы обусловлена разработкой проблемы понимания сборника поэтических произведений в рамках современной антропоцентрической парадигмы. Предметом анализа выступают понимание и интерпретация, рассматриваемые как компоненты и как результат процесса чтения – опосредованной коммуникации читателя и автора.

ИМЕНОВАННЫЕ СУЩНОСТИ В КАРТИНЕ МИРА

Понимание, встраивание сущности в картину мира требует различных форм их именования, в зависимости от страты картины мира, поэтому столь важно исследование именованных сущностей, т. е. сущностей индивидуализированных, которым приписываются особые характеристики, отражающие [Косиченко, 2024] и сохраняющие [Махлина, 2017] его сущностные свойства. И. А. Бродский так иллюстрировал исследование лабиринта стратифицированной картины мира:

Имя реку, тебе, – потому что не станет за труд из-под камня тебя раздобыть, – от меня, анонима, как по тем же делам: потому что и с камня сотрут, так и в силу того, что я сверху и, камня помимо, чересчур далеко, чтоб тебе различать голоса (*На смерть друга*).

За пределами картины мира находятся никак не обозначенные неименованные сущности. «Слово определяет бытие или небытие вещи и человека: они не существуют, пока не названы, они перестают существовать, потеряв имя» [Мижит, 2013, с. 376]. Сущность, на которую указывает хотя бы общо и схематично некоторое порожденное в процессе мысленного конструирования и моделирования понятие и сформированный вокруг него концепт «как целостное, нерасчлененное отражение факта действительности» [Ангелова, 2004, с. 5] в виртуальном пространстве художественного мира, уже проявляется на внешней граничной страте картины мира.

Описание сущности как концепта характеризуется максимизацией кода [Posner, 1997], что позволяет обобщить свойства сущностей в буквальном значении словесного их выражения, используя семиотическую многозначность. Внимание к сущности и понимание ее особенностей привлекает ее от периферии к ядру картины мира. В ходе такой эволюции сущность из концепции преобразуется в единичный, затем – в конкретный, в конце концов – в уникальный объект. Эволюционная трансформация сущности ведет к структурированию, снижению энтропии концепта, возрастанию инвариантности кода. Минимум кода достигается

при индивидуализации сущности, наделении ее субъектностью, а следовательно, собственным именем, уже не столько связанным с понятием, сколько с образованием устойчивой связи с обозначаемой сущностью. И. А. Бродский писал:

Нужно ли настаивать на имениЯ чувствую без имени себя совсем подавленным (*13 очков, или Стихи о том, кто открыл Америку*).

При этом, говоря о трансформации сущности, нельзя сводить ее путь внутри авторской картины мира к бинарной связке от незнакомого к знакомому. Совокупность сущностей образуется в четырехмерной системе координат, где первые две оси отвечают за близость сущности автору и читателю (представителю социокоммуникативной группы), а остальные – за временную удаленность от них обоих в момент написания или чтения. Причем точка начала координат в этой парадигме – ядро картины мира автора, которое, воспринимаемое сторонним читателем-наблюдателем, всегда существует во взаимосвязи с его культурным и эмоциональным опытом (отсюда вторая координатная ось). Смысл произведения меняется, ибо рождается в процессе восприятия произведения читателем благодаря встрече его жизненного опыта и жизненного опыта писателя. Можно сказать, что читатель, не погруженный в культурный контекст, не сумеет воспринять систему взаимоотношений между сущностями. При этом его восприятие не будет неверным, так как в рамках рецептивной эстетики инвариантность уступает место многозначности, и тем не менее в предложенной системе координат чем дальше от читателя находится упомянутая автором сущность, тем дальше сам читатель от автора. Именованная сущность, т. е. сущность, чье имя знакомо и автору, и читателю, обеспечивает коммуникативное взаимодействие между двумя актерами (активным и пассивным).

Собственное имя – это аристотелевская энтелехия коммуникативного взаимодействия: энергия, потенциально заключающая в себе цель и значимость общения, но, с другой стороны, оно определяет интенцию коммуникации, т. е. выступает, как меон в терминах полагания А. Ф. Лосева: «Когда речь идет о смысловом общении двух сущностей, необходимо тут общение будет не в понятии, а в личности. Необходимо, чтобы вторая сущность узнала бы первую, как тождественную себе. Необходимо также, чтобы и первая сущность отвечала на усилия второй полным пониманием и сочувствием. Словом, нужно, чтобы первая сущность обладала именем, а вторая – знала это имя» [Лосев, 1993, с. 246].

Заметим, что в некоторых прикладных исследованиях понятие «именованная сущность» тесно пересекается с понятием «имя собственное», которое при работе с художественным текстом связывает собой лингвистические средства построения образа того или иного персонажа [Горожанов, Крассикова, 2024, с. 3240].

Именованная сущность, соответствующая минимуму кода, не инвариантна в смысле единичного значения собственного имени как символа. Это предполагает трансформацию, но не снижение роли семантического фильтра контекста [Posner, 1997]. Интерпретационный потенциал символа объекта (понятия, имени) в ходе движения от периферии к центру картины мира не снижается, а лишь меняет свою направленность. И. А. Гусейнова поясняет такое изменение: «Значение имени характеризуется не только включением акта названия, но и призывания» [Гусейнова, 2013, с. 8]. Имя, проявляя сущность из скрещения координат различных степеней обобщения, «выявляет сокровенное сущности в виде энергий ее» [Флоренский, 2000, с. 361].

Именованная сущность – продукт обобщений разного рода и степени, так как наличие имени у сущности не всегда означает ее индивидуализацию [Косиченко, 2017]. Иванов, Петров и Сидоров в сознании человека русской ментальности не имеют реальных прототипов, потому что они сами – порождения русской ментальности. Реальные фамилии объединились во фразеологическую единицу языка, обозначающую «рядового, типического члена общества, человека из народа» [Левашов, 1994, с. 48]. Для человека, знакомого с русской традицией, Иванов – не просто любой человек, это любой русский человек, обладающий набором типичных внешних и моральных характеристик. В стихотворении И. А. Бродского «Чаепитие» Иванова и Петров – обобщения, но в то же время – конкретные именованные сущности, потому что с точек зрения автора-создателя и читателя-интерпретатора оба героя имеют одинаковый набор качеств, т. е. имена сущностей указывают не на уникальных референтов, но на их энергию.

В данном контексте Иванов, а также Петров, Сидоров и Марья Ивановна – прецедентные имена собственные. Прецедентные имена – это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб [Нахимова, 2007]. Прецедентное имя – это индивидуальное имя, связанное или с широко известным текстом, относящимся, как правило, к числу прецедентных (например, Обломов, Тарас Бульба), или

с ситуацией, широко известной носителям языка и выступающей как прецедентная (например, Иван Сусанин, Колумб), имя-символ, указывающее на некоторую эталонную совокупность определенных качеств (например, Иванов, Марья Ивановна) [Красных, 2002]. Большой пласт именованных сущностей в произведениях И. А. Бродского составляют именно прецедентные имена, за каждым из которых стоит какой-либо прецедентный текст или ситуация, что значительно влияет на восприятие произведения читателем. Например, в рамках эксперимента, проведенного М. У. Худайбердиной, выяснилось, что в стихотворении «Одиссей Телемаку» прецедентные имена являются смысловыми доминантами, так как именно их испытуемые отмечали в качестве ключевых слов для запоминания текста [Худайбердина, 2012]. Следовательно, именованные сущности, привнося в принимающий текст новые культурные ассоциации и образы, а значит – смыслы, одновременно обеспечивают связь не только между исходным и вторичным (относительно исходного) произведением, но и между автором и читателем-интерпретатором.

С другой стороны, среди именованных сущностей в рамках поэтики конкретного автора можно выделить иной класс, наличие элементов которого в тексте направлено не на «выявление энергий» сущности, а на прямое обращение к уникальному референту. Этот класс – посвящения. Посвящение – «художественное (и отчасти биографическое) свидетельство-ракурс, который позволит дополнить образ и личность автора-создателя, оттенить своеобразие поэтического конфидента послания, обогатить представление об особенностях и характере взаимоотношений адресанта и адресата» [Богданова, 2019, с. 47]. И. А. Бродский в своем творчестве нередко обращается к посвящениям, и среди его адресатов можно выделить Анну Ахматову и Марину Басманову, гражданскую жену поэта. Очевидно, что имена адресатов нельзя отнести к прецедентным, т. е. в сознании читателя нет и не может быть стойкой логической связи между личностью и смыслом, который автор вкладывает в текст, посвященный этой личности. Но именно этот класс именованных сущностей позволяет наиболее тесно соприкоснуться с биографической частью произведений автора. Так, на протяжении всей жизни И. А. Бродский посвящал произведения Марине Басмановой, но с течением лет (вдоль одной из осей временной плоскости) тональность этих стихотворений менялась от глубокой трепетной любви («Я был только тем, чего ты касалась ладонью...») до презрения («Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером...»). Эта сложная история взаимоотношений, вскрываемая

и переживаемая читателем в его пути по другой временной оси, находит свое отражение в творчестве поэта: стихи, посвященные Марине Басмановой, приближают читателя к пониманию картины мира И. А. Бродского и его эмоционального состояния. Поэт и читатель развиваются, в ходе этого процесса растет и лирический герой.

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИМЕНОВАННЫХ СУЩНОСТЕЙ

Субъективную картину мира обычно рассматривают как модель объективно существующего феномена [Льюис, Пьюселик, 2012]. Модель предполагает известную цель исследования этого феномена, которой подчинен процесс генерации знания, обеспечивающий движение ко всё большему соответствию модели и феномена. А. В. Климов подчеркивает, что «главное в смысле, содержании знания – то, что по нему можно осуществлять деятельность, неформально понимаемую, как “предсказание”»¹, что формирование картины мира рационально. Рациональность картины мира, существование, может быть, не одной, но множества вполне осознаваемых целей, является условием формализации модели, а следовательно, и ее алгоритмической реализации. Предсказание объективно, оно базируется на сопоставлении ожидаемых и реальных, независимых от наблюдателя результатах опыта. Поэтический текст, наоборот, субъективен, исследуя развитие текста во временной плоскости его формирования и интерпретации, мы можем не более чем развивать и усложнять собственную картину мира как совокупность взаимосвязанных контекстов и эмоциональных переживаний: опыт здесь сосредоточен в наблюдателе. Роль алгоритмической модели и программного обеспечения сводится к интерфейсу, облегчающему процесс коммуникации как художественной, так и социокультурной. Точкой пересечения этих коммуникативных процессов является наблюдатель – читатель поэтического текста. Результат коммуникации не объективен, картины мира читателей могут существенно различаться, прежде всего в их страстях, что создает именованную сущность самой картины мира: основу и движущие силы (энтелехию и меон) следующего, дискурсивного уровня коммуникативных процессов, опосредованного как самим поэтическим текстом и алгоритмами его формальной обработки, так и развивающимся полем контекстов, значимость элементов которого субъективно параметризована.

¹Климов А. В. Эпистемиология по Турчину. Запись в обсуждении от 28.02.2020. URL: https://groups.google.com/g/refal/c/eiF8-H_M2lw (дата обращения: 26.08.2024).

Понятие – это фиксация объекта или свойств объекта в картине мира. Мы понимаем, что эта сущность ценна для нас, для нас важно, как эта сущность влияет на нас и наше развитие, следовательно, ее нужно обозначить. С другой стороны, если понятие позволяет прогнозировать развитие событий, то имя собственное – это возможность управлять ими:

Скоро, Постум, друг твой, любящий сложенье,
долг свой давний вычитанию заплатит.
Забери из-под подушки сбереженья,
там немного, но на похороны хватит.
Приезжай, попьем вина, закусим хлебом.
Или сливами. Расскажешь мне известья.
Постелю тебе в саду под чистым небом
и скажу, как называются созвездья.

Письма римскому другу

Отказ от влияния на картину мира, отстранение приводит к обезличиванию: «Пение этой (неопределенной) бульварной птицы поистине душераздирающе, не столько даже своим тембром, сколько тем, что в нем слышна не жалоба, но полное безразличие к своему щebetу»¹. Возможность управления через имя собственное генерирует и магический² аспект взаимодействия между картиной мира и миром реальным. Желание приблизить сущность в картине мира ведет к ее именованию, и, наоборот, отказ от именованности удаляет сущность по стратам в картине мира, и, хочется верить, – в реальной жизни:

Нам знаком при жизни предмет боязни:
пустота вероятней и хуже ада.
Мы не знаем, кому нам сказать “не надо”
Песня невинности, она же – опыта.

Пытаясь магически воздействовать на мир, человек создает, казалось бы, комфортную, удобную картину мира, однако неименованные нежелательные сущности никуда из реального мира не исчезают, лишь становятся «невидимыми». Комфортность

¹Рейн Е. Избранное / предисл. И. Бродского. М., 1993.

²Магия предполагает обращение причинно-следственных связей. Если наблюдается взаимосвязь между событиями, то магическое сознание игнорирует последовательность событий: «благодаря тайной симпатии вещи воздействуют друг на друга на расстоянии и импульс передается между ними посредством чего-то похожего на невидимый эфир» [Фрэзер, 1986, с. 20].

картины мира порождает не уверенность, а страх неожиданного прозрения:

Красота утешает, поскольку она безопасна. Она не грозит убить, не причиняет боли. Статуя Аполлона не кусается, и не укусит пудель Карпаччо. Когда глазу не удастся найти красоту (она же утешение), он приказывает телу ее создать, а если и это не удастся, приучает его считать уродливое замечательным (*Fondamenta degli incurabili. Пер. Г. Дашевского*).

Противоречия между картиной мира автора, картиной мира читателя и реальным миром создают триалектический меон дискурса [Ropolyi, 1996].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Диалектическое противоречие энтелехии и меона (целеполагания и мотивации) собственного имени является движущей силой развития лирического героя и логруса его картины мира на временной плоскости. Именованные сущности не только образуют ближний круг, ядро картины мира, но и формируют новые концепты, таким образом замыкая эволюционный цикл картины мира, представленной в собрании сочинений. Именно циклы, а не фиксированные значения символов устойчивы: именно циклы выступают в роли порождающих моделей в макросистеме полного собрания сочинений [Moeschler, 1996; Лосев, 1971]. Изучение и восстановление картины мира в социокоммуникативной группе исследователей могут быть более эффективными с использованием глоссария как инструмента.

Макросистема собрания сочинений, формирующая виртуальное пространство, развивающееся во временной плоскости создания и интерпретации текстов, выступает как срез картины мира автора в отражении его лирического героя и как поле внутреннего диалога читателя с автором, поле исследования картины мира и наполняющих ее (прежде всего именованных) сущностей. В процессе логического (истинностного и ценностного), эстетического и этического понимания интерпретации текстов полного собрания сочинений картины мира отдельных авторов и социокоммуникативной группы читателей непрерывно эволюционируют, порождая новые концепты и сущности, новые взаимосвязи, развивая дискурс символического мира автора. Отсюда следует актуальность и важность исследования контекста, в том числе относящегося к именованным сущностям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кузнецов В. Г. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Логос. 1999. № 10 (20). С. 43–88.

2. Косиченко Е. Ф. Именованье в художественном тексте: семиотический подход к литературной ономастике // Магия ИИНО: новые измерения в лингвистике и лингводидактике: сборник научных трудов: в 2 т. 2017. Т. 1. С. 73–78.
3. Махлина С. Т. Знаки, символы и коды культур Востока и Запада. СПб.: Алетейя, 2017.
4. Мижит Л. С. Художественные формулы письменных памятников древних тюрков // Мир науки, культуры, образования. 2013. № 6 (43). С. 373–376.
5. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики: сборник научных трудов. М.: МПГУ, 2004. Вып. 3. С. 3–10.
6. Posner R. Pragmatics // Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundation of Nature and Culture. Berlin – New York, 1997. Bd. 1. P. 219–246.
7. Лосев А. Ф. Вещь и имя // А. Ф. Лосев Бытие. Имя. Космос. М.: Мысль, 1993. С. 802–808.
8. Горожанов А. И., Красикова Е. А. Формальная модель оценки образа персонажа художественного произведения (на материале романа Дж. Оруэлла «1984»). Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 9. С. 3239–3248. DOI 10.30853/phil20240458. EDN SGHXZJ.
9. Гусейнова И. А. 013.01.001. Актуальные вопросы лингвопрагматики в исследованиях Хольгера Куссе (обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6. Языкознание: реферативный журнал. 2013. № 1. С. 7–12.
10. Флоренский П. А. Именславиe как философская предпосылка // Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 3. С. 254–255.
11. Левашов Е. А. Иванов, Петров, Сидоров // Русская речь. 1994. № 3. С. 47–49.
12. Нахимова Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. Екатеринбург: УрГПУ, 2007.
13. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М.: Гнозис, 2002.
14. Худайбердина М. У. Имена собственные как носители культурологической информации (на примере творчества И. А. Бродского) // Формирование гуманитарной среды и внеучебная работа в вузе, техникуме, школе: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. Пермь: Пермский государственный технологический университет, 2008. Т. 2. С. 27–29.
15. Богданова О. В. Дедикация как стратегия и код культурного текста // Человек. Культура. Образование. 2019. № 1 (31). С. 34–49.
16. Moeschler J. Theorie pragmatique et pragmatique conversationnelle. Paris: Armand Colin, 1996.
17. Льюис Б. А., Пьюселик Р. Ф. NLP. Магия нейролингвистического программирования без тайн. СПб.: Речь, 2012.
18. Лосев А. Ф. Символ и художественное творчество // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1971. № 30 (1). С. 3–13.
19. Косиченко Е. Ф. Юмор как традиция: современные тенденции развития британского ономастикона // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. № 3 (884). С. 123–129.
20. Ropolyi L. Approaches to complexity and complex systems // Complex Systems in Natural and Economic Sciences: Proceedings of the Workshop Methods of Non-Equilibrium Processes and Thermodynamics in Economics and Environment Sciences / Ed. by K. Martinás, M. Moreau. Mátrafüred, 1996. P. 146–152.
21. Фрэзер Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: пер. с англ., 2-е изд. М.: Политиздат, 1986.

REFERENCES

1. Kuznetsov, V. G. (1999). Germentwika i ee put' ot konkretnoy metodiki do filosofskogo napravleniya = Hermeneutics and Its Path from a Specific Methodology to a Philosophical Direction. *Logos*, 10(20), 43–88. (In Russ.)
2. Kosichenko, E. F. (2017). Naming in Fiction: A Semiotic Approach to Literary Onomastics. In Inno, M. A. (Ed.), *Magiya INNO: Novye izmereniya v lingvistike i lingvodidaktike* (vol. 1, pp. 73–78): collection of papers: in 2 vols. (In Russ.)
3. Makhlina, S. T. (2017). Znaki, simvol'y i kody kul'tur Vostoka i Zapada = Signs, Symbols, and Codes of Eastern and Western Cultures. St. Petersburg: Aleteya. (In Russ.)
4. Mijit, L. S. (2013). Khudozhestvennyye formy pismennykh pamyatnikov drevnix tyurkov = Artistic Forms of Written Monuments of Ancient Turks. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 6(43), 373–376. (In Russ.)
5. Angelova, M. M. (2004). "Kontsept" v sovremennoy lingvokul'turologii = The "Concept" in Contemporary Linguoculturology. In Kolesnikov, A. A. (Ed.), *Aktual'nye problemy angliyskoy lingvistiki i lingvodidaktiki*: collection of papers (issue 3, pp. 3–10). Moscow: MPGU. (In Russ.)
6. Posner, R. (1997). Pragmatics. In *Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundation of Nature and Culture* (vol. 1, pp. 219–246). Berlin – New York.
7. Losev, A. F. (1993). Veshch' i imya = Thing and Name. In Losev, A. F. *Bytie. Imya. Kosmos* (pp. 802–808). Moscow: Mysl'. (In Russ.)
8. Gorozhanov, A. I., Krasikova, E. A. (2024). Formal model for evaluating the image of a character in a fictional work (based on G. Orwell's novel "1984"). *Philology. Theory & Practice*, 17(9), 3239–3248. 10.30853/phil20240458. EDN SGHXZJ. (In Russ.)

9. Guseynova, I. A. (2013). 013.01.001. Aktual'nye voprosy lingvopragmatiki v issledovaniyakh Khol'gera Kusse (obzor) = Current Issues of Linguopragmatics in the Research of Holger Kuße (Review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 6. Yazykovedenie: referativnyy zhurnal*, 1, 7–12. (In Russ.)
10. Florensky, P. A. (2000). Imeslaviye kak filosofskaya predposylka = Imeslavism as a Philosophical Premise. In Florensky, S. A. *Sochineniya* (vol. 3, pp. 254–255): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
11. Levashov, E. A. (1994). Ivanov, Petrov, Sidorov = Ivanov, Petrov, Sidorov. *Russkaya rech'*, 3, 47–49. (In Russ.)
12. Nakhimova, E. A. (2007). Pretsedentnye imena v massovoy kommunikatsii: monografiya = Precedent Names in Mass Communication: monograph. Ekaterinburg: Ural State Pedagogical University. (In Russ.)
13. Krasnykh, V. V. (2002). Etnopsikholingvistika i lingvokul'turologiya = Ethnopsycholinguistics and Linguoculturology: a course of lectures. Moscow: Gnosis. (In Russ.)
14. Khudaiberdina, M. U. (2008). Imena sobstvennye kak nositeli kul'turologicheskoy informatsii (na primere tvorchestva I. A. Brodskogo) = Proper names as carriers of cultural information (based on the works of I. A. Brodsky). In *Formirovanie gumanitarnoy sredy i vnechebnaya rabota v vuze, tekhnikum, shkole: materialy X Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, 2, 27–29. Perm: Perm State Technological University. (In Russ.)
15. Bogdanova, O. V. (2019). Dedikatsiya kak strategiya i kod kul'turnogo teksta = Dedication as a Strategy and Code of Cultural Text. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 1(31), 34–49. (In Russ.)
16. Moeschler, J. (1996). *Theorie pragmatique et pragmatique conversationnelle = Pragmatic Theory and Conversational Pragmatics*. Paris: Armand Colin.
17. Lewis, B. A., P'yuselik, R. F. (2012). NLP. Magiya neyrolingvisticheskogo programmirovaniya bez tayn = NLP. The Magic of Neuro-Linguistic Programming Without Secrets. St.Petersburg: Rech'. (In Russ.)
18. Losev, A. F. (1971). Simvol i khudozhestvennoe tvorchestvo = Symbol and Artistic Creativity. *Izvestiya AN SSSR. Otdelenie literatury i yazyka*, 30(1), 3–13. (In Russ.)
19. Kosichenko, E. F. (2024). Humor as Tradition: Contemporary Trends in the Development of British Onomastics. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(884), 123–129. (In Russ.)
20. Ropolyi, L. (1996) Approaches to complexity and complex systems. In Martinás, K., Moreau, M. (Eds.), *Complex Systems in Natural and Economic Sciences* (pp. 146–152): Proceedings of the Workshop Methods of Non-Equilibrium Processes and Thermodynamics in Economics and Environment Sciences. Mátrafüred.
21. Frazer, J. G. (1986). *Zolotaya vetv'. Issledovanie magi i religii = The Golden Bough. A Study in Magic and Religion*. 2nd ed. Moscow: Politizdat. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амелькин Сергей Анатольевич

кандидат технических наук

доцент Института системной и программной инженерии и информационных технологий

Национального исследовательского университета «МИЭТ»

Усанова Мария Алексеевна

инженер

Акционерного общества «Объединенная энергетическая компания»

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Amelkin Sergey Anatolievich

PhD in Technical Sciences

Associate Professor of the Institute of Systems and Software Engineering and Information Technology

National Research University of Electronic Technology.

Usanova Maria Alekseevna

Engineer

Joint Stock Company "United Energy Company"

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

25.03.2025
13.04.2025
20.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Заимствования в тексте травелога как отражение авторской интерпретации действительности (на материале «Писем об Испании» В. П. Боткина)

М. В. Бакурова

Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
bakurova.m@mail.ru

Аннотация. В исследовании анализируется заимствованная лексика в тексте травелога «Письма об Испании» В. П. Боткина, а также исторический и культурный контекст произведения. В работе использованы сопоставительный, описательный и лингвокультурологические методы. Проанализирована частотность испанизмов, приведена их классификация, описаны приемы лексикографирования слов, выбора графических и языковых средств, способствующих передаче уникальных культурных особенностей и личных впечатлений автора. В статье описывается авторская интерпретация и выбор языковых единиц и приемов для выражения индивидуального видения и субъективного отношения автора, которые передают испанский национальный колорит.

Ключевые слова: заимствования, заимствованные слова, испанский язык, русский язык, травелог

Для цитирования: М. В. Бакурова. Заимствования в тексте травелога как отражение авторской интерпретации действительности (на материале «Писем об Испании» В. П. Боткина) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 16–22.

Original article

Borrowed Words in the Text of a Travelogue as a Reflection of the Author's Interpretation of Reality (on the material of "Letters about Spain" by V. P. Botkin)

Maria V. Bakurova

Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia
bakurova.m@mail.ru

Abstract. This research is devoted to the study of the functioning of borrowed vocabulary in the text of the travelogue "Letters about Spain" by V. P. Botkin, to the study of the historical and cultural context of the work and the personality of its author. The work utilizes comparative, descriptive and linguo-cultural methods. The frequency of Spanish borrowings is analyzed, their classification is given, the methods of lexicography of words, choice of graphic and linguistic means that contribute to the transmission of unique cultural features and personal impressions of the author are described. The article describes the author's interpretation and choice of language units and techniques to express the author's individual vision and subjective attitude, which make the text more emotional and convey the Spanish national flavour.

Keywords: borrowings, borrowed words, Spanish language, Russian language, travelogue

For citation: Bakurova, M. V. (2025). Borrowed words in the text of a travelogue as a reflection of the author's interpretation of reality (on the material of "Letters about Spain" by V. P. Botkin). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 16–22. (In Russ.)

А вот Испания со своей цветущей Андалузией, – уныло думал я, глядя в ту сторону, где дед указал быть испанскому берегу. – Севилья, caballeros с гитарами и шлагами, женщины, балконы, лимоны и померанцы. Dahin бы, в Гренаду куда-нибудь, где так умно и изящно путешествовал эпикуреец Боткин, умевший вытянуть до капли всю сладость испанского неба и воздуха, женщин и апельсинов, – пожить бы там, полежать под олеандрами, тополями, сочетать русскую лень с испанской и посмотреть, что из этого выйдет.

И. А. Гончаров. Фрегат «Паллада»

ВВЕДЕНИЕ

Материалом для данной статьи послужил художественный текст в жанре травелога «Письма об Испании» В. П. Боткина¹.

Исследование посвящено проявлению авторской интерпретации реалий через отбор и способы представления языковых единиц в тексте, формирующем представление о чужой культуре. В работе используются сопоставительный, описательный и лингвокультурологические методы. Испанизмы из произведения «Письма об Испании» отбирались методом сплошной выборки.

Задачи исследования:

- 1) проследить историю травелогов об Испании, изучить исторический и культурный контекст произведения В. П. Боткина «Письма об Испании», описать специфику личности автора;
- 2) проанализировать частотность и провести классификацию испанизмов по тематическим группам в выбранном произведении;
- 3) изучить приемы лексикографирования, выбора языковых и графических средств автором травелога, которые используются для создания определенного восприятия образа далекой незнакомой страны у читателя (что является характерной чертой данного жанра);
- 4) выявить и описать авторскую интерпретацию и выбор языковых единиц, которые используются для создания текста, представляющего индивидуальное видение испанской культуры автора, отражающего его субъективное отношение.

Одним из важных направлений лингвистики является изучение проникновения лексических единиц из одного языка в другой, истории появления, функционирования, частотности и т. п. Актуальность данного исследования заключается в том, что специфика испанских заимствований в ранних источниках травелога на русском языке не была предметом специального изучения. Научная новизна заключается в том, что

¹Боткин В. П. Письма об Испании. СПб., 1857; Боткин В. П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976.

данная работа – первый опыт изучения испанских заимствований в художественном тексте этого жанра, которое осуществляется при помощи языкового анализа с учетом исторического и культурного контекста. Практическая ценность исследования – в возможности использования материалов при составлении словарей, комментариев к художественным текстам, разработке учебных пособий по лексикологии и практическому переводу, теории межкультурной коммуникации. Теоретической базой для исследования послужила работа Е. Э. Биржаковой, Л. И. Войновой, Л. Л. Кутиной об историческом развитии лексики русского языка, влиянии западноевропейских языков на ее формирование, а также классификация заимствований по степени их адаптации и исследование лингвистических и культурологических лакун Ю. С. Сорокина и И. Ю. Марковиной, понимание процесса заимствования иностранных слов, этапов и особенностей их ассимиляции Л. П. Крысина, определение и описание процесса заимствования, классификация заимствованных слов Э. Хаугена и др. [Биржакова, Войнова, Кутина, 1972; Сорокин, Марковина, 1983; Крысин, 1968; Хауген, 1972].

ИСТОРИЧЕСКИЙ И КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ ПРОИЗВЕДЕНИЯ. ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ АВТОРА ТРАВЕЛОГА

Образ страны складывается не только под влиянием конструктивных особенностей жанра путешествий или требований определенного литературного направления, во многом он определяется личностью автора, его кругозором, жизненным опытом, политическими взглядами и эстетическими пристрастиями, его сугубо индивидуальными вкусами. Опыт вовлечения субъекта-повествователя в иное пространство и новое видение и понимание мира, получаемые им в процессе познания чужой культуры, становятся важными в этом жанре. Рассказчик травелога, проживая новый опыт, приглашает к этому чувствованию и проживанию своего слушателя [Василенкова, 2020]. Путешествие на протяжении уже многих столетий является формой изучения мира, а травелог дает читателю представление об искусстве видеть жизнь и рассуждать о ней.

Травелоги XIX века в России носили преимущественно описательный характер. Сравняя «чужое» и «свое», чужбину и родную сторону, путешественник учится выделять общее и особенное, лучшее и худшее в своей и чужой стране, в своем и ином народе. В отличие от других стран, русско-испанские контакты относятся к более позднему

периоду и имеют меньшее значение в истории русского языка. Начало официальных испано-русских контактов относится к XVI веку, но отношения между двумя странами до XX века не были богаты событиями. Первые заметки русских путешественников, побывавших в Испании, датируются началом XIX века.

В России с испанской литературой и, шире, с испанской культурой начинали знакомиться только в XVIII веке. Единственной книгой, действительно укоренившейся в российском культурном обиходе, стал «Дон Кихот» Мигеля де Сервантеса [Корконосенко, 2019]. Наиболее результативным источником пополнения русского лексикона испанскими заимствования была именно литература – художественная проза, стихи, пьесы, путевые заметки, очерки и т. п. Сюда можно отнести переведенные на русский язык произведения испанских писателей – Мигеля де Сервантеса, Тирсо де Молина, Лопе де Вега, Педро Кальдерона, Мигеля де Унамуну, а также сочинения европейских писателей, затрагивавших в своем творчестве испанскую тему – В. Гюго («Человек, который смеется»), П. Мериме («Театр Клары Газуль», новелла «Кармен») и др. Первым тему Испании в русской литературе затронул А. С. Пушкин, а вдохновили его на это беседы с князем Н. Юсуповым, совершившим путешествие в эту страну. Так появилась трагедия «Каменный гость», стихотворения «Я здесь, Инезилья», «Ночной зефир», «Пред испанкой благородной», а в них и используемые автором испанские слова-реалии, которые в то время уже входили в русский лексикон: дон, гранд, гитана, мантилья и др. [Кузнецов, 2012].

Первая серьезная книга русского путешественника об Испании вышла из-под пера Василия Петровича Боткина в виде путевых заметок в журнале «Современник» в 1847 году и отдельной книгой в 1857 году. Она описывает путешествие, которое автор совершил в августе – октябре 1845 года. В сущности, это первое подробное описание на русском языке страны; автор провел в ней полгода. В своем произведении он много рассуждает о национальном характере испанцев, об особенностях испанского костюма, кухни, живописи, женщинах, танцах, корриде и т. п. Его произведение содержит сведения о народах Испании, ее природе и административном устройстве, кроме того детальное изучение данного травелога способствует воссозданию образа страны того времени и выделению тех особенностей, которые способствовали формированию устойчивого образа Испании и ее жителей у представителей русской культуры.

В предисловии автор травелога так сообщает о своих мотивах:

Единственную цѣлю автора предлагаемыхъ «Писемъ» было, сколько нибудь познакомить русскихъ читателей съ этой вообще мало знаемой страной¹.

Прежде чем ступить на Пиренейский полуостров, В. П. Боткин выучил испанский язык, читал в подлиннике произведения испанских писателей, проработал все доступные сочинения по истории страны, познакомился с испанскими политическими изданиями, запасся рекомендательными письмами к представителям различных партий [Щербакова, 2021]. Впечатления автора от увиденного за время путешествия наложились на знания фактического материала, почерпнутые из разных источников. Необходимо также отметить, что В. П. Боткин находился в самой гуще событий русской литературной жизни, дружил и переписывался с В. Г. Белинским, Н. А. Некрасовым, Л. Н. Толстым, И. С. Тургеневым, А. А. Фетом, А. И. Герценом и др. Он получил основы гуманитарных знаний в частном пансионе, а в дальнейшем пополнял свои знания самостоятельно. В. Г. Белинский ввел его в кружок Н. В. Станкевича, в журнале «Современник» В. П. Боткин публиковал статьи о музыке, живописи, У. Шекспире, немецкой литературе, свои путевые заметки и очерки о Париже, Риме и др. В. П. Боткин долгое время провел в Европе и интересовался искусством, различными его жанрами, великолепное знание которых и позволило ему провести интересные сравнения и параллели, путешествуя по Испании.

Василий Петрович Боткин был представителем известной династии. Его отец происходил из купцов, занимался торговлей чаем, его старший брат Дмитрий коллекционировал живопись, брат Михаил занимался живописью и был известным художником, Сергей – знаменитым российским врачом, он стал одним из основоположников отечественной терапии. Сам Василий Петрович был знаком со многими выдающимися людьми своего времени, подолгу жил за границей. Широкий кругозор и круг общения В. П. Боткина позволили ему взглянуть на чужую культуру с определенного ракурса, что отразилось, в частности, на лексических единицах некоторых тематических групп, описывающих испанский колорит, быт и культуру.

«Василий Петрович Боткин <...> всю жизнь провёл, кочуя по заграничным курортам, и бывал в России преимущественно наездами. Горячих интересов в его жизни не было, и одна невысокая страсть владела им – страсть к гастрономии. <...> Боткин, несмотря на значительное состояние, был скуп. В общем это умный, европейски образованный эпикуреец, равнодушный ко всему гражданскому

¹Здесь и далее в цитатах В. П. Боткина выделение полужирным наше. – М. Б.

и тонкий ценитель художественных произведений, особенно живописи» [Соловьев, 1919, с. 37].

Путевые заметки В. П. Боткина являются богатым источником слов, обозначающих реалии далекой и малознакомой страны, отсутствовавших в русской культуре, так как до этого об Испании было написано крайне мало. Это произведение неслучайно выбрано как один из источников иллюстративного материала «Словаря современного русского литературного языка» в 17 томах¹ (далее БАС). Примеры из «Писем об Испании» приводятся в 99 словарных статьях, среди которых есть как статьи, дающие определение испанизмам (*хунта, сегидилья, херес, реал, пикадор, донья* и др.), так и статьи, не имеющие отношения к Испании и испанскому языку (*доверие, фабриковать, вскачь, слияние* и др.), но иллюстративный материал в некоторых случаях содержит упоминание испанских реалий (в силу специфики произведения). Например:

усаживаться: || Усаживаться, усесться на трон, на престол или на троне, на престоле. Разг. Занимать престол, становиться королем, монархом. *Филипп V только что уселся на своем престоле, как тотчас же объявил войну национальной испанской одежде.* В. Боткин, Письма об Испании (БАС).

раздражительный: *Воздух Мадрита (возвышенность его почвы – 600 метров над поверхностью моря) чрезвычайно раздражителен для нервических организаций.* В. Боткин, Письма об Испании (БАС).

КЛАССИФИКАЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ, ИСПОЛЗУЕМЫХ В ПРОИЗВЕДЕНИИ «ПИСЬМА ОБ ИСПАНИИ»

Около 44 испанизмов фиксируются в произведении В. П. Боткина. Большая часть из них относится к таким тематическим группам, как: наименования людей в социальной иерархии (обращения: *дон, донья* и др.; статус в обществе: *гранд, идальго* и др.), культура (музыкальные жанры: *фанданго*, инструменты: *кастаньеты*, танцы: *хота* и др.), бои быков (участники: *матадор, пикадор*, инвентарь: *мулета* и др.), еда и напитки (*шоколад, банан, херес* и др.), предметы и явления испанского быта (*табак, сиеста* и др.). В упоминаниях лидируют испанизмы, относящиеся к описанию боя быков, географические и социально-политические термины (*кортесы*), наименования предметов одежды (*мантилья*), продуктов питания и напитков (*херес*), музыкальные термины (*фанданго*) и наименования людей (*кабальеро*).

¹Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: АН СССР, 1950–1965. Т. 1–17.

Необходимо отметить, что большая часть этих слов ранее уже была зафиксирована в словарях, начиная с 1703 по 1847 год, что указано в пометах БАСа. Например, лексема *табак* (первая фиксация в словаре 1704 г.), *дон, донья* (1780), *индиго* (1792), *мантилья* (1794), *гитара* (1803), *болеро* (1835–1841). Из чего мы можем сделать вывод о том, что произведение В. П. Боткина «Письма об Испании» является важным источником культурной информации о далекой и малоизвестной стране, но не всегда является первоначальным источником слов испанского происхождения в русском языке.

СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОГО СЛОВА В ТЕКСТЕ

Иноязычные слова (экзотизмы) в тексте представляют новую для читателя информацию и не всегда понятны, поэтому автор при введении иноязычного слова в текст травелога использует различные способы декодирования их значения [Норлусенян, 2021]. Далее рассмотрим приемы, которые применял В. П. Боткин.

Перевод – передача значения с помощью слов языка-реципиента, смысловое соответствие:

- Вследствие этого к некоторым лавкам привешена бумага с надписью: *aquí no se tienen tertulias* (зд. не держат собраний²; с. 14)...
- ...французские моды, *el estilo de París* (парижский вкус) свели с ума мадритянок.
- Слава богу, что они хоть сберегли свой национальный *abanico* (веер)...
- ...около нас раздавалась тысяча криков разных разносчиков и продавцов, над которыми господствовал крик: «Холодная вода, сейчас из фонтана!» – «*Agua fría, ¡ de la fuente la traigo!*» (с. 19).

Комментарий – текстовый и подстрочный (сноска, отдельный комментарий):

- Надобно видеть по воскресеньям *Alameda Cristina*... (сад за городом, на берегу Гвадалкви-вира; с. 84);
- ...которые легко поддаются обману мулеты (кусочек красной ткани на дереве, которую держит матадор в левой руке; с. 60).

Транскрипция – воспроизведение звучания иноязычного слова средствами языка-реципиента:

²Здесь и далее приведены цитаты из работы: Боткин В. П. Письма об Испании. Л.: Наука, 1976. Цитаты приводятся по изданию 1976 года, но с сохранением выделения курсивом слов, написанных на испанском, которое было в издании 1857 года, но не сохранено в более позднем издании. – Н. Б.

- ...чтобы к ночи поспеть на ночлег в венту... (с. 18)
- Право на ремесло <...> дается *коррехидором*... (с. 19)
- Насильно вырвали у него *капу*... (с. 58)

Вкрапление – сохранение оригинального написания:

- *El barbero*, кажется, не потерял еще здесь своей старинной народной важности... (с. 14)
- *Prado* есть место свидания всего лучшего общества Мадрита... (с. 16)
- Тут громадные *galeras* валенсиянцев в их полуафриканской одежде и щеголей андалузцев выезжают в дорогу... (с. 18)

Регулярное использование вкраплений в тексте соответствует функции жанра произведения: автор успешно передает испанский колорит, добавляет своему тексту экзотичности, формирует у читателя яркие образы.

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ПРИЕМОВ КАК ОТРАЖЕНИЕ АВТОРСКОГО ВИДЕНИЯ

Зачастую автор использует несколько приемов, и в тексте встречаются вперемешку *бой быков*, *corrida de toros*, *бег быков* и *коррида* (эквивалент, оригинальный термин, буквальный перевод и транслитерация), что говорит о поиске автором способа представления в тексте чужой реалии, но также может свидетельствовать и о его непоследовательности, так как в некоторых случаях сложно понять его логику. В данном случае эквивалент *бой быков* представляет максимально понятное явление для русского читателя, а буквальный перевод 'бег быков' только повторяет лексический состав оригинала (*corrida* – бег), но никак не проясняет смысл такого явления, как коррида, для понимания которого необходимы предварительные знания и культурный фон.

Да, *señor*, он был манчего и очень храбрый *caballero*.

В одной этой фразе мы видим два социальных термина *señor* и *caballero* в оригинальном написании и наименование жителя испанского региона Ла-Манча в транслитерации. В современном русском языке носителю гораздо более понятны обращение *сеньор* и даже более экзотическое *кабальеро*, чем *манчего*, так и не вошедший в русский язык как топоним, непонятный для тех, кто не знаком с географией Испании.

Обратимся к другим примерам сочетания разных способов представления экзотизмов в тексте:

- ...напротив *Casa de correos* сходятся обыкновенно военные и чиновники, – *los hombres de la situación* (люди, приверженные к настоящему правительству);
- ...ватага удалых *cigarreras* (женщин, работающих на сигарной фабрике: еще особенный испанский тип) расходится по домам;
- Кстати, о кофейных: их здесь бесчисленное множество, и, конечно, ни в одной стране нет такого разнообразия *bebidas heladas* (замороженного питья), как в Испании: *bebida de naranja* (из апельсина), *bebida de limón* (из лимона), *bebida de fresa* (из земляники), *bebida de guindas* (из вишен), *bebida de almendra blanca* (из сладкого миндаля – и самый освежительный).

В последнем примере можно наблюдать комментарий, перевод и транскрипцию, а также авторскую оценку:

В Андалузии часто встречается у женщин особенный цвет кожи – бронзовый. Эти темные женщины (*morenas*) составляют здесь аристократию красоты; романсы и песни андалузские всегда предпочитают *морену*.

Основным графическим средством выделения иноязычных вкраплений в произведении В. П. Боткина «Письма об Испании» является курсив (издание 1857 г.):

Casa de correos (почтовый дом) занимает одну из сторон площади.

Также встречается и написание вкраплений в скобках (с сохранением курсива):

Мадритское мороженое (*quesitos*) далеко хуже неаполитанского.

АВТОРСКИЙ КОММЕНТАРИЙ КАК ОСОБЕННОСТЬ ТРАВЕЛОГА

В травелоге В. П. Боткина много испанизмов: это термины корриды, топонимы, реалии испанского быта, социальные термины, названия еды и напитков и др. Все эти слова в издании 1857 года напечатаны латиницей и выделены курсивом. Мы полагаем, что автор графически выделял испанизмы для привлечения внимания читателя. Большое их количество в оригинальном написании с комментариями характерно для травелога, когда путешественник как экскурсовод знакомит читателя с экзотическими реалиями далекой страны, представляет нам ее культуру и обычаи в деталях.

Сопровождение экзотизма объяснением автора – естественный процесс, иностранные лексические единицы непонятны русскому читателю, а наличие таких комментариев позволяет объяснить реалии культуры, у которых нет эквивалента в языке рассказчика. Автор исходит из того, что читатель не знаком со спецификой страны, о которой написана книга, что соответствует жанру путевых заметок. Щедрое и иногда избыточное использование экзотизмов в тексте соответствует функции жанра произведения: автор успешно передает испанский колорит, добавляет своему тексту колоритность, формирует у читателя яркие образы. Использование значительного количества терминов на языке оригинала уже является не вкраплением, а скорее особенностью этих путевых заметок: текст превращается в мозаику из русских и испанских слов, переводов, разъяснений и комментариев.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог изложенному выше, необходимо отметить следующее:

- 1) первые книги русских путешественников и контакты с Испанией относятся к достаточно позднему периоду (XVI–XVIII вв.). Они не обогатили русский язык испанизмами. Отсутствие информации об этой стране привело к появлению у автора травелога желания познакомить читателей с Испанией, поделиться своими впечатлениями. Его произведение стало источником слов и знаний о реалиях далекой страны и в дальнейшем служило иллюстративным материалом для словарных статей в БАС, что говорит об особой роли В. П. Боткина в закреплении и распространении испанизмов в русском языке;
- 2) тематические группы представленных в тексте испанизмов отражают наиболее интересные для путешественника аспекты культуры и быта страны: социальной

иерархии, культуры, боя быков, еды, напитков и др., что соответствует особенностям жанра;

- 3) автор успешно передал испанский колорит, используя вкрапления, графические выделения в тексте, а также разные способы декодирования значения (перевод, комментарий), добавляя авторскую оценку и формируя яркие образы;
- 4) для травелога характерно авторское видение: комментарии в тексте отражают субъективное восприятие и отношение путешественника к описываемым реалиям малознакомой страны, что выражается в обращении к экзотизмам, частом написании испанских слов в оригинале, поиске разных способов представления реалий.

Результаты данной работы могут найти применение в дальнейших исследованиях межкультурных взаимодействий в литературе, а также в разработке методик перевода текстов, написанных на испанском языке.

Анализ испанизмов, представленных в «Письмах об Испании», позволяет отметить, что для травелога характерна не только передача национального и исторического колорита и своеобразия Испании, но и личное видение автора, определяющее тематику и выбор слов, что отражается на частотности употребления определенных типов лексических единиц и способах их введения в текст. Отличие писем В. П. Боткина от традиционного русского путевого очерка заключается и в том, что в произведении представлен образ путешественника, глубоко осмысливающего увиденное и не таящего свое личное, индивидуальное отношение к описываемому, что выражается в выборе языковых средств и описании особенностей испанской культуры. Наблюдения и переживания автора травелога имеют индивидуально-личностную окраску, а форма отражает желание запечатлеть обретенный познавательный и эмоциональный опыт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Биржакова Е. Э., Войнова Л. А., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л.: Наука, 1972.
2. Сорокин Ю. А., Марковина И. Ю. Опыт систематизации лингвистических и культурологических лакун: методологические и методические аспекты // Лексические единицы и организация структуры литературного текста. Калининград, 1983.
3. Крысин Л. П. Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука, 1968.
4. Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. 1972. Вып. 6. С. 344–382.
5. Василенкова Л. Б. Заимствования в тексте травелога как средство создания образа итальянского мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2020. Т. 13. Вып. 6. С. 127–133.

6. Корконосенко К. С. История перевода испанской литературы как процесс // Испанская литература в русских переводах и критике. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 3–34.
7. Кузнецов А. Г. Испанская и португальская лексика в русском языке // Вестник Кыргызско-российского славянского университета. 2012. Т. 12. № 12. С. 142–148.
8. Щербакова Г. И. Образ русского купца за границей в отечественной словесности: от петровских времен до начала XX века // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. 2021. Т. 1. № 1 (34). С. 66–74.
9. Соловьев Е. А. И. С. Тургенев. Его жизнь и литературная деятельность. Петроград: Сотрудничество, 1919.
10. Норлусенян В. С. Дискурсивные способы ввода испанизмов в англоязычный художественный текст // Гуманитарные и социальные науки. 2021. Т. 89. № 6. С. 99–103.

REFERENCES

1. Birzhakova, E. E., Vojnova, L. A., Kutina, L. L. (1972). Ocherki po istoricheskoy leksikologii russkogo yazyka XVIII veka. Yazykovye kontakty i zaimstvovaniya = Essays on historical lexicology of the Russian language of the XVIII century. Language contacts and borrowings. Leningrad: Nauka. (In Russ.)
2. Sorokin, Yu. A., Markovina, I. Yu. (1983). Opyt sistematzacii lingvisticheskikh i kul'turologicheskikh lakun: metodologicheskie i metodicheskie aspekty = Experience of systematization of linguistic and cultural lacunas: methodological and methodological aspects. Lexical units and organization of literary text structure. Kaliningrad. (In Russ.)
3. Krysin, L. P. (1968). Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke = Foreign-language words in the modern Russian language. Moscow: Nauka, 1968. (In Russ.)
4. Haugen, E. (1972). Protseess zaimstvovaniya = The process of borrowing. New in linguistics, 6, 344–382. (In Russ.)
5. Vasilenkova, L. B. (2020). Borrowings in the travelogue text as a means of creating an image of the Italian world. Philology. Theory & Practice, 13(6), 127–133. (In Russ.)
6. Korkonosenko, K. S. (2019). Istoriya perevoda ispanskoy literatury kak process = History of Spanish Literature Translation as a Process. In Spanish Literature in Russian Translations and Criticism (pp. 3–34). St.Petersburg: Nestor-Istoria. (In Russ.)
7. Kuznecov, A. G. (2012). Ispanskaya i portugal'skaya leksika v russkom yazyke = Spanish and Portuguese vocabulary in the Russian language. Bulletin of the Kyrgyz-Russian Slavic University, 12(12), 142–148. (In Russ.)
8. Shcherbakova, G. I. (2021). The image of the Russian merchant abroad in Russian literature: from Peter's times to the beginning of the XX century. Herald of Volga University named after V. N. Tatishchev, 1-1(34), 66–74. (In Russ.)
9. Solov'ev, E. A. (1919). I. S. Turgenev. Ego zhizn' i literaturnaya deyatel'nost' = I. S. Turgenev. His life and literary activity. Petrograd: Sotrudnichestvo. (In Russ.)
10. Norlusenyan, V. S. (2021). Discursive ways of introducing spanisms into English literary text. The Humanities and Social Sciences, 89(6), 99–103. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бакурова Мария Владимировна

ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации
Новосибирского государственного педагогического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Bakurova Maria Vladimirovna

Teaching Assistant at the Department of Theory of Language and Intercultural Communication
Novosibirsk State Pedagogical University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	08.04.2025	
принята к публикации	19.04.2025	

Эволюция рекламного слогана как отражение смены ценностных приоритетов

Ю. С. Варламова¹, В. А. Митягина²

^{1,2}Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

¹varlamova98@volsu.ru

²mityagina@volsu.ru

Аннотация. В статье представлен диахронический лингвопрагматический анализ рекламных слоганов с целью выявления факторов, обуславливающих их эволюцию в аксиологическом аспекте. Приводятся результаты исследования рекламных слоганов на английском и французском языках и их переводов на русский язык, появившихся в период с конца XIX века по настоящее время и опубликованных в открытых интернет-источниках. Работа выполнена с применением лингвопрагматического анализа, интерпретативного и контекстуального анализа, а также контент- и интен-анализа. Был установлен факт отражения слоганом ценностных ориентиров бренда и общества как следствие переосмысления ценностей и потребительских мотивов под влиянием исторических, политических и экономических факторов.

Ключевые слова: рекламный слоган, прагматика перевода, рекламный дискурс, ценностные ориентиры, технология перевода

Для цитирования: Варламова Ю. С., Митягина В. А. Эволюция рекламного слогана как отражение смены ценностных приоритетов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 23–28.

Original article

The Evolution of the Advertising Slogan as a Reflection of Changing Value Priorities

Iuliia S. Varlamova¹, Vera A. Mityagina²

^{1,2}Volgograd State University, Volgograd, Russia

¹varlamova98@volsu.ru

²mityagina@volsu.ru

Abstract. The article presents a diachronic linguistic and pragmatic analysis of advertising slogans with the aim of identifying the factors that determine their evolution in axiological aspect. The study analyzes advertising slogans in English, French, and their translations into Russian created between the late 19th century and the present day and published on open internet sources. This research employs methods such as linguistic and pragmatic analysis, interpretation and contextual analysis, as well as elements of content and intention analysis. The study established the fact that the slogan reflects the values and orientations of a brand and society as a result of changing values and consumer motivation by the influence of historical, political, and economic factors.

Keywords: advertising slogan, translation pragmatics, advertising discourse, value orientations, translation technology

For citation: Varlamova, Iu. S., Mityagina, V. A. (2025). The evolution of the advertising slogan as a reflection of changing value priorities. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 23–28. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Стремительно развивающийся мир и общество иницируют и стремительное развитие спектра товаров и услуг, которые, в свою очередь, порождают необходимость в создании ярких и информативных слоганов для их продвижения. Отличительной чертой современных рекламных слоганов является комбинирование языковых средств разных уровней. Удачные варианты сочетания синтаксических, фонетических, стилистических приемов «прописывают» полученные слоганы в системе культурных ценностей, максимально полно реализуя прагматические программы отправителя и потенциального реципиента. Самые удачные и успешные слоганы нередко «уходят в народ», входят в паремиологический фонд языка. Функционирование слоганов, изменение технологии их создания, логики появления новых акцентов в формулировке лозунга отражают как развитие рынка товаров и услуг, так и тренды развития рекламного дискурса, аксиологию его новых формул.

На сегодняшний день исследование рекламного дискурса и рекламного текста определяют идеи ведущих ученых в парадигме коммуникативной лингвистики – Н. Д. Арутюновой, В. И. Карасика, Е. Г. Борисовой, Ю. К. Пироговой и П. Б. Паршина, О. Н. Рыбаковой, С. Ю. Тюриной [Арутюнова, 1990; Карасик, 2015; Борисова, 2018; Пирогова, Паршин, 2000; Рыбакова, 1999; Тюрина, 2009]. Вопросы перевода рекламных слоганов и рекламных текстов освещались в работах С. А. Архиповой, М. К. Апетян, М. В. Данильчук, В. А. Митягиной и Ю. С. Клинковой, И. А. Лызловой и А. В. Горшениной [Архипова, 2011; Апетян, 2014; Данильчук, 2017; Митягина, Клинкова, 2021; Лызлова, Горшенина, 2016].

В данной статье предпринимается диахронический лингвопрагматический анализ рекламных слоганов с целью установления детерминирующих факторов их эволюции, прежде всего в аксиологическом аспекте.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили рекламные слоганы на английском и французском языках и их переводы на русский язык, сделанные в период с конца XIX века по настоящее время и опубликованные в открытых интернет-источниках (в тексте статьи указаны в постраничных ссылках). Основными методами настоящего исследования являются техники лингвопрагматического исследования в сочетании с приемами интерпретативного и контекстуального анализа с элементами контент- и интен-анализа.

РЕКЛАМНЫЙ СЛОГАН КАК МАРКЕР ЭПОХИ

Рекламный слоган меняется так же, как мода, идеалы красоты, образ жизни, ценностные приоритеты, и смена рекламных слоганов отражает эволюцию ценностных ориентиров бренда, компании и общества. Слоган как комплексное выражение актуальной философии компании играет важную роль в ее самопрезентации и продвижении бренда на рынке. В. И. Карасик отмечает, что «самопрезентация в рекламном дискурсе представляет собой явное и скрытое выражение ценностно маркированной позиции субъекта, осуществляющего продвижение материальных и символических товаров» [Карасик, 2015, с. 40]. Текст рекламного слогана не только демонстрирует ценности и традиции продающей компании, но и ценности меняющегося общества. Качественный слоган помогает сформировать мнение о бренде, что «в современных условиях является одним из основных регуляторов потребительского поведения» [Володина, 2011, с. 68].

В разные периоды слоганы отражали и продвигали интересы и ценности компаний, которые формировались под влиянием исторических, политических, экономических факторов, в то время как потребительские мотивы могут быть «сильными и слабыми, постоянными и временными, позитивными и негативными» [Зазыкин, 1992, с. 63]. Переход компании от одного слогана к другому может быть связан не только с появлением нового продукта, но и с новыми культурными тенденциями, переломными моментами в жизни общества.

Так, одним из трендов последних лет является переход на «глобальные» слоганы, которые создаются на английском языке в рамках продвижения товаров и услуг на международном рынке с целью укрепления позиций, увеличения прибыли, расширения клиентской базы компании. Переход на международный язык, помимо простого использования английского в качестве рабочего языка, также определяет новый вектор в формировании прагматики в соответствии со сменой целевой аудитории и ее особенностей.

С изменениями слоганов меняется и подход к прагматике их перевода, поскольку эволюционирует переводческая практика, подходы к переводу рекламы, углубляются знания в сфере межкультурной коммуникации. Тем не менее существует взаимосвязь развития переводческой практики и увеличения роли прагматического аспекта в переводе, поскольку «сила воздействия, экспрессия, способность вызвать строго определенную ответную реакцию у реципиента будут признаками правильной передачи текста на переводящем

языке» [Архипова, 2011, с. 11]. В настоящее время прагматический эффект представляется одним из главных элементов, который необходимо сохранить и передать в слогане на языке перевода. Средства реализации прагматического значения определяются ценностями, традициями, особенностями языка принимающей аудитории. Переводы стали более ориентированными на передачу и создание во вторичном тексте такого же прагматического эффекта по отношению к целевой аудитории, как и в оригинальном слогане, безусловно, с учетом культурных и психологических особенностей и других аспектов восприятия целевой аудиторией.

Говоря о переводе рекламных текстов, М. Б. Раренко пишет о парадоксе перевода рекламы, который «часто заключается в том, что рекламный текст переведен, но, тем не менее, не понятен целевой аудитории» [Раренко, 2018, с. 296]. В современном подходе к переводу рекламных текстов появилось, таким образом, больше простора для творчества при создании действенного и «продающего» образа. Тем не менее перевод слоганов остается достаточно непростой задачей для переводчиков, поскольку «для преодоления переводческих трудностей, возникающих при переводе названий брендов и слоганов, необходимо обладать знаниями о культуре, ценностях, психологии реципиентов и уметь прочувствовать и предвидеть реакцию потенциального потребителя» [Данильчук, 2017, с. 112].

В силу того что задачей рекламного текста является побуждение адресата к приобретению товара или услуги, прагматический эффект может реализовываться как в форме эксплицитного призыва к действию с помощью глаголов в повелительном наклонении (покупайте, выбирайте и т. д.), так и через имплицитные средства, в частности, посредством использования логико-синтаксического строения слогана, графического оформления, подбора определенных языковых единиц.

Одним из весьма показательных примеров изменения идеологии, ценностей, традиций и тенденций компании являются слоганы рекламы кока-колы. Первоначально, еще в 1886 году, слоган звучал так: «Drink Coca-Cola» («Пей Coca-Cola»)¹, однако после изменений в рецептуре, а именно: отказ от использования листьев коки, изменился вкус и тонизирующий эффект, что повлекло смещение акцента в слогане. Так, в 1904 году появился слоган: «Delicious and Refreshing» («Вкусный и освежающий»). Однако спустя всего лишь два года, в 1906 году, компания сменила слоган на фоне забастовок в Америке против алкоголя, акцентируя внимание на безалкогольности

выпускаемого напитка в стремлении стать своеобразным символом трезвости: «The Great National Temperance Beverage» («Великий национальный напиток трезвости»)². В 1917 году с ростом его популярности происходит увеличение продаж, что становится очередной вехой в истории слоганов компании: «Three Million a Day» («Три миллиона в день»). К 1925 году компания стала популярна уже за пределами США, и, как следствие, наблюдалось значительное увеличение продаж до шести миллионов бутылок в день, что отразилось в слогане: «Six Million a Day» («Шесть миллионов в день»). Слоган стал отражением роста потребителей и призывом потенциальных покупателей присоединиться, стать частью армии поклонников напитка. Простота и нейтральность слогана обусловили возможность перевода – простой подстановки. Так была заложена традиция компании создавать предельно лаконичный лозунг.

На современном этапе слоганы компании «Кока-Кола» сконцентрированы на вкусовых характеристиках, на положительных эмоциях от употребления напитка, на позитивном жизненном настроении вместе с колой и благодаря ей. Общая идея слоганов компании сконцентрирована в концепте счастья, возможного именно с этим напитком, что успешно реализуется и в переводе слоганов в рекламу на другие языки.

С начала 1990-х слоган «Always Coca-Cola» («Всегда Coca-Cola») задуман как заявка на масштабность продукта на мировом рынке. Один из наиболее популярных слоганов компании выдержал испытание временем, потому что легкость, простота, лаконичность в сочетании с внутренним объемом помогают воздействовать на потребителя, которому любой момент будет лучше пережить именно с данным напитком. В переводе слоган легко передается с максимальным сохранением оригинальной номинации марки и передачей семантического содержания.

Вариант перевода слогана 2006 года «The Coke Side of Life» («Всё будет Coca-Cola») является примером «тройной» транскреации фразы: слоган появился как аллюзия на американскую поговорку *sunny side of life*, которая стала перифразом от *sunny side of the road*, потом поговорка превратилась в *good side of life*, поэтому в «The Coke Side of Life» читается и слышится *Good*, и в переводе на русский мы получаем «Всё будет Coca-Cola» как созвучное «Всё будет хорошо».

Аллюзия, использованная в оригинальном слогане, была успешно переведена, что

¹Здесь и далее, если не указано иное, примеры приведены по: <https://eva.ru/razvlecheniya/poprobuj-pochuvstvuj--istoriya-sloganov-coca-cola> (дата обращения: 08.12.2024).

²URL: <https://www.englishdom.com/blog/istoriya-reklamnyx-sloganov-coca-cola/> (дата обращения: 08.12.2024).

свидетельствует о правильности лингвопрагматического решения.

В 2009 году новый слоган компании «Oreo Happiness» («Откройся счастью») сменил ценностно ориентированный вектор с идеи постоянного присутствия напитка в жизни людей в любых ситуациях на призыв к тому, чтобы кока-кола стала для потребителя спутником в обретении счастья и радости, и начать можно с кока-колы. Этот слоган стал частью музыкального маркетинга, сингл «Oreo Happiness» занимал весьма высокие позиции в чартах, был переведен на арабский и японский языки. «Кока-Кола» отказалась от прямого упоминания бренда и лишь появление в конце клипа стало основой для воодушевления и радости. В репрезентации бренда в социо- и лингвокультурном пространстве в переводе на русский язык слова *open* был использован императив возвратного глагола – *откройся* – как перспективное глобальное движение к счастью.

Один из последних слоганов компании появился в 2016 году: «Taste the Feeling» («Попробуй... Почувствуй»). В этот раз маркетинговая стратегия была рассчитана на позиционирование всех продуктов товарного знака, и в клипе под оригинальную композицию в исполнении Конрада Сьюэлла (Conrad Sewell) катание на коньках, прогулки с друзьями, первое свидание, первый поцелуй, первая любовь подчеркивают равнозначность вкусовых и эмоциональных ощущений. Отметим, что перевод на русский язык меняет прагматику слогана, показывающего всю гамму возможных вкусов, в том числе без содержания сахара. Так русскоязычный слоган оказывается более эффективным, чем оригинал, поскольку однородные члены предложения, структурированные как анафора, создают эффект развития, побуждения.

Рассмотрим экспликацию ценностных ориентиров в слоганах в оригинальном и переводном вариантах на примере рекламы американской корпорации «Макдоналдс» (McDonald's). 31 января 1990 года в Москве был открыт первый, самый большой в мире на тот момент ресторан быстрого питания «Макдоналдс». В это время компания использовала слоган «The good time, great taste of McDonald's»¹, который был локализован как «Весело и вкусно в McDonald's»². В переводе произошло в определенном смысле «свертывание» – грамматическая трансформация позволила убрать громоздкую конструкцию (бука. 'Хорошо проведенное время и отличный вкус в McDonald's') и сохранить позитивную идею оригинала. В аналогичной тема-рематической

структуре сохранено оригинальное англоязычное название ресторана как акцент, выражающий глобальные ценности и идеи компании.

В период с 2003 по 2022 год главным и самым известным слоганом компании был «I'm Lovin' It» («Вот что я люблю»)³. Этот слоган стал визитной карточкой компании во всех странах, где было открыто представительство. В слогане на английском языке основной глагол *love* использован во времени Present Progressive, что с точки зрения грамматики является неверным, однако такое решение стало эффективным для акцентирования внимания именно на процессе, на происходящем моменте. Сам слоган является репрезентацией мысленной реакции посетителей при посещении ресторана «Макдоналдс». При переводе слогана происходит изменение тема-рематического членения и конкретизируется значение *it* с помощью указательной частицы *вот*.

В русскоязычном пространстве для компании создавались самостоятельные слоганы, ориентированные на контакт с потенциальной аудиторией: благотворительный Фонд Рональда Макдональда действовал со слоганом «Я несу радость, а ты?»⁴, а в 2014 году компания выступила официальным спонсором зимних Олимпийских игр в Сочи с девизом: «Мы – одна семья. Мы делаем игры вместе».

Аналогичная фатическая стратегия прослеживается в рекламе газированного напитка «Sprite». В 1993 году по заказу компании «Кока-Кола» для напитка был создан слоган: «Image is nothing. Thirst is everything. Obey your thirst»⁵, – который в России появился спустя год как: «Имидж – ничто, жажда – всё! Не дай себе засохнуть!»⁴. Обращение к потребителю стало развитием слогана 1990 года: «Obey your thirst». В переводе слогана «Image is nothing. Thirst is everything. Obey your thirst» наблюдается комбинация приема прямой пропорциональной подстановки и глобальной модуляции с использованием антонимичного перевода. Фокус на утолении жажды сохранился: удачно использована модальность глагола (*obey – не дай*), а императивная форма глагола прекрасно работает на аудиторию призывом проявить заботу о себе.

В дальнейшем в России у слогана «Obey your thirst» было несколько вариантов перевода, обусловленных концепцией рекламной компании – «Брось жажде вызов» (с середины 1990-х) и «У жажды нет шансов» (с начала 2000-х).

³URL: <https://www.sloganlist.com/top10-slogans/> (дата обращения: 08.12.2024).

⁴URL: <https://hseedesign.ru/project/91a06ce622d24aa4a043432ab26724d9> (дата обращения: 08.12.2024).

⁵URL: <https://academia-lab.com/encyclopedia/sprites-soda/> (дата обращения: 08.12.2024).

¹URL: <https://www.sloganlist.com/restaurant-slogans/mcdonalds-slogan.html> (дата обращения: 08.12.2024).

²URL: <https://yagla.ru/blog/marketing/99-samyh-izvestnyh-sloganov-v-rossii/> (дата обращения 08.12.2024).

Французский бренд «Tefal» является примером того, как компания создает слоган для новой аудитории. Так, в 1990-х и 2000-х годах во Франции использовался слоган: «Tefal tu penses à tout»¹, который акцентировала внимание на создании товаров с учетом всех деталей и нюансов. В России с 2006 по 2009 год рекламная компания *Tefal* проходила с девизом «Без твоих идей не обойтись»². Идея оригинального французского слогана о компании, для которой нет мелочей, сохранена, но переориентирована на пользу покупателя, который не обойдется в своей жизни без товаров от *Tefal*. Отметим преемственность русскоязычного слогана, его соответствие философии компании: еще в 1970-х, когда бренд не был представлен в России, реклама товаров звучала как: «Comment s'en passer?»³ («Как без этого обойтись?»). В дальнейшем, с 2010 по 2012 год, стал использоваться слоган *Tefal*: «Ты всегда думаешь о нас»⁴, также направленный на внимание к аудитории, формирование ощущения близости потребителей и бренда, а следовательно, иллюзии их влияния на бренд.

Отметим, что периодически рекламные компании связаны с реализацией значимых для позиционирования на рынке технологических преимуществ производителя. В 2000-х во Франции бренд

¹URL: <https://www.slogan.pub/slogan-marque/38-tefal/38-tefal-tu-penses-a-tout> (дата обращения: 08.12.2024).

²URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wmjcr0v5b60> (дата обращения: 08.12.2024).

³URL: <https://www.anterity.fr/recherche-anteriorite-slogan/recherche-marque/tefal> (дата обращения: 08.12.2024).

⁴URL: <https://www.youtube.com/watch?v=THLIEX3avRk> (дата обращения: 08.12.2024).

Tefal использовал слоган: «La cuisine française d'aujourd'hui»⁸ («Тэфаль: французская кухня сегодняшнего дня»), отражающий увеличение роли современной техники на рынке, ее актуальное развитие, новый виток в культуре питания, оптимизацию процесса приготовления пищи. Слоганы такого плана, как правило, комбинируются с лозунгами, выражающими аксиологическую программу компании.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволяет говорить о безусловной смене ценностных ориентиров в создании рекламных слоганов в разные периоды времени. Смена ценностей, традиций, моделей поведения и целевой аудитории влечет за собой изменения в подходах к переводческой стратегии в рекламном дискурсе. Диахронический анализ слоганов позволяет говорить об усилении тенденции к универсальности слогана, стремлении к выражению в рекламе глобально значимых ценностей. Общее прагматическое значение выступает основой актуальной тенденции к созданию максимально простого лозунга. В случае, когда развитие бренда, компании или изменение ассортимента ее товаров идет нелинейно в один и тот же временной период в разных странах, в переводе используется прием транскреации. В ряде случаев возможно его комбинирование с простой пропорциональной подстановкой, если слоган содержит аксиологически универсально значимые высказывания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Арутюнова Н. Д. Прагматика. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990.
2. Карасик В. И. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2015. № 4 (20). С. 32–43.
3. Борисова Е. Г. Рекламный дискурс: в чем его особенности? // Медиалингвистика. 2018. № 4 (5). С. 436–444.
4. Пирогова Ю. К., Паршин П. Б. Рекламный текст: семиотика и лингвистика. М.: Издательский дом Грabelьникова, 2000.
5. Рыбакова О. Н. Дискурсивные, коммуникативно-прагматические и семиотические характеристики англоязычной печатной рекламы: дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 1999.
6. Тюрина С. Ю. О понятиях рекламный дискурс и рекламный текст // Вестник ИГЭУ. 2009. № 1. С. 75–77.
7. Архипова С. А. Особенности перевода рекламных текстов // Полилингвистика и транскультурные практики. 2011. № 2. С. 10–14.
8. Апетян М. К. Особенности перевода слоганов англоязычных реклам на русский язык // Молодой ученый. 2014. № 1 (60). С. 668–669.
9. Данильчук М. В. Особенности перевода названий брендов и рекламных слоганов // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2017. № 183. С. 107–114.
10. Митягина В. А., Климова Ю. С. Прагматика перевода в интернационализации рекламы // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 6 (848). С. 93–104.

11. Лызлова И. А., Горшенина А. В. Проблема перевода рекламных слоганов в аспекте когнитивной и прагматической лингвистики (на материале английских слоганов) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1. С. 194–197.
12. Володина А. Н. Влияние рекламы на формирование отношения потребителя к бренду // Сибирский психологический журнал. 2011. № 42. С. 67–78.
13. Зазыкин В. Г. Психология в рекламе. М.: Дата Стром, 1992.
14. Раренко М. Б. Перевод рекламных текстов: теория и практика // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 18 (816). С. 296–307.

REFERENCES

1. Arutyunova, N. D. (1990). Pragmatika. Lingvisticheskaya encyclopedia = Pragmatics. Linguistic Encyclopedic Dictionary. Editor-in-chief V. N. Yarceva. Moscow. Sovremennaya Encyclopedia. (In Russ.)
2. Karasik, V. I. (2015). Self-presentation in advertising discourse. Current issues in philology and pedagogical linguistics, 20(4), 32–43. (In Russ.)
3. Borisova, E. G. (2018). The discourse of advertizing: peculiarities. Media Linguistics, 5(4), 436–444. (In Russ.)
4. Pirogova, Yu. K., Parshin, P. B. (2000). Reklamnyy tekst: semiotika i lingvistika = Advertising text: semiotics and linguistics. Moscow: Izdatelskiy dom Gabelnikova. (In Russ.)
5. Rybakova, O. N. (1999). Diskursivnye, kommunikativno-pragmaticheskie i semioticheskie harakteristiki angloyazychnoy pechatnoy reklamy = Discursive, communicative-pragmatic and semiotic characteristics of English-language print advertising: PhD thesis in Philology. Ivanovo. (In Russ.)
6. Tyurina, S. Yu. (2009). O ponyatiyah reklamnyy diskurs i reklamnyy tekst = On the concepts of advertising discourse and advertising text. Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo energeticheskogo univesiteta = Bulletin of Ivanovo State Power Engineering University, 1, 75–77 (In Russ.)
7. Arkhipova, S. A. (2011). The peculiarities of translating the texts of advertisement = Features of translation of advertising texts. Polylinguality and transcultural practices, 2, 10–14. (In Russ.)
8. Apetyan, M. K. (2014). Osobennosti perevoda sloganov angloyazychnyh reklam na russkiy yazyk = Peculiarities of translating English-language advertisement slogans into Russian. Molodoy ucheny, 1(60), 668–669. (In Russ.)
9. Danilchuk, M. V. (2017). Features of translating brand names and advertising slogans. Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences, 183, 107–114. (In Russ.)
10. Mityagina, V. A., Klinkova, Ju. S. (2021). Translation pragmatics in advertising internationalization. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 6(848), 93–104. (In Russ.)
11. Lyzlova, I. A., Gorshenina, A. V. (2016). The problem of transaction of advertising slogans in the aspect of cognitive and pragmatic linguistics (based on the English slogans). International Journal of Humanities and Natural Sciences, 1, 194–197. (In Russ.)
12. Volodina, A. N. (2011). Influence of advertising on formation of the relation of the consumer to the brand. Siberian Journal of Psychology, 42, 67–78. (In Russ.)
13. Zazykin, V. G. (1992). Psihologiya v reklame = Psychology in advertising. Moscow : Data Strom.
14. Rarenko, M. B. (2018). To translate advertising texts: theory and practice. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 18(816), 296–307. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Варламова Юлия Сергеевна

аспирант кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета

Митягина Вера Александровна

доктор филологических наук, профессор

профессор кафедры теории и практики перевода и лингвистики Волгоградского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Varlamova Iuliia Sergeevna

Post-graduate Student of the Translation Theory and Practice and Linguistics Department of Volgograd State University

Mityagina Vera Alexandrovna

Doctor of Philology, Professor

Professor of the Translation Theory and Practice and Linguistics Department of Volgograd State University

Статья поступила в редакцию
одобрена после рецензирования
принята к публикации

18.03.2025
03.04.2025
10.04.2025

The article was submitted
approved after reviewing
accepted for publication

Лексико-семантические модификации прилагательных в англоязычном судебном дискурсе (на примере лексем *material* и *substantive*)

М. А. Викулина¹, Л. В. Моисеенко²

¹РГУ (НИУ) нефти и газа им. И. М. Губкина, Москва, Россия

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется влияние особенностей судебного дискурса на модификацию значения лексем. В ходе интерпретации юридического текста за прилагательным закрепляется незафиксированное или малораспространенное словарное значение. Цель данного исследования – выявление наиболее частотных лексико-семантических модификаций в юридическом дискурсе. Анализируя тексты решений Верховного суда США и используя дискурсивный и компонентный анализы, авторы приходят к выводу, что лексико-семантические модификации в судебном дискурсе часто становятся результатом сужения значения в процессе интерпретационной практики, а также результатом функциональной замены при выборе эквивалента языковой единицы в переводящем языке.

Ключевые слова: судебный дискурс, лексико-семантические модификации, сужение значения, функциональная замена, юридический перевод

Для цитирования: Викулина М. А., Моисеенко Л. В. Лексико-семантические модификации прилагательных в англоязычном судебном дискурсе (на примере лексем *material* и *substantive*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 29–36.

Original article

Lexical and Semantic Modifications of Adjectives in the English-Language Court Discourse (an analysis of the words *material* and *substantive*)

Maria A. Vikulina¹, Lilia V. Moiseenko²

¹National University of oil and gas «Gubkin University», Moscow, Russia

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹vikulina_maria@mail.ru

²liliamoiseenko@gmail.com

Abstract. The article under consideration focuses on the way the court discourse specificity influences the modification of the word semantics. In the course of a legal text interpretation an adjective acquires a meaning that is not fixed in the dictionary or that is less frequent in use. The purpose of the research under consideration is to identify the most frequent lexical and semantic modifications in the legal discourse. Analyzing the texts of the US Supreme Court rulings and relying heavily on discourse analysis and component analysis, the authors conclude that lexical and semantic modifications in the courtroom discourse more often result from narrowing or restriction of the meaning in the course of court interpretation practice and functional substitute technique while choosing an equivalent for a term in the target language.

- Keywords:** court discourse, lexical and semantic modifications, narrowing or restriction of the meaning, functional substitute technique, legal translation and interpretation
- For citation:** Vikulina, M.A., Moiseenko, L.V. (2025). Lexical and semantic modifications of adjectives in the English-language court discourse (an analysis of the words *material* and *substantive*). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(899), 29–36. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Работа с юридическими текстами, в частности, перевод англоязычной правовой документации на русский язык, часто вызывает затруднения, связанные со специфическими изменениями в значении лексем в юридическом дискурсе и в правовой интерпретации. В данном исследовании мы ставим перед собой цель определить наиболее частотные лексико-семантические модификации прилагательных в судебном дискурсе, а также некоторые распространенные переводческие ошибки. В этой связи представляется целесообразным описать коммуникативно-прагматические характеристики судебного дискурса и особенности правовой коммуникации, проанализировать словарные значения лексем, а также с помощью компонентного и дискурсивного анализа проследить, какие незафиксированные или малораспространенные значения закрепляются за прилагательным в ходе правовой интерпретации юридического текста.

Материалом для исследования послужили решения Верховного суда США.

Научная новизна работы заключается в том, что в ней установлены наиболее частотные лексико-семантические модификации прилагательных на примере лексем *material* и *substantive* представлены лингвопрагматические характеристики судебного дискурса, влияющие на изменение значения в процессе интерпретации; описана роль коммуникативно-прагматических характеристик судебного дискурса в данном процессе, а также аргументированно разъяснена разница в значениях некоторых внешне схожих английских и русских юридических терминов, которые потенциально могут стать «ложными друзьями переводчика». Теоретическая значимость исследования состоит в том, что решаемая в нем проблема вносит вклад в теорию текста и переводоведения, а практическая – в использовании полученных результатов при дальнейшей работе с юридическими текстами и в исправлении неточностей, зачастую тиражируемых в русскоязычных словарях.

ОСНОВНЫЕ ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОГО ДИСКУРСА

Судебный дискурс как часть юридического дискурса характеризуется определенным составом

участников, спецификой целей и ценностей, особенностями ключевых концептов, стратегий, прецедентных текстов, материала, а также набором дискурсивных формул. Для судебного дискурса как для разновидности институционального характерно клишированное общение, которое выстраивается по определенному шаблону. В. И. Карасик, исследуя критерии институционального дискурса, выделяет:

- 1) специфическую цель общения, определяемую кругом задач, которые необходимо решить;
- 2) специфические условия общения в рамках данного института и вытекающие отсюда официальность стиля, жесткую детерминированность тематики общения, наличие институциональных символов;
- 3) специфические характеристики коммуникаторов, которые выступают в статусно-ролевой функции;
- 4) специфические характеристики текстов, которые содержат знаки принадлежности агентов к данному социальному институту [Карасик, 1998].

Говоря о специфических характеристиках текстов и рассматривая проблему неопределенности текстов юридических документов, Н. Ю. Кораблева отмечает, что данный вопрос уже долгое время оказывается в фокусе внимания исследователей, поскольку неоднозначность и двусмысленность затрудняют толкование нормы и сам процесс правоприменения. С точки зрения Н. Ю. Кораблевой, «тексты юридических документов должны отличаться ясностью и однозначностью в подаче материала, что дает возможность профессиональным юристам снимать элементы двусмысленности и неоднозначности» [Кораблева, 2024, с. 57]. Ученый справедливо полагает, что при создании нормы права юридический текст должен стремиться к четкости и определенности с точки зрения последующей интерпретации.

В качестве примера Н. Ю. Кораблева приводит формулировки кодексов Российской Федерации, в частности, статьи, касающиеся тяжкого вреда здоровью, вреда средней тяжести и особо тяжких преступлений: «Несмотря на очевидную сложность с последующей однозначной интерпретацией словосочетания, включающего в себя градуальные прилагательные, в текстах юридических документов

нередко встречаются целые шкалы, содержащие подобные оценочные элементы, зачастую сопровождаемые модификаторами степени проявления признака, например: особо тяжкое преступление, вред средней тяжести, чрезвычайно высокая степень вреда и т. д.» [Кораблева, 2024, с. 59].

Мы не можем согласиться с утверждением, что данные определения предполагают субъективное толкование правоприменителя. Исходя из того, что применение закона в основном ложится на плечи профессиональных юристов, в частности судей, мы склонны полагать, что ранее установленные и закрепленные в комментариях или официальных толкованиях смыслы за счет многократного обращения к законам и иным нормоустанавливающим документам (например, Постановлениям Пленума Верховного суда) фиксируются в качестве знаний, разделяемых всеми представителями юридической профессии (фоновые знания). В частности, под тяжким вредом понимается причинение вреда, вызвавшее значительную стойкую утрату общей трудоспособности не менее чем на 1/3 или полную утрату потерпевшим профессиональной трудоспособности (для заведомо виновного). Более того, критерии тяжести четко определены даже в отношении характера ран или поврежденных органов. Например, под потерей зрения понимается полная стойкая слепота на оба глаза или такое состояние, когда имеется понижение зрения до показателя остроты зрения 0,04 и ниже (счет пальцев на расстоянии 2 м и до светоощущения)¹.

Таким образом, более справедливым является тезис Н. Ю. Кораблевой о том, что «в рамках юридической практики профессиональные юристы применяют наработанные годами принципы и правила толкования юридических текстов, которые, в свою очередь, составляют часть юридической догматики, позволяющей рассчитывать на предсказуемый результат» [там же, с. 57].

Учитывая специфику дискурсивных формул и особенности формулировок юридических текстов, в частности судебных решений, можно говорить о формировании определенного языка судебного дискурса, где, как отмечает Л. Н. Шевырдяева, ведущая роль принадлежит судьям, так как «именно в речи судей происходит концептуализация действительности в аспекте права» [Шевырдяева, 2009, с. 8]. Судью, вслед за И. Б. Руберт, можно назвать «лицом, наделенным государственными полномочиями, и в силу этого персонифицирующим государство» [Руберт, 2003, с. 125]. В процессе интерпретации судьей юридического документа происходит выбор наиболее релевантного и максимально

¹URL: <https://ukodeksrf.ru/ch-2/rzd-7/gf-16/st-111-uk-rf> (дата обращения: 14.08.2024).

отвечающего интересам законодателя значения слова в контексте. Асимметричность судебного дискурса, при которой представители власти доминируют по отношению к сторонам процесса, приводит к своего рода «навязыванию» смыслов, установленных правоприменителем. Императив решения судьи приводит к тому, что его интерпретация правовой ситуации и соотнесение ее с определенным термином в дискурсе устанавливают критерии для дальнейшей квалификации дел в ходе правоприменения.

Интерпретируя интенции законодателя и текст документа в ходе правоприменения, судья из всего множества значений слова выбирает то, которое, с его точки зрения, закладывал законодатель и которое максимально отвечает интересам правовой нормы и правовой системы. Аргументативность судебного дискурса, т. е. регулярное обязательное обращение к прецедентным текстам и прецедентным делам, а следовательно, многократное воспроизведение установленного в процессе интерпретации смысла и акцентирование конкретного значения лексемы, приводят к закреплению определенного значения за определенной лексемой и тиражированию его соотнесения с фрагментом знания, представленного в виде определенных когнитивных структур.

Таким образом, значения терминов претерпевают лексико-семантические модификации ввиду особенностей юридического, в частности судебного, дискурса. При переводе данных лексем на русский язык значение исходных терминов не совпадает с единицами переводящего языка, однако выводится из него при помощи логических преобразований определенного типа. В число лексико-семантических модификаций входят сужение или расширение исходного значения языковой единицы, нейтрализация или усиление эмфазы, функциональная замена, описание или комментариев, прием лексических добавлений или опущений.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДИФИКАЦИИ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ MATERIAL И SUBSTANTIVE

Исследования показали, что «выбор терминов на этапе проработки законопроекта, чтений и дискуссий не бывает случайным, и, тем не менее, в законодательстве любой страны имеются понятия и определения, допускающие неоднозначное толкование, зависящее от правовой ситуации, восприятия судьи или слишком пространного определения самого понятия» [Викулина, 2018, с. 92–93]. В результате многократного употребления лексем в значениях, актуальных для целей правоприменения, а также в процессе приращения смыслов, релевантных для

судебного дискурса, в ходе интерпретации юридического текста правоприменителем, за прилагательным закрепляется новое значение, не зафиксированное в словаре, или на первый план «выходит» не самое очевидное словарное значение.

Рассмотрим в качестве примера прилагательное *material*, являющееся в контексте юридического документа зачастую «ложным другом переводчика». Так, словарь «Oxford Online Dictionary» фиксирует следующие значения данного прилагательного:

material adj. 1[only before noun] connected with money, possessions, etc. rather than with the needs of the mind or spirit; 2. [only before noun] connected with the physical world rather than with the mind or spirit; 3. **(formal or law) important and needing to be considered**¹

Очевидно, что основные значения прилагательного («связанный с деньгами, имуществом» или «физическими свойствами предмета») действительно совпадают с напрашивающимся по аналогии с русским языком переводом «материальный», однако с пометкой «формальный или юридический стиль» словарь фиксирует значение «то, что важно, или необходимо принять во внимание».

Словарь «Merriam-Webster» определяет прилагательное *material* как:

Material 1. a. relating to, derived from, or consisting of matter; b. of or relating to matter rather than form; the material aspect of being; 2. **of or relating to the subject matter of reasoning**; 3. **having real importance or great consequences** (eg. facts material to the investigation); 4. being of a physical or worldly nature; relating to or concerned with physical rather than spiritual or intellectual things²

Приведенные два из четырех значений соответствуют переводу «материальный» («нечто, относящееся к материи», «нечто, относящееся к физическому, а не к духовному или интеллектуальному миру»). Однако здесь следует отметить два значения (второе и третье), указывающие на важность для аргументации и значимость для последствий: именно эти два значения выходят на первый план в юридическом дискурсе.

И «Cambridge Online Dictionary» приводит два значения прилагательного *material*:

¹URL: material adjective – Definition, pictures, pronunciation and usage notes | Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения: 14.08.2024).

²URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/material> (дата обращения: 14.08.2024).

Material 1. relating to physical objects or money rather than emotions or the spiritual world; 2. **important or having an important effect**³

Здесь основным и очевидным значением также является «материальный, относящийся к физическому миру, деньгам, а не к эмоциям или духовному миру», тогда как значение «важный или имеющий важный эффект» оказывается на втором месте.

Опираясь на проведенный анализ, можно сделать следующий вывод: основное словарное значение прилагательного *material* соответствует переводу «материальный, физический», тогда как более релевантное для судебного дискурса значение «важный, существенный» ни в одном из словарей не зафиксировано как основное.

На основании решений Верховного суда США рассмотрим, какие значения может приобретать прилагательное *material* в судебном дискурсе. С нашей точки зрения, данные смыслы будут существенно влиять на выбор русского прилагательного при переводе судебных решений.

These provisions were continued until the adoption of the provisions of the present statute, so far as now **material**, by the Act of 1887, 24 Stat. 552. We cannot assume that Congress, in thus revising the statute, was unaware of the history which we have just detailed, [Footnote 2] or certainly that it regarded as without significance (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets, 313 U.S. 100. 1941*). – В соответствии с Законом 1887 г. <...> данные положения оставались в силе до принятия данного закона (статута), в том объеме, в котором они **существенны (актуальны)** на данный момент. Мы не можем предположить, что Конгресс, пересматривая закон, не знал историю, которую мы только что изложили в деталях или счел ее не имеющей значения⁴.

But we find no *material* difference, upon the present issue, between the two statutes, and the reasoning of the Court in support of its decision is as applicable to one as to the other (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets, 313 U.S. 100 (1941)*). – Мы не видим **существенной (принципиальной)** разницы между двумя законами (статутами) с точки зрения рассматриваемого вопроса, и аргументы Суда в поддержку своего решения могут подпадать под действие как первого [закона], так и второго.

... the Act does not require a franchisee to abandon its franchise to recover for such termination, and concluding that a simple breach of contract <...> can

³URL: MATERIAL | English meaning – Cambridge Dictionary (дата обращения: 25.08.2024).

⁴Здесь и далее перевод наш. – М. В., Л. М.

amount to constructive termination if the breach resulted in a **material** change effectively ending the lease (*Mac's Shell Service, Inc. v. Shell Oil Products Co.*, 559 U.S. 175. 2010). – Закон не требует от получателя франшизы отказываться от нее в целях получения компенсации за расторжение договора, а также предполагает, что простое нарушение условий договора <...> может рассматриваться как подразумеваемое расторжение, если нарушение привело к **существенному (имеющему значимые последствия)** изменению, фактически делающему аренду неактуальной.

Как видим из приведенных примеров, в судебном дискурсе наблюдается сужение значения лексемы, и основным значением прилагательного *material* становится «существенный, важный, имеющий значимые последствия». При этом в зависимости от контекста юридического документа само прилагательное может иметь широкий спектр русских эквивалентов, вербализующих данное значение, например, «важный», «существенный», «актуальный», «принципиальный», «большой», «значимый» и т. д., но не «материальный», «физический».

Данные процессы лексико-семантических модификаций с точки зрения сужения значения актуальны в судебном дискурсе и для слов, производных от прилагательного *material*. Например:

...requirements “should be grafted onto the **materially** different exemption” contained in sections 541.601 and 541.602(a) (*Helix Energy Solutions Group, Inc. v. Hewitt*. 02.22.2023). – ...требования должны быть основаны на **принципиально** ином исключении, содержащемся в разделах...

В некоторых случаях производные прилагательные могут иметь иные русские эквиваленты, однако все они соотносятся со значением «важный, существенный, имеющий значимые последствия» (но не со значением «материальный, физический»). У производных прилагательных также наблюдается сужение объема значения в судебном дискурсе. Например:

But we think the amount of the plaintiff's demand in the state court is **immaterial**, for one does not acquire an asserted right by not waiving it... (*Shamrock Oil & Gas Corp. v. Sheets*, 313 U.S. 100. 1941). – Но мы полагаем, что объем требований истца в суде штата **не имеет под собой оснований / нерелевантен**, поскольку никто не приобретает некое (заявляемое) право только потому, что он не озвучил свой отказ от него.

Таким образом, в результате интерпретационной практики и конкретизации значения лексемы правоприменителем в судебном дискурсе происходит сужение значения прилагательного и за ним закрепляются смыслы, соотносимые с данным значением и релевантные для юридического контекста. Выбор иного значения в судебном дискурсе может привести к искажению смыслов, заложенных в юридическом тексте. В данном случае мы особенно подчеркиваем, что прилагательное *материальный* не является эквивалентом прилагательного *material* в судебном дискурсе, так как для обозначения чего-либо, связанного с «сутью, материей или физической стороной объекта» в судебном дискурсе используется прилагательное *substantive*.

В частности, одной из распространенных ошибок при переводе на английский язык является некорректный перевод термина «материальное право».

Материальное право – это «юридическое понятие, обозначающее совокупность правовых норм, с помощью которых государство осуществляет воздействие на общественные отношения путем прямого, непосредственного правового регулирования; нормы материального права закрепляют формы собственности, юридическое положение имущества и лиц, определяют порядок образования и структуру государственных органов, устанавливают правовой статус граждан, основания и пределы ответственности за правонарушения и т. д.; объектом материального права выступают имущественные, хозяйственные, трудовые, семейные и иные отношения»¹. По сути, материальное право определяет права и обязанности участников правоотношений, а также санкции за нарушение данных прав и обязанностей, т. е. непосредственно составляет *суть, материю* правоотношений, следовательно, данный термин имеет в юридическом языке фиксированный эквивалент *substantive law* (от *англ.* substance – суть, материя). Материальному праву в юриспруденции противопоставляется процессуальное право.

Важно отметить, что не все словари фиксируют данное (юридическое) значение прилагательного. Так, «Oxford Online Dictionary» определяет *substantive* как *dealing with real, important or serious matters*, а «Cambridge Online Dictionary» как *important, serious, or related to real facts; having real importance or value*².

¹Институт судебных экспертиз и криминалистики: словарь эксперта. URL: <https://ceur.ru/library/words/item115191/> (дата обращения: 21.08.2024).

²URL: substantive adjective – Definition, pictures, pronunciation and usage notes | Oxford Advanced Learner's Dictionary at OxfordLearnersDictionaries.com (дата обращения: 21.08.2024).

Очевидно, что данные словарные значения не учитывают сформировавшиеся и закрепившиеся в юридическом контексте смыслы.

Словарь «Merriam-Webster» приводит актуальное для судебного дискурса значение прилагательного *substantive* как одно из его «неосновных» значений:

1. having substance, involving matters of major or practical importance to all concerned; 2. considerable in amount or numbers; 3. real rather than apparent; 4. belonging to the substance of a thing, expressing existence; 5. having the nature or function of a noun (a substantive phrase), relating to or having the character of a noun or pronominal term in logic; **6. creating and defining rights and duties (substantive law)**; 7. requiring or involving no mordant; 8. being a totally independent entity¹

Тем не менее в судебном дискурсе в процессе сужения исходного значения слова до «относящийся к сути вещей» и в некоторой степени в результате функциональной замены (прилагательные *материальный* и *substantive* не являются очевидными эквивалентами в исходном и переводящем языках, однако вербализуют смысловую функцию термина) происходит закрепление выражения *substantive law* в качестве термина «материальное право». Это можно продемонстрировать на примерах, взятых из решений Верховного суда США:

A court determining whether a law is *substantive* or procedural under the Erie doctrine should evaluate whether it affects primary decisions regarding human conduct. In cases when it is rationally possible to classify a law as either *substantive* or procedural, the federal courts have the authority to control their own practice and pleading procedures (*Hanna v. Plumer*, 380 U.S. 460. 1965). – Суд, определяя в соответствии с доктриной Эри, относится ли закон к области *материального* или процессуального права, должен решить, касается ли он первичных норм / решений, регулирующих поведение людей. В случаях, когда есть реальная возможность охарактеризовать закон как относящийся к области *материального* или процессуального права, федеральные суды имеют полномочия самостоятельно регулировать свою практику и определять процедуры подачи документов.

Courts have developed two branches of due process doctrine: procedural due process and *substantive* due process². – Суды сформулировали два подхода

¹URL: SUBSTANTIVE Definition & Meaning - Merriam-Webster (дата обращения: 28.08.2024).

²URL: <https://supreme.justia.com/cases-by-topic/due-process/> (дата обращения: 28.08.2024).

к доктрине «должного судопроизводства»: должное судопроизводство с точки зрения процессуального права и должное судопроизводство с точки зрения *материального права*.

Поскольку в случае с термином *substantive law* в судебном дискурсе наблюдается функциональная замена (в результате приращения смыслов в юридическом контексте в составе терминологического выражения закрепляется лексема, отражающая функциональную нагрузку термина и его суть), данное значение не является релевантным для слов, производных от прилагательного *substantive*. Напротив, в производных словах актуализируется словарно зафиксированное значение «важный, существенный, значительный»:

A conclusion that employees who regularly receive pay *substantially* greater than the guarantee could not qualify as highly compensated employees would be a conflicting and expressly unintended result. See 29 C.F.R. § 541.601(c) (*Helix Energy Solutions Group, Inc. v. Hewitt*. 02.22.2023). – Вывод о том, что работники, регулярно получающие оплату, *значительно* превосходящую гарантии, не могут считаться сотрудниками, получающими высокие компенсации, был бы противоречивым и нежелательным.

...a petroleum franchisor and its assignee had constructively “terminate[d]” their franchises and constructively “fail[ed] to renew” their franchise relationships by *substantially* changing the rental terms that the dealers had enjoyed for years, increasing costs for many of them (*Mac’s Shell Service, Inc. v. Shell Oil Products Co.*, 559 U.S. 175. 2010). – Предполагается, что, подняв стоимость аренды для многих арендаторов, и таким образом *существенно* изменив условия аренды по сравнению с теми, которыми дилеры пользовались на протяжении многих лет, представитель франшизы на добычу углеводородов и получатель франшизы автоматически прекратили действие договора о франшизе и не возобновили его.

Следует отметить, что в судебном дискурсе прием функциональной замены является не менее распространенным способом лексико-семантических модификаций, чем сужение значения. Поскольку функциональная замена используется для передачи смысловых функций формы в тексте, в случае с двумя несовпадающими правовыми системами выбор эквивалента языковой единицы, категориальные значения которой отличаются или отсутствуют в переводящем языке, становится наиболее актуальным. Так, возвращаясь к прилагательному *материальный*, можно привести пример с термином

«материальный состав», где эквивалентом также не будет являться прилагательное *material*.

«Материальный состав преступления – это состав, который описывает признаки деяния, считающегося оконченным при наступлении общественно опасных последствий, а нематериальный – признаки деяния, считающегося оконченным при исполнении деяния либо создании условий для его исполнения» [Кокунов, 2018, с. 105]. Проще говоря, при материальном составе важно наличие неких видимых и физически существующих последствий. Например, в случае побоев необходимо наличие физически фиксируемых синяков, ссадин, царапин и т. д. Иными словами, важно наличие физически существующего *результата*. Отсюда переводным эквивалентом термина «материальный состав» является англоязычный термин *result crime*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно сделать некоторые выводы. Несмотря на неизбежность использования неоднозначных и потенциально порождающих множество интерпретаций формулировок, тексты юридических документов должны быть четкими и однозначными. В случаях, когда избежать использования семантически неопределенных

лексем не представляется возможным, интерпретация в процессе правоприменения происходит за счет ранее установленных и закрепленных вышестоящими органами смыслов.

Более того, устанавливая смыслы, правоприменитель (в частности, судья) исходит из логики создания документа, интенций законодателя и духа закона, выбирая из всего множества значений слова то, которое, с его точки зрения, максимально отвечает интересам правовой нормы и правовой системы. В результате за лексемой в юридическом контексте закрепляется, возможно, не самое очевидное, а порой новое, значение, что зачастую приводит к лексико-семантическим модификациям терминов, и при переводе данных лексем на русский язык значение исходных терминов не совпадает с единицами переводящего языка, однако выводится из него при помощи логических преобразований определенного типа.

В перспективе представляется целесообразным систематизировать возможные цепочки логических преобразований, приводящих к лексико-семантическим модификациям значений лексем в ходе интерпретационной практики, а также выявить другие расхождения в значениях русских и английских юридических терминов, способных существенно повлиять на общий смысл документа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. О категориях дискурса // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты: сборник научных трудов. Волгоград: Перемена, 1998. С. 185–197.
2. Коралева Н. Ю. Языковая неопределенность в текстах юридических документов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 5 (886). С. 56–62.
3. Шевырдяева Л. Н. Язык современного американского судебного дискурса (на материале решений Верховного суда США): дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.
4. Руберт И. Б. Прагматические и структурно-семантические характеристики нормативных текстов деловой документации // Текст – Дискурс – Стил / Коммуникации в экономике: сборник научных статей. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2003. С. 121–130.
5. Викулина М. А. Лексико-семантические модификации экспрессивно-оценочных лексем в англоязычном правовом дискурсе (на примере прилагательного *disparate*) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 9 (801). С. 91–101.
6. Кокунов А. И. Материальный состав преступления как средство обеспечения качества уголовного закона // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 105–108.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (1998). O kategorijah diskursa = On the categories of discourse. In *Jazykovaja lichnost': sociolingvističeskie i jemotivnye aspekty* (pp. 185–197). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Koraleva, N. Ju. (2024). Vagueness in legal texts. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(886), 56–62. (In Russ.)
3. Shevyrdjaeva, L. N. (2009). *Jazyk sovremennogo amerikanskogo sudebnogo diskursa (na materiale reshenij Verhovnogo suda SShA)* = The language of modern court discourse (based on the decisions of the US Supreme Court): PhD in Philology. Moscow. (In Russ.)

4. Rubert, I. B. (2003). Pragmatiche i strukturno-semanticheskie harakteristiki normativnyh tekstov delovoj dokumentacii = Pragmatic and structural and semantic characteristics of statutory texts of business documents. In Text – Discourse – Style / Communications in Economy (pp. 121–130): collection of papers. St.Petersburg. (In Russ.)
5. Vikulina, M. A. (2018). Lexical and semantic modifications of expressive and evaluative lexical items (an analysis of the word “disparate”). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 9(801), 91–101. (In Russ.)
6. Kokunov, A. I. (2018). Material'nyj sostav prestuplenija kak sredstvo obespechenija kachestva ugolovnogo zakona = Substantive constituent elements of crime as a means of quality assurance of criminal law. Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod, 3, 105–108. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Викулина Мария Алексеевна

кандидат филологических наук

доцент кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности

РГУ (НИУ) нефти и газа им. И. М. Губкина

Моисеенко Лилия Васильевна

доктор филологических наук, профессор

заведующий кафедрой лингвистики и профессиональной коммуникации в области права

Института международного права и правосудия

Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vikulina Maria Alexeevna

PhD (Philology)

Associate Professor at the Department of Public and International Regulatory Support of National Security

National University of oil and gas "Gubkin University"

Moiseenko Lilia Vasilievna

Doctor of Philology, Professor

Head of the Department of Linguistics and Professional Communication in Law

Institute of International law and Justice

Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	

Способы вербализации мимики в русскоязычных тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям

К. А. Горбунова

*Институт научной информации по общественным наукам РАН, Москва, Россия
kristinagubanova@inbox.ru*

Аннотация. В статье проводится анализ способов описания мимики в русскоязычных тифлокомментариях к драматическим кинофильмам. Цель исследования заключается в систематизации методов описания мимических выражений, используемых тифлокомментаторами. В ходе работы был проведен анализ материала с использованием программного комплекса «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер». Основные методы исследования – фреймовое моделирование, корпусный анализ и метод сплошной выборки. Результаты исследования показали, что мимика может быть описана с помощью глаголов, конструкций «наречие образа действия + глагол», деепричастий или деепричастных оборотов, причастий, прилагательных, а также конструкций «часть речи + соматизм».

Ключевые слова: тифлокомментирование, интерсемиотический перевод, мимика, фрейм, корпусный менеджер

Для цитирования: Горбунова К. А. Способы вербализации мимики в русскоязычных тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 37–44.

Original article

Methods of Verbalising Facial Expressions in Russian-Language Audio Description for Dramatic Film Productions

Kristina A. Gorbunova

*Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
kristinagubanova@inbox.ru*

Abstract. The article analyses the ways of describing facial expressions in Russian-language audio description for dramatic films. The aim of the research is to systematise the methods of describing facial expressions used by the commentators. The material was analysed using the software package 'Balanced Linguistic Corpus Generator and Corpus Manager. The main research methods were the frame modelling, corpus analysis and the method of continuous sampling. The results of the study showed that facial expressions can be described using verbs, 'adverb + verb' constructions, verbal adverbs and/or verbal adverb phrases, participles, adjectives, as well as 'part of speech + somatism' constructions.

Keywords: audio description, intersemiotic translation, mimicry, frame, corpus manager

For citation: Gorbunova, K. A. (2025). Methods of verbalising facial expressions in Russian-language audio description for dramatic film productions. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 37–44. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Киноискусство занимает важное место в культурной жизни современного общества, предоставляя зрителям возможность погружаться в разнообразные миры и проживать эмоции вместе с персонажами [Комалова, 2024]. Для людей с ограниченными возможностями восприятия, в частности для слабовидящих и незрячих, доступ к искусству может быть затруднен. В связи с этим возникла необходимость в создании социальных технологий, которые позволяли бы им смотреть фильмы, не теряя при этом важные аспекты сюжета и испытывая эмоциональное воздействие. Одной из таких технологий является тифлокомментирование – описание предмета, пространства или действия, которые непонятны незрячему (слабовидящему) без специальных словесных пояснений [Ваньшин, Ваньшина, 2011].

С научной точки зрения тифлокомментирование рассматривается в основном как одна из форм интерсемиотического перевода, в процессе которого происходит передача содержания средствами семиотической системы, отличной от языка оригинала [Beneske, 2014]. Посредством обработки, анализа и синтеза данных тифлокомментатор вербализует визуальный образ [Горбунова, 2024]. При этом необходимо сохранить целостную структуру, смысл и динамическую эквивалентность визуального произведения [Горожанов, Губанова, 2022].

Качественное тифлокомментирование играет значимую роль в восприятии киноискусства, однако на сегодняшний день не разработана методика описания абстрактных понятий [Борщевский, 2019]. Данное утверждение обуславливает актуальность настоящего исследования, целью которого является анализ и систематизация методов описания мимики, используемых в тифлокомментариях.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть теоретические аспекты вербализации мимики;
- выявить специфику и разнообразие способов описания мимики в тифлокомментариях.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ МИМИКИ

Мимика как форма выражения эмоций и состояний человека представляет собой сложный и многогранный феномен, который не только отражает внутренние переживания индивида, но и служит важным инструментом взаимодействия между людьми. Мимика определяется как система выразительных движений лицевых мышц, которая

служит для передачи эмоциональных состояний, намерений и реакций человека¹. Она включает в себя такие элементы, как движения бровей, губ, глаз, и общую конфигурацию лица.

Мимические выражения могут быть универсальными, т. е. понятными для людей разных культур, а также культурно специфичными, когда определенные выражения имеют свойственное только данной культуре значение [Заикина, Павлова, 2023]. Важно отметить, что мимика не существует изолированно; она всегда находится в контексте других форм невербальной коммуникации, таких как жесты, позы и интонация [Шаховский, 2008]. Это взаимодействие создает многослойное восприятие эмоционального состояния персонажей, что особенно актуально в рамках тифлокомментариев, где необходимо передать не только визуальную, но и эмоциональную составляющую произведения [Губанова, 2023].

Под вербализацией мимики понимается использование различных языковых средств, характерных для описания и передачи тех эмоций и состояний, которые выражаются через движение лицевых мышц [Голубева, 2023]. Для анализа вербализации мимики в тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям может быть использована фреймовая методика в связи с тем, что «фрейм является структурой данных для представления стереотипной ситуации» [Минский, 1988, с. 7], а одна из ключевых задач тифлокомментирования – создание образа, который был бы понятен и доступен для слушателя.

К облигаторным компонентам фрейма «мимика» относятся: субъект (человек, на лице которого мы наблюдаем мимику); объект (человек, который воспринимает мимику собеседника и делает вывод о его эмоциональном состоянии); коммуникативно значимое движение мышц лица (непосредственное исполнение мимики). Факультативными компонентами фрейма, которые могут быть выражены на языковом уровне, являются: время (когда в общении присутствовали эмоции); место (где происходило общение, сопровождающееся мимикой); дополнительные обстоятельства ситуации (сила, яркость, значимость выражаемых эмоций) [Голубева, 2013].

Так, в рамках настоящего исследования осуществляется поиск языковых единиц, актуализирующих компоненты «коммуникативно значимое движение мышц лица» и «дополнительные обстоятельства ситуации».

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что в контексте тифлокомментариев

¹Мимика // Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1974. Т. 16. С. 268.

к драматическим кинопроизведениям мимика может вербализоваться с использованием глаголов, конструкций «наречие образа действия + глагол», деепричастий или деепричастных оборотов, причастий, прилагательных, а также конструкций «часть речи + соматизм (имена существительные с исходным значением частей тела человека)».

Для получения объективных результатов был использован «Генератор сбалансированного лингвистического корпуса и корпусный менеджер» – программный комплекс, автоматически формирующий корпуса текстов и содержащий инструменты для работы с ними, разработанный в лаборатории фундаментальных и прикладных проблем виртуального образования Московского государственного лингвистического университета [Горожанов, 2022; Горожанов, 2024]. Материалом для анализа послужил корпус скриптов к четырем русскоязычным драматическим кинофильмам с тифлокомментариями (общее число – 7220 предложений): «Повесть о настоящем человеке» (1948), «Солнечный удар» (2014), «Вечность между нами» (2020), «Нюрнберг» (2023). Мы остановили свой выбор на драматических кинопроизведениях, так как в них воспроизводятся коммуникативные сценарии, максимально приближенные к жизни и передаются реальные эмоции участников общения с использованием невербальных средств.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЛАГОЛОВ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ МИМИКИ

Для поиска вербализаций мимических выражений с компонентом «предикат» был составлен ручной поисковый запрос: `tokenpos='ADV'#1;;tokenpos='VERB'#1`. Всего было выведено 677 сочетаний. С помощью метода сплошной выборки был составлен список примеров конструкций «наречие образа действия + глагол», в который вошло 80 выражений (см. табл. 1).

Глаголы, дополненные наречиями образа действия, представляют собой частотное явление в тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям. Предположительно, их использование направлено на усиление акустического восприятия визуальной информации. Например, *зачарованно смотрит* или *ласково улыбается* добавляют оттенки значений и помогают создать более детализированную картину. Такие комбинации позволяют тифлокомментатору не только описывать физическое действие, но и передавать эмоциональную окраску, что особенно важно для создания полного образа.

Следующим этапом анализа стал запрос, направленный на поиск предложений, содержащих наречие образа действия, выраженное существительным с предлогом. Для этого были отобраны эмоции, которые могут быть переданы мимикой: *с улыбкой, с недоумением, с испугом, с тревогой, с раздражением, с опаской, с удивлением,*

Таблица 1

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИЙ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУКЦИИ «НАРЕЧИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ + ГЛАГОЛ»

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	<ul style="list-style-type: none"> – <i>недоуменно улыбается</i>: Комиссар недоуменно улыбается; – <i>зачарованно смотрит</i>: Офицер с пристани зачарованно смотрит на незнакомку, на взметнувшийся вверх шарф; – <i>напряженно смотрит</i>: Серьезно и напряженно смотрит перед собой; – <i>вопросительно смотрит</i>: Бела Кун вопросительно смотрит на землячку;
«Повесть о настоящем человеке»	<ul style="list-style-type: none"> – <i>отрешенно смотрит</i>: Лёша отрешенно смотрит вперед; – <i>оживленно смотрит</i>: Оживленно смотрит по сторонам.
«Нюрнберг»	<ul style="list-style-type: none"> – <i>пристально смотрит</i>: Майор пристально смотрит в его глаза, лицо майора смягчается, он тушит папиросу в пепельнице; – <i>довольно улыбается</i>: Вы должны сказать, признаете вы себя виновным или невиновным; – <i>холодно смотрит</i>: Холодно смотрит вслед удаляющемуся Волгину; – <i>задумчиво смотрит</i>: Лена отводит взгляд, задумчиво смотрит в сторону.
«Вечность между нами»	<ul style="list-style-type: none"> – <i>недоуменно смотрит</i>: Крис недоуменно смотрит на мужчину; – <i>перепуганно смотрит</i>: Райли, удерживая руль, перепуганно смотрит вперед; – <i>грустно улыбается</i>: Райли грустно улыбается, просматривает фотографии; – <i>ласково улыбается</i>: Джордан ласково улыбается.

Таблица 2

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИЙ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУКЦИИ «НАРЕЧИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, ВЫРАЖЕННОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ С ПРЕДЛОГОМ + ГЛАГОЛ»

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	<ul style="list-style-type: none"> – с недоумением: Офицеры с недоумением смотрят на шутника; – с испугом: Мужчина с испугом глядит на землячку; – с опаской: Замирает на пороге каюты, оглядывается назад в коридор, входит, с опаской смотрит в щель туалетной комнаты; – с любопытством: Телеграфистка с любопытством смотрит из своего окошка.
«Повесть о настоящем человеке»	<ul style="list-style-type: none"> – с ужасом: Открывает глаза и с ужасом смотрит на ногу; – с оценкой: Василий Васильевич надевает очки и с оценкой смотрит на бороду
«Нюрнберг»	<ul style="list-style-type: none"> – с тревогой: Волгин с тревогой смотрит в боковое зеркало.
«Вечность между нами»	<ul style="list-style-type: none"> – с обожанием: Крис с обожанием смотрит на девушку; – с болью: Присаживается возле Райли, с болью смотрит на нее.

с напряжением, с любопытством, с болью, с обожанием, с любовью, с тревогой, с отвращением, с нетерпением, с ужасом, с оценкой, с ухмылкой, с видом, – и составлен соответствующий поисковый запрос:

senttext LIKE '%с улыбкой%' OR senttext LIKE '%с недоумением%' OR senttext LIKE '%с испугом%' OR senttext LIKE '%с тревогой%' OR senttext LIKE '%с раздражением%' OR senttext LIKE '%с опаской%' OR senttext LIKE '%с удивлением%' OR senttext LIKE '%с напряжением%' OR senttext LIKE '%с любопытством%' OR senttext LIKE '%с болью%' OR senttext LIKE '%с обожанием%' OR senttext LIKE '%с любовью%' OR senttext LIKE '%с тревогой%' OR senttext LIKE '%с отвращением%' OR senttext LIKE '%с нетерпением%' OR senttext LIKE '%с ужасом%' OR senttext LIKE '%с оценкой%' OR senttext LIKE '%с ухмылкой%' OR senttext LIKE '%с видом%'.

Всего было получено 34 сочетания. Методом сплошной выборки был составлен список конструкций «наречие образа действия, выраженное существительным с предлогом + глагол», в который вошло 31 выражение (см. табл. 2).

Комбинации такого типа также не только описывают движения лицевых мышц, но и передают эмоциональную нагрузку этих движений.

Стоит отметить, что в ходе анализа была выделена отдельная группа языковых единиц, представленная только глаголами (см. табл. 3).

Данный способ вербализации мимики используется там, где тифлокомментатору необходимо не перегрузить слушателя информацией и найти баланс между описанием и сохранением динамики повествования.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ И ПРИЧАСТИЙ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ МИМИКИ

Для поиска вербализаций мимических выражений с языковым компонентом «деепричастие» был составлен поисковый запрос:

tokentext LIKE '%ась' OR tokentext LIKE '%ясь'
OR tokentext LIKE '%ая' OR tokentext LIKE '%уя'
OR tokentext LIKE '%ув%' OR tokentext LIKE '%ив%'
OR tokentext LIKE '%ыв%' OR tokentext LIKE '%ав%'
OR tokentext LIKE '%яв%'
OR tokentext LIKE '%вши%'.

Таблица 3

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИЙ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУКЦИИ «НАРЕЧИЕ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ, ВЫРАЖЕННОЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫМ С ПРЕДЛОГОМ + ГЛАГОЛ»

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	– <i>рассматривает</i> : Есаул рассматривает крохотные детские ботиночки.
«Повесть о настоящем человеке»	– <i>взглянул</i> : Алексей взглянул на статью с фотографией летчика и его самолета.
«Нюрнберг»	– <i>моргает</i> : Хозяйка часто моргает.
«Вечность между нами»	– <i>переглядываются</i> : Родители испуганно переглядываются.

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИЙ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ ДЕЕПРИЧАСТИЯ ИЛИ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	<ul style="list-style-type: none"> – улыбаясь: Улыбаясь, к столу подбегает Йонг; – насупившись: Обиженный Белла Кун сидит, насупившись; – прикрыв: Сидит, прикрыв глаза; – опустив: Опустив глаза, незнакомка молчит; – прикусив: Прикусив нижнюю губу, пытается поднять голову.
«Повесть о настоящем человеке»	<ul style="list-style-type: none"> – зажмурился: Зажмурился глаза, сделав еще одно усилие, снимает правый сапог; – поджав: Поджав губы, падает на подушку.
«Нюрнберг»	<ul style="list-style-type: none"> – задрал: Задрал голову, смотрит на величественную колокольню храма.
«Вечность между нами»	<ul style="list-style-type: none"> – нахмурился: Райли, нахмурился лоб, задумчиво смотрит вниз.

Поиск производился по суффиксам. Всего было выведено 2 115 сочетаний. Методом сплошной выборки был составлен список описывающих мимику предложений с деепричастиями, в который вошло всего 24 выражения (см. табл. 4).

Несмотря на небольшую частотность, деепричастия выполняют в тексте тифлокомментария важную стилистическую функцию – добавляют речи точности и динамики, передают действия, происходящие одновременно. Можно предположить, что комментатор использует данные языковые конструкции, чтобы успеть описать больше действий в ограниченный промежуток времени и сделать акцент не только на мимике персонажей, но и на контексте сцены.

Для поиска вербализаций мимических выражений с языковым компонентом «причастие или прилагательное» был составлен поисковый запрос:

tokentext LIKE '%ущ%' OR tokentext LIKE '%ющ%' OR tokentext LIKE '%щ%' OR tokentext LIKE

'%ящ%' OR tokentext LIKE '%енн%' OR tokentext LIKE '%ен%' OR tokentext LIKE '%онн%' OR tokentext LIKE '%стн%'.

Поиск производился по суффиксам. Всего было выведено 1972 сочетания. Методом сплошной выборки был составлен список описывающих мимику предложений с причастиями или прилагательными, в который вошло 19 выражений (см. табл. 5).

В тифлокомментировании причастия помогают создать яркие и запоминающиеся образы, придают тексту эмоциональность и экспрессивность. Однако стоит отметить, что использование причастий и прилагательных при описании мимики требует от комментатора высокой степени художественного мастерства. Он должен уметь находить баланс между точностью описания и поэтичностью языка. Слишком сложные или неуместные сравнения могут отвлечь слушателя от основного содержания, в то время как слишком простые и

Таблица 5

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИЙ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ ПРИЧАСТИЯ И ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	<ul style="list-style-type: none"> – улыбающегося: Поручик встает, не в силах отвести взгляд от улыбающегося лица незнакомки; – выпученные: Выпученные глаза полковника; – подступающие: Улыбается сквозь подступающие слезы.
«Повесть о настоящем человеке»	<ul style="list-style-type: none"> – смотрящего: Все в палате наблюдают за ним, кроме Лёши, всё так же смотрящего перед собой.
«Нюрнберг»	<ul style="list-style-type: none"> – расстроена: Американка расстроена, смотрит ему в след; – подавленные: На их лицах такие же подавленные выражения, как и у людей в монтажной; – окаменевшее: Окаменевшее лицо Волгина.
«Вечность между нами»	<ul style="list-style-type: none"> – нахмуренного: Райли бросает тревожные взгляды на нахмуренного призера; – плачущую: Крис смотрит на плачущую Райли.

ПРИМЕРЫ ВЕРБАЛИЗАЦИИ МИМИКИ ПОСРЕДСТВОМ КОНСТРУКЦИИ «ЧАСТЬ РЕЧИ + СОМАТИЗМ»

Кинофильм	Результат
«Солнечный удар»	– <i>щека</i> : Внезапно из-под ее ресниц по щеке бежит слеза; – <i>губа</i> : Внезапно ее лицо меняется, вновь спокойное и красивое, с едва заметной улыбкой на приоткрытых губах опускается вниз; – <i>глаза</i> : Поручик закрывает глаза.
«Повесть о настоящем человеке»	– <i>лоб</i> : Глубокие продольные морщины на лбу.
«Нюрнберг»	– <i>губа</i> : Геринг шевелит губами, будто удерживает ими предмет; – <i>глаза</i> : У хозяйки на глазах слезы.
«Вечность между нами»	– <i>щека</i> : По щекам Райли текут слезы.

прямолинейные описания могут не передать нужную эмоциональную нагрузку.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КОНСТРУКЦИЙ «ЧАСТЬ РЕЧИ + СОМАТИЗМ»

Для поиска вербализаций мимических выражений с компонентом «соматизм» был составлен поисковый запрос: 'глаза', 'нос', 'лоб', 'щека', 'зуб', 'губа'.

Всего было получено 65 сочетаний. С помощью метода сплошной выборки был составлен список конструкций «наречие образа действия + соматизм», в который вошло 35 выражений (см. табл. 6).

Соматизмы помогают передать зрителям с ограниченными возможностями по зрению нюансы эмоциональных состояний персонажей, что позволяет глубже понять их переживания. Описание таких деталей, как жесткие или расслабленные мышцы лица, налитые цветом щеки, морщины на лбу, делает комментарий более информативным и образным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тифлокомментарии должны быть построены на основе четкой и понятной структуры, а также

использовать разнообразные лексические средства для передачи эмоций и настроений. Описание мимики в тифлокомментарии является важным аспектом, который позволяет не только передать информацию, но и создать эмоциональную связь между комментатором и аудиторией. Эмоции, выраженные через язык, могут значительно обогатить восприятие описываемых событий и объектов, делая их более живыми и запоминающимися.

Результаты проведенного исследования подтвердили выдвинутую гипотезу о том, что в тифлокомментариях к драматическим кинопроизведениям мимика может вербализоваться с помощью глаголов, конструкций «наречие образа действия + глагол», деепричастий или деепричастных оборотов, причастий, прилагательных, а также конструкций «часть речи + соматизм». Способы описания мимики в тифлокомментариях варьируются от простых и лаконичных фраз до сложных и детализированных описаний.

Таким образом, исследование показало важность использования не только информативных, но и выразительных языковых средств в контексте тифлокомментирования, чтобы слушатели могли полностью погрузиться в атмосферу кинопроизведения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Комалова Л. Р. Возможна ли экстернализация киноопыта посредством комментирующего дискурса (на основе отзывов и квазиотзывов пользователей сайтов «Афиша» и «Кинопоиск»)? // Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты. 2024. № 2 (58). С. 72–93. DOI 10.31249/chel/2024.02.04. EDN VNXIKZ.
2. Ваньшин С. Н., Ваньшина О. П. Тифлокомментирование, или Словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. М.: Логослов, 2011.
3. Benecke B. Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode. Berlin: LIT-Verlag, 2014.
4. Горбунова К. А. Моделирование перцептивного образа коммуникативного события «конфликт» (на материале тифлокомментирования к кинофильмам и телесериалам) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 10 (891). С. 47–54. EDN CJYGYD.

5. Горожанов А. И., Губанова К. А. Ассоциативная синестемия как активатор образного мышления лиц с нарушениями зрения (на примере аудиодескрипции) // Верхневолжский филологический вестник. 2022. Вып. 3 (30). С. 98–105.
6. Борщевский И. С. Способы передачи культурных реалий в межсемиотическом переводе (на примере аудиодескрипции) // Филология и лингвистика. 2019. № 1 (10). С. 25–30.
7. Заикина А. В., Павлова М. П. Роль невербальных средств коммуникации в жизни человека // Вестник науки. 2023. № 6 (63). С. 642–646.
8. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций: монография. М.: Гнозис, 2008.
9. Губанова К. А. Моделирование визуальных образов в сознании слепых (слабовидящих) людей посредством тифлокомментирования // Журнал высоких гуманитарных технологий. 2023. Вып. 2 (2). С. 67–79.
10. Голубева А. С. Вербализация мимики и жестов на материале корпусных данных // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 10 (878). С. 24–31. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_24. EDN MVDLKD.
11. Минский М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного // Новое в зарубежной лингвистике. 1988. Вып. 23. С. 281–309.
12. Голубева Ю. В. Репрезентация фрейма «мимика» глагольной лексикой английского языка // Лингвистические и методические аспекты преподавания иностранных языков: материалы IV Международной научно-практической конференции. Белгород, 2013. С. 76–82.
13. Горожанов А. И. Архитектура сбалансированного лингвистического корпуса, полученного автоматическим путем (опыт Московского государственного лингвистического университета) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2024. Вып. 11 (892). С. 24–30. EDN BCSCXQ.
14. Горожанов А. И. Экспериментальное моделирование базы данных сбалансированного лингвистического корпуса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 10. С. 3382–3386. DOI 10.30853/phil20220563. EDN JHBAVG.

REFERENCES

1. Komalova, L. R. (2024). Is it possible to externalize filmic experience through commenting discourse (based on “Afisha” and “Kinopoisk” users’ reviews)? *Chelovek: Obraz i suschnost'. Gumanitarnyje aspekty*, 2(58), 72–93. (In Russ.)
2. Van'shin, S. N., Van'shina, O. P. (2011). *Tiflokommentirovanie, ili Slovesnoe opisaniye dlya slepykh = Typhlocommentation, or verbal description for the blind: an instrumental and methodological guide*. Moscow: Logoslov. (In Russ.)
3. Benecke, B. (2014). *Audiodeskription als partielle Translation. Modell und Methode*. Berlin: LIT-Verlag.
4. Gorbunova, K. A. (2024). Modelling of the perceptual image of the communicative event “conflict” (on the material of audio description for films and TV series). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(891), 47–54. (In Russ.)
5. Gorozhanov, A. I., Gubanova, K. A. (2022). Associative synesthesia as an imaginative thinking activator of visually impaired people (based on audio description). *Verhnevolzshki philological bulletin*, 3(30), 98–105. (In Russ.)
6. Borshchevskij, I. S. (2019). *Sposoby peredachi kul'turnyh realij v mezhsemiticheskom perevode (na primere audiodeskripcii) = Ways to convey cultural realities in intersemiotic translation (using the example of audio description)*. *Filologiya i lingvistika*, 1(10), 25–30. (In Russ.)
7. Zaikina, A. V., Pavlova, M. P. (2023). The role of non-verbal means of communication in human life. *Vestnik nauki*, 6(63), 642–646. (In Russ.)
8. Shahovskij, V. I. (2008). *Lingvisticheskaya teoriya emotsiy: monografiya = Linguistic theory of emotions: monograph*. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
9. Gubanova, K. A. (2023). Modeling of visual images in the minds of blind (visually impaired) people through typhocommentation. *Zhurnal vysokikh gumanitarnykh texnologiy*, 2(2), 67–79. (In Russ.)
10. Golubeva, A. S. (2023). Verbalization of Mimic and Gestures on the Material of Corpus Data. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(878), 24–31. (In Russ.)
11. Minskij, M. (1988). *Ostroumie i logika kognitivnogo bessoznatel'nogo = The Wit and Logic of the Cognitive Unconscious*. *Novoe v zarubezhnoj lingvistike*, 23, 281–309. (In Russ.)

12. Golubeva, Yu. V. (2013). *Reprezentaciya frejma "Mimika" glagol'noj leksikoj anglijskogo yazyka = Representation of the frame "Mimicry" by the verbal vocabulary of the English language*. *Lingvisticheskie i metodicheskie aspekty prepodavaniya inostrannyh yazykov* (pp. 76–82): collection of papers. Belgorod. (In Russ.)
13. Gorozhanov, A. I. (2024). *Architecture of a balanced linguistic corpus built automatically (experience of Moscow State Linguistic University)*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(892), 24–30. (In Russ.)
14. Gorozhanov, A. I. (2022). *Experimental database modelling of a balanced linguistic corpus*. *Philology. Theory & Practice*, 15(10), 3382–3386. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунова Кристина Александровна

ведущий специалист Центра эмерджентных практик
Института научной информации по общественным наукам РАН

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Gorbunova Kristina Alexandrovna

Leading Expert at the Centre of Emerging Practices
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	16.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	

Особенности перевода архаизмов в художественном тексте (на материале французской литературы XX века)

Т. М. Грушевская¹, Е. С. Грушевская²

^{1,2}Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия

¹kff-kubsu@yandex.ru

²lentchik@bk.ru

Аннотация. Цель исследования – проанализировать основные приемы, которыми пользуется переводчик для передачи устаревших слов при переводе художественного текста. Исследование строится на особенностях перевода романов Б. Виана «Пена дней» и «Осень в Пекине». В ходе работы были применены: описательно-аналитический метод, сопоставительный анализ и метод логического моделирования. Рассмотрены функции архаизмов в художественном тексте и выделены их типы. На примере переводов произведений Б. Виана Л. З. Лунгиной («Пена дней», 1983) и М. Л. Аннинской («Осень в Пекине», 1997) анализируется передача различных типов архаизмов, в том числе историзмов, с французского языка на русский. Авторы приходят к выводу о важности точной передачи архаизмов на иностранный язык, приводят способы их перевода, при этом отмечают, что наиболее точно авторский стиль передает поиск полного или частичного эквивалента.

Ключевые слова: идиостиль, архаизмы, французский язык, французская литература, перевод, художественный дискурс

Для цитирования: Грушевская Т. М., Грушевская Е. С. Особенности перевода архаизмов в художественном тексте // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 45–50.

Original article

Features of the Translation of Archaisms in Fiction Texts (based on French literature of the 20th century)

Tatiana M. Grushevskaya¹, Elena S. Grushevskaya²

^{1,2}Kuban State University, Krasnodar, Russia

¹kff-kubsu@yandex.ru

²lentchik@bk.ru

Abstract. The purpose of this research is to analyze the basic techniques used by a translator to convey outdated words when translating a fiction text. The sources of the analysis are the novels of the writer B. Vian "Foam of Days" and "Autumn in Beijing". The descriptive-analytical method, as well as comparative analysis and logical modeling method, are used during the study. The functions of archaisms in a fiction text are given, and various types of archaisms are highlighted. The authors note the importance of adequate translation of archaisms in a work of art. Searching for an equivalent, complete or partial, is the most accessible way of translating archaisms that conveys the author's style. Using the example of translations of B. Vian's works by L. Z. Lungina ("Foam of the Days," 1983) and M. L. Anninskaya ("Autumn in Beijing," 1997), the transfer of various types of archaisms, including historicisms, from French into Russian is analyzed. The authors come to the conclusion about the importance of the correct transmission of archaisms into a foreign language, and provides the most adequate methods for their translation.

Keywords: idiostyle, archaisms, French language, French literature, translation, fiction discourse

For citation: Grushevskaya, T. M., Grushevskaya, E. S. (2025). Features of the translation of archaisms in fiction texts (based on French literature of the 20th century). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 45–50. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Борис Виан – яркий представитель французской литературы XX века, романы которого читали, бурно обсуждали его современники. По романам Виана еще при его жизни снимали фильмы. Сегодня о популярности этого писателя свидетельствуют переиздание его романов и произведений малой прозы, современные экранизации и их новые переводы. Но при этом творчество Виана не так часто исследуют лингвисты, несмотря на то что его неординарный идиостиль представляет особый интерес.

Сегодня художественные тексты Б. Виана – бесспорная классика. В них запечатлены уникальные образы ушедшей эпохи, передана атмосфера того времени. Поэтому перевод художественного текста и анализ его качества является важнейшим объектом изучения теории перевода [Митягина, Наумова, 2024; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022а; Горожанов, 2022]. Однако прежде чем приступить к переводу, переводчику необходимо проанализировать индивидуальный авторский стиль писателя, что позволит выявить его особенности и найти адекватные способы перевода.

Целью нашего исследования является поиск наиболее продуктивных способов перевода архаизмов в художественном тексте, для достижения которой были поставлены следующие задачи:

- охарактеризовать термины «идиостиль» и «архаизмы»;
- выделить функции архаизмов в художественном дискурсе;
- на материале романов Б. Виана и их переводов на русский язык проанализировать наиболее удачные способы перевода архаизмов.

Материалом исследования стали тексты романов Б. Виана «Пена дней» («L'Écume des jours») и «Осень в Пекине» («L'Automne à Pékin»), а также тексты переводов данных произведений на русский язык Л. З. Лунгиной и М. Л. Аннинской соответственно.

В ходе работы были использованы следующие методы:

- 1) сопоставительный анализ (с целью сравнения перевода архаизмов с оригинальным текстом);
- 2) метод логического моделирования (с целью объяснения выбора переводчиком тех или иных способов перевода);
- 3) общенаучные – описательно-аналитический метод, синтез и анализ.

ПОНЯТИЕ ИДИОСТИЛЯ

История изучения понятия «идиостиль» или «индивидуально-авторский стиль» берет свое начало еще

в Древней Греции. Но и сегодня к нему обращаются исследователи широкого спектра гуманитарных наук, в том числе и лингвисты.

Так, В. С. Виноградов связывает современный этап развития теории «идиостиля» с активным развитием лингвистической поэтики, центральным объектом которой является «индивидуальный авторский стиль» [Виноградов, 2001]. Проблеме идиостиля посвящены актуальные научные работы, в которых активно применяется современный программный и математический аппарат [Баранов, Добровольский, 2022; Горожанов, Гусейнова, Степанова, 2022б]. Также проблематикой идиостиля занимаются специалисты в сфере стилистики, объектами изучения которой выступают авторский стиль, а также функциональные стили языка и принципы выбора и организации языковых единиц в композиционное единство. Таким образом, изучение индивидуального стиля авторов не только выявляет индивидуальную манеру письма того или иного писателя, но и фиксирует отклонение от общей литературной нормы, влияющее на состояние современного языка [Склярова, Самарина, 2020]. Поскольку изучением идиостиля занимаются ученые из разных областей лингвистического знания, сформировались различные его определения. Например, А. И. Ефимов отождествляет «идиостиль» с системой, в рамках которой тот или иной автор отбирает лексику и речевые средства в своем дискурсе [Ефимов, 1957]. При этом исследователь отмечает, что функционирование этой «системы» зависит от мировоззрения автора.

Е. В. Старкова, объединяя разные подходы, понимает под идиостилем писателя систему отбора образно-языковых средств, сохраняющих в себе черты сознания и мышления языковой личности [Старкова, 2014]. Такой подход можно назвать стилистически когнитивным, так как в нем отмечается вербализация когнитивных особенностей писателя сквозь призму его идиостиля.

Сегодня существуют следующие подходы к изучению понятия идиостиля:

- *семантико-стилистический* изучает образно-эстетическое содержание дискурса писателя;
- *лингвопоэтический* занимается формальными стилистическими свойствами художественного текста;
- *системно-структурный* рассматривает идиостиль как лингвистическое конструирование миров в рамках индивидуального дискурса;
- *коммуникативно-деятельностный* изучает идиостиль как деятельность автора, направленную на коммуникацию [Беликов, Крысин, 2023].

Идиостиль является одним из ключевых понятий и в теории перевода, так как анализ индивидуального стиля писателя выступает важнейшим условием перевода художественного текста. Сегодня переводоведы активно исследуют, каким образом сохраняется идиостиль автора при переводе [Абабкова, 2024; Устинова, 2024]. В связи с актуальностью нашего исследования необходимо дать характеристику понятия «индивидуальный стиль» с позиций теории перевода. Итак, идиостиль – это система организации и создания художественного текста, обуславливающая отбор автором языковых средств на всех уровнях (лексическом, синтаксическом, фонетическом, морфемном), влияющая в той или иной степени на художественный перевод текста, в зависимости от культурной картины мира автора текста, его мышления, мировоззрения и тех же характеристик носителей переводящего языка.

АРХАИЗМЫ В ПРОЗЕ Б. ВИАНА

Проанализировав лексический уровень идиостиля Б. Виана, мы пришли к выводу, что одной из его особенностей является использование архаизмов, перевод которых представляет ряд сложностей.

В произведениях писателя архаизмы употребляются наряду с неологизмами, чем создается эффект контраста. Чаще всего они характеризуют речь рассказчика, при этом автор наделяет их ироничной коннотацией, а реже – характеристикой речи персонажей [Аннинская, 1999]. Еще одна функция архаизмов в произведении – создание чужаковатых персонажей.

Как уже говорилось выше, архаизмы являются яркой и неотъемлемой частью идиостиля Б. Виана, хотя и встречаются в произведениях писателя значительно реже неологизмов, но при этом не теряют своей значимости [Васильева, Левичева, 2022].

Обратимся к определению термина «архаизм». Е. Н. Макарова утверждает, что так называют «те лексические единицы, которые вышли из активного употребления в языке, но сохранились в его пассивном словарном составе» [Макарова, 2007, с. 156]. В большинстве случаев архаизмы понятны носителям языка, но вызывают целый ряд сложностей при переводе. В зависимости от причин архаизации выделяются:

- 1) историзмы – слова, вышедшие из употребления в связи с утратой обозначаемого понятия и не имеющие эквивалентов;
- 2) собственно, лексические архаизмы – слова, которые называют существующие реалии, но по какой-либо причине вытесненные другими лексическими единицами.

Таким образом, лексический состав архаизмов неоднородный и разноплановый.

В. С. Виноградов отмечает многофункциональность архаизмов в языковой картине писателя, поскольку употребляются для самых разных целей, но при этом на их выбор влияют жанр произведения, авторская задумка и хронотоп текста [Виноградов, 2001].

Так, авторы нередко используют архаизмы для передачи эмоционально-экспрессивных оттенков речи, что необходимо учитывать при переводе и не «осовременивать» устаревшие слова, вышедшие из активного употребления. Эмоционально-экспрессивная функция архаизмов используется для воссоздания колорита или атмосферы исторической эпохи, помогает достичь определенных стилистических целей, например придает торжественный, сатирический или возвышенный тон речи персонажей, а также официально-деловую или церковную окраску¹.

При переводе такие лексические единицы, как правило, передаются с помощью эквивалентной архаической лексики либо книжными словами. Поиск подходящего эквивалента (полного или частичного) – это самый распространенный способ сохранения идиостиля автора при переводе на иностранный язык. Сложности могут возникнуть при переводе историзмов, которые представляют собой национальные реалии и отсутствуют в культуре носителей переводящего языка. В таких случаях не обойтись без сноски, объясняющей данное явление.

Исследователи также отмечают, что перевод архаизмов зависит от его синхронии или диахронии. Так, А. Л. Андрес считает, что диахронный перевод особенно сложен, что объясняется временной дистанцией между писателем и переводчиком, разницей социальной среды, а значит в целом влияет на временные уровни языка оригинала и языка перевода².

Большое различие при этом заключается в экстралингвистических характеристиках текста. Особенно сложно определить архаизмы, которые являлись таковыми на время написания оригинального текста и использовались автором для достижения разных стилистических задач, например, для создания образов персонажей или характеристики места действия. Именно такие архаизмы встречаются в текстах Б. Виана наиболее частотно, так как автор писал на современном французском языке, и использовал архаизмы как часть языковой игры.

¹Андрес А. Л. Дистанция времени и перевод. URL: <https://www.dropbox.com/s/3iznn1geue95rhd/A.%20Andres.%20Distance%20time.pdf?dl=0> (дата обращения: 03.09.2024).

²URL: <https://www.dropbox.com/s/3iznn1geue95rhd/A.%20Andres.%20Distance%20time.pdf?dl=0> (дата обращения: 07.09.2024).

Игнорирование переводчиком архаизмов этого типа негативно влияет на передачу индивидуального авторского стиля [Базылев, 2005].

ПОЛУЧЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

В романе «Пена дней», где «оживает» множество изобретений, придуманных Вианом, которые сложно представить даже людям XXI века, встречаются титулы и профессии, давно исчезнувшие. Например, когда персонаж по имени Шик, одержимый покупкой книг, не платит налоги, к нему приходит *le sénéchal de la police*. Согласно онлайн-словарю «Larousse», *le sénéchal* означает: «Grand officier du palais royal au temps des Mérovingiens, des Carolingiens et des premiers Capétiens (La fonction fut supprimée en 1191)»¹. *Le sénéchal* называли придворных офицеров во времена династий Меровингов, Каролингов и первых Капетингов, но в 1191 году это звание было упразднено. Автор использует данный архаизм с определенной стилистической целью – создать вселенную абсурда. Герои романа живут в параллельной вселенной в XX веке, где все увлечены философией Партра (в нашем мире – Сартра), где танцуют модные танцы и передвигаются на машинах. И вдруг неожиданно в этом контексте появляется давно забытый титул *le sénéchal*.

Переводчик Л. З. Лунгина передает фразу дословно ‘снешеаль полиции’. В русском языке это слово зафиксировано в Толковом словаре Д. Н. Ушакова: «в феодальной Франции – должностное лицо, ведавшее юстицией и военными делами округа»². В данном случае дословный перевод архаизма абсолютно уместен: по задумке автора странный титул должен вызвать у читателя диссонанс, при этом читатель может догадаться о происхождении слова и отметить архаичный характер существительного.

Шик тратит все свои денежные средства на покупку книг, рукописей и старой одежды своего кумира – философа Партра. Всё это «богатство» он покупает у *le libraire*³. В онлайн-словаре «Larousse» существительное дается с пометкой *vieux*, что означает ‘устаревшее’ – впервые это существительное было зафиксировано в словаре XVII века (*Dictionnaire universel de furetière*)⁴. При этом слово многозначное: *artisan, marchand qui imprime, quivend*

*et qui relie les livres (ремесленник, торговец, который печатает, продает и переплетает книги)*⁵.

В тексте перевода романа существительное книготорговец точно передает значение этого архаизма. Л. З. Лунгина использует полный эквивалент.

В романе «Осень в Пекине» также встречаются старинные титулы. Например, когда Амадис Дюдю попадает в тюрьму за то, что сбивает велосипедиста, там встречает *l'abbé*, который ведет себя достаточно вольно для своего духовного статуса. Для начала отметим, что персонаж живет в XX веке и обратимся к определению существительного *l'abbé* к онлайн-словарю «Larousse»: «titre donné à tout ecclésiastique (le titre de monsieur l'abbé est de plus en plus remplacé par celui de père)» (титул, данный любому священнику)⁶. Сегодня вместо *l'abbé* в основном используется *le père (papa)*. М. Л. Аннинская сохраняет архаизм и дает его дословный перевод ‘аббат’.

Для создания чудаковатого образа персонажа Б. Виан использует устаревшую лексику: *L'abbé Petitjean caracolait dans les couloirs de la prison suivi de près par le gardien*, где глагол *caracoler* – архаизм, в онлайн-словаре «L'internaute» представлена его дефиниция: «faire des mouvements vivaces, sautiller, galoper, sauter, cabrioler. Verbe venant de l'escargot, utilisé au XVIIe siècle dans le monde équestre, pour dire d'un cavalier qu'il effectue des voltes, c'est-à-dire un tour complet que le cavalier fait exécuter à son cheval»⁷. В таком значении глагол *caracoler* использовался в XVII веке среди рыцарей и наездников, когда они вместе с лошадью совершали прыжки и сальто. Л. Лунгина переводит фразу так: «Аббат Грыжан гарцевал по тюремным коридорам в сопровождении сторожа», т. е. выбирает эквивалент, заимствованный из польского языка. В русском языке *гарцевать* появляется намного позже французского *caracoler* – в XIX веке, однако значение похожее: «умело, красиво ездить верхом». Как мы видим, в данном случае подобрать полный эквивалент не было возможности.

Итак, наиболее частотным способом передачи архаизмов является поиск эквивалента: полного, когда он абсолютно соответствует семантике, эпохе, когда слово было в активном употреблении, и стилю речи, или частичного (неполного) эквивалента.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выделив архаизмы в произведениях Б. Виана и проведя анализ их функционирования в тексте,

¹URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/sénéchal/72058> (дата обращения: 28.09.2024).

²URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/1021806> (дата обращения: 6.10.2024).

³URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/libraire/47008> (дата обращения: 15.10.2024).

⁴URL: <https://archive.org/details/DictionnaireUniversel/page/n573/mode/2up> (дата обращения: 25.10.2024).

⁵Зд. и далее перевод наш. – Т. М. и Е. С.

⁶URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/abbé/72> (дата обращения: 02.11.2024).

⁷URL: https://www.linternaute.fr/dictionnaire/fr/recherche/?f_libelle=caracoler (дата обращения: 10.11.2024).

мы пришли к выводу, что архаизмы являются важнейшей частью идиостиля писателя, который прибегает к их использованию для создания запоминающихся образов и создания иронической коннотации.

Перевод архаизмов – сложный процесс, поскольку переводчик должен учитывать, с одной стороны,

исторические реалии, с другой – передать их так, чтобы они были понятны современному читателю.

Кроме того, необходимы предпереводческий анализ идиостиля писателя, в ходе которого необходимо установить характерные черты индивидуального авторского стиля на всех языковых уровнях и подобрать способы перевода.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Митягина В. А., Наумова А. П. Перевод крылатых выражений в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: вариативность трансфера прецедентного текста // *Homo Loquens: Вопросы лингвистики и транслатологии: материалы III Международной заочной научно-практической конференции*, Волгоград, 26 апреля 2024 года. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2024. С. 4–18. EDN HODQ GK.
2. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Инструментарий автоматизированного анализа перевода художественного произведения // *Вопросы прикладной лингвистики*. 2022а. № 45. С. 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03. EDN IWBHQI.
3. Горожанов А. И. Интерпретация и перевод художественного текста с помощью программных инструментов обработки естественного языка // *Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V международной научной конференции*, Минск, 21–23 октября 2022 года. Минск: МГЛУ, 2022. С. 6–8. EDN DXIUHZ.
4. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Из-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
5. Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Понятие корпусной модели идиостиля // *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2022. № 1. С. 20–28. DOI 10.31912/pvrl-2022.1.2. EDN UEUIAS.
6. Горожанов А. И., Гусейнова И. А., Степанова Д. В. Стандартизированная процедура получения статистических параметров текста (на материале цикла рассказов Дж. Лондона «Смок Белью. Смок и Малыш») // *Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология*. 2022б. № 4 (119). С. 7–13. EDN PXAVUX.
7. Склярова Е. Ю., Самарина И. В. Особенности передачи лингвокультурологических характеристик идиостиля при переводе (на материале романа Д. Брауна «Код да Винчи») // *Экология языка и коммуникативная практика*. 2020. № 1. С. 76–83.
8. Ефимов А. И. *Стилистика художественной речи*. М.: МГУ, 1957.
9. Старкова Е. В. Проблема понимания феномена идиостиля в лингвистических исследованиях // *Вестник ВятГУ*. 2015. № 5. С. 75–81.
10. Беликов В. И., Крысин Л. П. *Социоллингвистика*. М.: Юрайт, 2023.
11. Абабкова М. И. Почему ускользает Пушкин? Опыт перевода // *Языки и литература в поликультурном пространстве*. 2024. № 10. С. 6–12. EDN UINLBP.
12. Устинова Т. В. Перевод поэта поэтом и концепция «видимости переводчика» (на материале перевода А. Драгомощенко стихотворений Л. Хеджинян) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2024. № 5 (886). С. 124–129. EDN WRAGMM.
13. Аннинская М. Л. *Творивший легенды* // *Иностранная литература*. 1999. № 11. С. 31–38.
14. Васильева М. К., Левичева С. В. Принципы классификации и особенности перевода архаизмов // *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. 2022. № 1. С. 36–39.
15. Макарова Н. Е. Архаика и неология в прозе Бориса Виана // *Вестник ТГУ*. 2007. № 10. С. 156–167.
16. Базылев В. Н. Обусловленность переводческих трансформаций // *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2005. № 1. С. 75–79.

REFERENCES

1. Mityagina, V. A., Naumova, A. P. (2024). Translation of Catchphrases on the Novel by A. S. Pushkin “Eugene Onegin”: Variability of Transfer of the Precedent Text. In *Homo Loquens: Questions of Linguistics and Translatology* (pp. 4–18): Proceedings of the International Conference. Volgograd, 2024, April 26. Volgograd State University. EDN HODQ GK. (In Russ.)
2. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022a). Tools for Automated Analysis of Fiction Work Translation. *Issues of Applied Linguistics*, 45, 62–89. DOI 10.25076/vpl.45.03. EDN IWBHQI. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I. (2022). Interpretation and Translation of Fiction Text Using Software Tools for Natural Language Processing. In *Universal’noe i nacional’noe v jazykovej kartine mira* (pp. 6–8): Proceedings of the 5th International Scientific Conference. Minsk, 2022, October 21–23. Minsk: MSLU. EDN DXIUHZ. (In Russ.)

4. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy) = Introduction to translation studies (general and lexical issues)*. Moscow. Publishing house of the Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education. (In Russ.)
5. Baranov, A. N., Dobrovolskij, D. O. (2022). Corpus Model of the Individual Style. *Proceedings of the V. V. Vinogradov Russian Language Institute*, 1, 20–28. DOI 10.31912/pvrl-2022.1.2. EDN UEUIAS. (In Russ.)
6. Gorozhanov, A. I., Guseynova, I. A., Stepanova, D. V. (2022b). Standardized Procedure for Obtaining Statistical Parameters of a Text (on the material of the stories by J. London “Smoke Bellew. Smoke and Shorty”). *Minsk State Linguistic University Bulletin. Series 1. Philology*, 4(119), 7–13. EDN PXAVUX. (In Russ.)
7. Sklyarova, E. Yu., Samarina, I. V. (2020). Osobennosti peredachi lingvokul'turologicheskikh harakteristik idioshtilya pri perevode (na materiale romana D. Brauna «Kod da Vinchi») = Features of the transfer of linguistic and cultural characteristics of idioshtyle in translation (based on the material of D. Brown's novel “The Da Vinci Code”). *Ecology of language and communicative practice*, 1, 76–83. (In Russ.)
8. Efimov, A. I. (1957). *Stilistika hudozhestvennoj rechi = The style of artistic speech*. Moscow. Moscow State University. (In Russ.)
9. Starkova, E. V. (2015). Problema ponimaniya fenomena idioshtilya v lingvisticheskikh issledovaniyah = The problem of understanding the phenomenon of idioshtyle in linguistic research. *Bulletin of Vyatka State University*, 5, 75–81. (In Russ.)
10. Belikov, V. I., Krysin, L. P. (2023). *Sociolingvistika = Sociolinguistics*. Juright. Moscow: Urite. (In Russ.)
11. Ababkova, M. I. (2024). Pochemu uskol'zaet Pushkin? Opyt perevoda = Why does Pushkin slip away? An experience of translation. *Yazyki i literatura v polikul'turnom prostranstve = Languages and literature in a multicultural space*, 10, 6–12. EDN UINLBP. (In Russ.)
12. Ustinova, T. V. (2024). A Poet Translating Poet and the Concept of Translator's Visibility (A Case-Study of Arkadii Dragomoshchenko's Translation of Lyn Hejinian's Poems). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 5(886), 124–129. EDN WRAGMM. (In Russ.)
13. Anninskaya, M. L. (1999). Tvorivshij legendy. *Foreign literature*, 11, 31–38. (In Russ.)
14. Vasilyeva, M. K., Levicheva, S. V. (2022). Principy klassifikacii i osobennosti perevoda arhaizmov = Principles of classification and features of translation of archaisms. *Bulletin of the Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering*, 1, 36–39. (In Russ.)
15. Makarova, N. E. (2007). Arhaika i neologiya v proze Borisa Viana = Archaism and neology in the prose of Boris Vian. *TSU Bulletin*, 10, 156–167. (In Russ.)
16. Bazylev, V. N. (2005). Obuslovennost' perevodcheskikh transformacij = Conditionality of translation transformations. *Bulletin of Voronezh State University. Series: Linguistics and intercultural communication*, 1, 75–79. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Грушевская Татьяна Михайловна

доктор филологических наук, профессор
заведующий кафедрой французской филологии
Кубанского государственного университета

Грушевская Елена Сергеевна

доктор филологических наук, доцент
профессор кафедры английской филологии
Кубанского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Grushevskaya Tatiana Mijailovna

Doctor of philology, Professor,
Head of the Department of French Philology, Kuban State University

Grushevskaya Elena Segeeyevna

Doctor of Philology, Associate Professor
Professor at the Department of English Philology, Kuban State University

Статья поступила в редакцию	22.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	10.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	18.04.2025	accepted for publication

Функциональный синтаксис и понятие синтаксической функции: подходы испанских лингвистических школ

М. Д. Zubov¹, А. А. Альварес Солер²

^{1,2}Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия

¹zuboffmaksim@yandex.ru,

²anna.alvaressoler@gmail.com

Аннотация. Цель исследования – рассмотреть понятия функции в контексте взглядов основателей трех крупнейших школ функционального синтаксиса в Испании: университетов Овьедо, Леона и Сантьяго-де-Компостелы. Анализ теоретических трудов представителей вышеупомянутых научных объединений позволил выявить значительную гомогенность в области базовой дефиниции синтаксической функции среди испанских лингвистических объединений. Вместе с тем были обнаружены и весомые различия, относящиеся к последующему теоретическому развитию исходного определения и его синтезу с иными функционально-синтаксическими подходами, что позволило в заданном контексте наметить общую тенденцию, заключающуюся в переходе от формально-структуралистских концепций к функционально-семантическим и функционально-прагматическим.

Ключевые слова: функция, функциональный синтаксис, функциональная лингвистика, функционально-семантический синтаксис, структурная лингвистика

Для цитирования: Zubov M. D., Alvarez Soler A. A. Функциональный синтаксис и понятие синтаксической функции: подходы испанских лингвистических школ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 51–59.

Original article

Functional Syntax and the Concept of Syntactic Function: Approaches of Spanish Linguistic Schools

Maksim D. Zubov¹, Anna A. Alvares Soler²

^{1,2}Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia

¹zuboffmaksim@yandex.ru

²anna.alvaressoler@gmail.com

Abstract. This study aims at examining the notion of function in the context of the views of the founders of the three largest functional syntax schools in Spain: the University of Oviedo, the University of Leon and the University of Santiago de Compostela. The analysis of the above-mentioned scholars' theoretical papers made it possible to identify a significant homogeneity in the basic definition of syntactic function among Spanish linguistic associations. At the same time, significant differences were also found in the subsequent theoretical development of the initial definition and its synthesis with other functional-syntactic approaches, which allowed us to identify, in a given context, a general tendency to move from formal-structuralist concepts to functional-semantic and functional-pragmatic ones.

Keywords: function, functional syntax, functional linguistics, functional semantic syntax, structural linguistics

For citation: Zubov, M. D., Alvares Soler, A. A. (2025). Functional syntax and the concept of syntactic function: Approaches of Spanish linguistic schools. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 51–59. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Понятие функции в языкознании является одним из самых многозначных и противоречивых, но в то же время играет важнейшую роль, поскольку от конкретного определения понятия «функция» зависит не только сопровождающая его терминосистема, методы и предмет исследования, но и само понимание направления или же отрасли лингвистики, в рамках которой проводится исследование. Когда в ходе лингвистической дискуссии или исследования речь заходит о «функциональном», будь это синтаксис, семантика или прагматика, первичным и самым значимым становится вопрос о том, что понимается под функцией.

Очевидно, что при употреблении таких терминов, как «функции естественного языка», «функции глагола» или же, например, «функции публицистического стиля», мы понимаем, что несмотря на единство употребляемого слова, речь идет о совершенно разных понятиях, ведь все вышеизложенные термины относятся к различным отраслям лингвистики. Однако часто понимание функции значительно отличается в рамках, казалось бы, одного лингвистического направления, в данном случае – функционального синтаксиса, что иногда не просто порождает противоречия при постановке таких основополагающих вопросов, как предмет исследования, но и в отдельных случаях служит объектом дискуссии и споров, а также позволяет проследить эволюцию данного понятия в ходе развития конкретной отрасли лингвистики в рамках одной научной школы, группы ученых, а в некоторых случаях даже одного исследователя.

Если обратиться, например, к обобщенному определению, данному О. С. Ахмановой в «Словаре лингвистических терминов»¹, то в нем у лингвистического понятия «функция» выделяются несколько значений: 1) назначение, роль, выполняемая единицей (элементом) языка при его воспроизведении в речи (например, функция ассоциативная или дифференциальная); 2) цель и характер воспроизведения в речи данной языковой единицы; ее актуализация или транспозиция в контекст конкретного речевого акта (например, функция предикативная, дейктическая или кульминативная); 3) обобщенное обозначение разных сторон (аспектов) языка и его элементов с точки зрения их назначения, применения, использования (например, функция коммуникативная или репрезентативная). Вышеизложенное определение подтверждает наш тезис о том, что понятие «функция» в лингвистике носит многогранный и неоднозначный характер, а его

¹Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. 2-е изд. М.: Едиториал УРСС, 2004.

противоречивость может быть обусловлена разной интерпретацией и применением дефиниций даже в рамках одной лингвистической отрасли, например синтаксисе.

Если же поднимать вопрос о более частных интерпретациях понятия «функция», например, в рамках интересующего нас синтаксиса, то Арто Мустайоки, рассуждая о различных интерпретациях функции и функционального, заключает, что прилагательное *функциональный* в лингвистическом контексте отражает многие подходов к исследованию языка, отмечая при этом, что «в широком смысле этот подход охватывает всякое исследование, в котором язык рассматривается с точки зрения его функций», а определяя саму функцию, поясняет, что «изучение функций языка – это исследование языка с учетом того, в каких целях он используется» [Мустайоки, 2010, с. 108]. Говоря об упомянутых целях, которые А. Мустайоки отождествляет с предметом исследования в рамках функциональных направлений лингвистики, ученый предлагает задавать к ним вопросы, определяющие понимание предмета исследования, а следовательно, и функции. Так, например, в вопросе: «Как в данном предложении выражается рема?» – речь, очевидно, идет о концепции актуального членения предложения, разработанной в рамках Пражского лингвистического кружка, а вопрос: «Для чего в таком-то языке используется пассив?» – указывает на функционально-семантический подход, при котором исходным пунктом служат формальные категории, но изучаются они исследователем с точки зрения их функций. Также А. Мустайоки ставит вопрос: «Как в таком-то языке выражается просьба, физиологическое состояние или отрицание?» – выделяя подход «от значения к форме» или ономазиологический подход, следуя которому он и сформулировал свою теорию функционального синтаксиса, легшую в основу его работы о функциональном синтаксисе русского языка [Мустайоки, 2010].

Как можно заметить, в рамках одного из важнейших лингвистических направлений исследований языка – функционального синтаксиса – существуют различные, кардинально отличающиеся друг от друга подходы к интерпретации функционального и функции. Более того, даже в рамках единого образного понимания функции и функционального исследователи в своих трудах применяют разные модели и теоретические аппараты, которые, с их точки зрения, наибольшим образом подходят для целей работ. Исходя из этого, представляется критически важным изучить понимание функции в рамках трудов представителей различных испанских школ функционального синтаксиса.

Для того чтобы ответить на вопрос о том, что в рамках испанского функционального синтаксиса понимается под функцией, мы проанализировали труды наиболее видных представителей испанских школ функционального синтаксиса. В статье «Teoría gramatical», написанной в рамках монографии «Introducción a la lingüística española», Анхель Лопес Гарсия выделяет три основные испанские школы функционального синтаксиса: школа университета Овьедо (Эмилио Аларкос Льорак, Хосе Антонио Мартинес и др.), школа университета Леона (Сальвадор Гутьеррес Ордоньес, Бонифасио Родригес Диас и др.) и школа университета Сантьяго-де-Компостелы (Гильермо Рохо, Хесус Пена и др.). Кроме того, Лопес Гарсия упоминает и иные, миноритарные, испанские функционалистские школы, как, например, школу университетов Кадиса и Вальядолида и ее представителей – Сесара Эрнандеса Алонсо и Валерио Баэса [Alvar et al., 2000]. Такого же мнения придерживается и Эдита Гутьеррес Родригес: она особо выделяет школы университетов Овьедо, Леона и Сантьяго-де-Компостелы как объединения, заложившие и развившие теоретико-категориальные основы функционального синтаксиса в Испании. Причем стоит отметить, что каждая из них в той или иной степени сохраняет традицию, начатую Э. Аларкосом Льораком, однако со своими характерными чертами, интерпретациями и новшествами. Гутьеррес Гарсия также отмечает значимый вклад Антонио Нарбонны Хименеса (университет Севильи), Хосе Марии Гарсии Мигеля (университет Виго), а также Эмилио Редрехо и Сесара Эрнандеса (университет Вальядолида) [Enciclopedia de lingüística hispánica, 2016].

В рамках настоящей статьи нами было принято решение рассмотреть понимание функции трех, как было указано ранее, основных школ функционального синтаксиса в Испании. Материалом для статьи послужили труды вышеупомянутых представителей данных школ, а также обзорно-теоретические материалы.

Актуальность исследования объясняется тем, что понимание особенностей семантико-функционального подхода к описанию синтаксиса, разработанного именно испанскими лингвистическими школами, будет способствовать грамотной интерпретации проблем устройства и функционирования предложений в испанском языке, что, в свою очередь, способно задать верную стратегию при обучении переводу в языковой связке русский – испанский.

Научная новизна исследования определяется тем, что в нем впервые проводятся подробный анализ и систематизация сложившихся концепций испанских лингвистических школ в рамках функционального синтаксиса.

Перспективы настоящего исследования заключаются в том, что его результаты могут найти практическое применение при анализе испаноязычного языкового материала, что определяет его практическую значимость.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА ОВЬЕДО

Наиболее известным представителем школы университета Овьедо и самым влиятельным лингвистом в рамках испанского функционального синтаксиса является Эмилио Аларкос Льорак. Его также можно назвать основоположником данного направления в Испании, поскольку он стал первым испанским лингвистом XX века, который начал теоретические изыскания в рамках функционального синтаксиса, в то время как в стране преобладающими направлениями всё еще оставалась дескриптивная лингвистика и традиционная грамматика [Enciclopedia de lingüística hispánica, 2016].

Фундаментальными трудами Аларкоса Льорака, в рамках которых он заложил основы испанского функционального синтаксиса и установил терминологию, можно назвать «Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española» (1951), «Gramática de la lengua española» (1994), а также статьи «Lingüística estructural y funcional» (1977) и «Metodología estructural y funcional en Lingüística» (1977).

В своей первой работе, посвященной функциональному синтаксису, «Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española» [Alarcos, 1990], Аларкос Льорак полностью заимствует не только понимание «функции», но и весь теоретический аппарат у датского лингвиста Луи Ельмслева, представителя Копенгагенского лингвистического кружка, и его теории глоссематики, что весьма логично вытекает из названия работы испанского ученого. Однако Аларкос не просто переводит умозаключения датского лингвиста, но и прилагает свои размышления к основополагающим тезисам теории Л. Ельмслева, а также дополняет их обобщениями, оперируя понятными для испаноязычного читателя категориями и примерами из испанского языка.

Сама же теория глоссематики, разработанная в 30–50-х годах XX века Л. Ельмсловом и Х. Й. Ульдаллем и другими членами Копенгагенского лингвистического кружка, является одной из самых последовательных концепций в рамках западноевропейского лингвистического структурализма. Руководствуясь методологией неопозитивизма, теоретики стремились создать концепцию, базирующуюся на формально-логических и математических категориях, пытаясь таким образом

придать ей абсолютно универсальный характер, позволяющий, по их мнению, опираясь на дедуктивный метод, рассматривать систему функционирования любого существующего или даже возможного языка. Соответственно, глоссематика отличается крайне формальным и абстрактным характером категориального аппарата. Кроме того, представляется необходимым отметить, что важнейшей методологическим источником глоссематики в области понимания природы языка стали многие реинтерпретированные идеи и положения лингвистического учения Ф. де Соссюра: например, идея о том, что язык представляет собой систему знаков, а знак воплощает собой единство означающего и означаемого, а также положение о том, язык есть форма, а не субстанция, и в нем нет ничего, кроме различий. Ввиду понимания формы как основной сущности языка, полностью независимой от субстанции, в центре глоссематической теории находится система чистых отношений между элементами языка. Данные отношения называются Л. Ельмслевом «функциями», а сами элементы – «функтивами», которые в рамках данной концепции лишены самостоятельного существования и являются лишь результатами пересечения пучков отношений¹. Таким образом, глоссематика выступает крайне абстрактной теорией, в основании которой лежат положения о зависимости между элементами языка и характере их отношений. В рамках данной концепции вся материальная часть языка, а также специфика каждого отдельного языка полностью исключаются ввиду их, по мнению теоретиков, ненадобности, а единственное, что остается, – это предельно формализованная система отношений между элементами, универсальная для всех языков.

Таким образом, в своем первом теоретическом труде, посвященном функциональному синтаксису, Э. Аларкос Льорак полностью перенимает у Ельмслева определение функции как отношения зависимости между классом и его элементами (парадигмой и ее членами, цепью и ее частями) или же между самими элементами (частями и членами) [Alarcos, 1990]. Данный подход полностью соответствует дефиниции, данной датским ученым в «Пролегоменах к теории языка»: «Зависимость, отвечающую условиям анализа, мы назовем функцией. Так, мы скажем, что существует функция между классом и его сегментами (цепью и ее частями, или парадигмой и ее членами) и между сегментами (частями или членами)» [Ельмслев, 2006, с. 57]. Элементы языка, вступающие в такие отношения зависимости, как пишет испанский лингвист, называются функтивами [Alarcos, 1990].

¹Лингвистический энциклопедический словарь / Ярцева В. Н. и др. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 107–108.

Крайне важно оговориться, что функция и функтив, как подмечает Л. Ельмслев, являются существенно техническими терминами, задающими категориальный аппарат в рамках системы, которую авторы глоссематики выстраивают в качестве альтернативы существующим на тот момент концепциям. Л. Ельмслев заверяет, что термин «функция», введенный им в глоссематике, находится между его формально-логическим и этимологическим пониманием, подчеркивая, что именно такая комбинированная интерпретация понятия функции и нужна лингвистике. Он обосновывает это тем, что именно такое понимание функции, а также введение термина «функтив» поможет избежать двусмысленности, существующей в его традиционном научном употреблении, в рамках которого функция понимается и как зависимость между двумя частями, и как сама одна или обе этих части, таким образом, появляется выражение «одна часть является функцией другой». Термин «функтив», дополнительно вводимый Л. Ельмслевом, позволяет отделить отношения зависимости от самих частей, которые он и называет функтивами. Также Л. Ельмслев добавляет, что двусмысленность в отношении термина «функция» часто наблюдается при употреблении специальных видов функций, как, например, предопределение (*presupposition*), которая означает и постулат, и постулируемое, иными словами, функцию и функтив [Ельмслев, 2006].

Аларкос Льорак тоже упоминает данную дифференциацию, но не дает объемных теоретических размышлений на этот счет, как это делает Л. Ельмслев, а просто поясняет разницу и в то же время взаимосвязь терминов «функция» и «функтив» [Alarcos, 1990]. Стоит отметить, что Э. Аларкос Льорак использует в своей работе более практико-ориентированный подход в области описания теории и в большей степени, нежели Л. Ельмслев, и пытается донести основные положения глоссематики именно на примере категорий или явлений естественных языков, не прибегая к излишнему формализму и не отрывая теорию от собственно языка.

В дальнейшем Э. Аларкос Льорак, вслед за Л. Ельмслевом, выстраивает систему отношений и их функционирования в рамках описываемой концепции глоссематики. Э. Аларкос Льорак пишет, что если в рамках определенной функции наличие одного функтива предполагает наличие второго, то такой функтив называется постоянной, а если же наличие одного функтива не определяет существование другого, то он – переменная. Данное деление функтивов на постоянную и переменную ведет к обозначению трех функций отношений зависимости: взаимозависимость (функция между двумя постоянными), детерминация (функция между постоянной

и переменной) и констелляция (функция между двумя переменными) [Alarcos, 1990], что тоже соответствует теории Ельмслева [Ельмслев, 2006]. Кроме того, как и у Ельмслева, в первой работе Аларкоса каждая из функций подразделяется на два варианта в зависимости от того, относится ли она к тексту (синтагматике) или же к системе (парадигматике) [Alarcos, 1990]. Соответственно, взаимозависимость делится на солидарность и комплементарность, детерминация – на селекцию и спецификацию, а констелляция – на комбинацию и автономию, за ними проводится и дихотомия функтивов (постоянного и переменного) в рамках вышеуказанных функций [Alarcos, 1990; Ельмслев, 2006].

Важно отметить, что в своей первой работе Э. Аларкос Льорак рассматривает функцию только в ее глоссематическом, иначе говоря, в самом формальном значении, которое приводилось нами выше. Хотя ученый и приводит различные примеры из испанского и латинского языков, однако практически все они фонемного и морфемного уровней, но пока не синтаксического.

В последующих двух теоретических работах Э. Аларкос Льорак продолжает придерживаться определения функции как отношения зависимости, однако теперь испанский лингвист полностью переносит термин «функция» в синтаксический контекст. В статьях «Lingüística estructural y funcional» и «Metodología estructural y funcional en Lingüística» Аларкос Льорак, обобщая теоретические изыскания Соссюра и Ельмслева, рассуждает о структурных и функциональных методах исследования языка, о возможности их комбинирования и синтеза [Alarcos, 1977a; Alarcos, 1977b].

Не отказываясь от ранее описанного глоссематического подхода, в основании которого лежат адаптированные идеи Ф. де Соссюра, Э. Аларкос Льорак видит его продолжение в концепции двойного членения А. Мартине, аргументированно демонстрируя в своей работе ее достоинства в области исследования языка на фонемном и морфемном уровнях. Однако затем Э. Аларкос Льорак задается вопросом о том, как в рамках данной концепции подняться на уровень выше, и говорит о необходимости дальнейшего применения подхода А. Мартине, но уже в качестве значимой единицы языка он выделяет высказывание (*oración*), определяя его как последовательность знаков, объединенных одним интонационным рисунком и способных изолированно выступать в качестве конкретного языкового проявления. На уровне высказывания Э. Аларкос Льорак делит данные знаки на так называемые автономные, которые могут изолированно выступать в качестве высказывания и быть минимальной смысловой единицей, и

зависимые, которые, соответственно, не обладают способностью служить полноценным высказыванием, но могут его образовывать при присоединении одного или нескольких зависимых знаков, становясь тем самым знаком автономным. Данные автономные знаки Э. Аларкос Льорак и называет синтагмой, которая, по его мнению, является базовой единицей при членении высказывания. Именно синтагмы, с точки зрения испанского лингвиста, и образуют парадигму, в которой они, взаимодействуя друг с другом в рамках различных отношений зависимости, выполняют определенные функции [Alarcos, 1977a].

Э. Аларкос Льорак отмечает, что в каждом высказывании должна быть синтагма, обладающая функцией ядра, иными словами, единица, несущая минимальное смысловое значение, а все остальные элементы данной парадигмы являются лишь ее приложениями. Испанский лингвист заключает, что функцию ядра высказывания всегда выполняет синтагма, представленная глаголом, являющаяся основой для предикативных отношений, которые выступают базовым условием существования высказывания [там же].

Все остальные вариации отношений зависимости между синтагмами в рамках высказывания, т. е. функции, Э. Аларкос Льорак называет спецификаторами (*especificaciones*) и определениями (*determinaciones*), которые привносят дополнительный контекст по отношению к ядру высказывания. Испанский ученый дает следующую классификацию функций: *sujeto léxico*, *implemento* (прямое дополнение), *suplemento* (предложное дополнение), *complemento* (непрямое, или косвенное, дополнение), *aditamento* (обстоятельственное дополнение) [там же].

Таким образом, в рамках рассматриваемого этапа теоретической эволюции Э. Аларкоса Льорак под функцией понимаются всё те же отношения зависимости, однако теперь они возникают не между классами и элементами в рамках формально-абстрактной глоссематической системы, а между синтагмами, которые становятся базовой единицей высказывания, другими словами, синтаксического уровня, к которому испанский ученый старается применить концепцию двойного членения А. Мартине.

Заключительная стадия теоретического развития в области функционального синтаксиса Э. Аларкоса Льорак ознаменовывается выходом монографии «Gramática de la lengua española» под эгидой Королевской академии испанского языка.

В данной работе, вероятно, ввиду ее не узконаправленного теоретического, а скорее общего описательного, характера Э. Аларкос Льорак вместо базовой единицы в качестве синтагмы теперь

вводит просто слово, при этом сохраняя нетронутым свое умозаключение о том, что в рамках любого высказывания слова (теперь не синтагмы) выполняют различные функции и согласно этим функциям группируются по классам, и тем более что становится очевидным из вышесказанного, не прибегает к изменению дефиниции синтаксической функции. По тому же принципу испанский лингвист делит слова на автономные и зависимые. Однако теперь автономные слова классифицируются следующим образом: существительное (*sujeto explícito* и *objeto directo* – подлежащее или прямое дополнение), прилагательное (*atributo* – предикатив или предикативное дополнение), наречие (обстоятельное дополнение) и глагол (ядро предложения или предикат). Кроме того, на протяжении всей монографии при описании отдельных лингвистических тем можно также заметить упоминание различных уже упомянутых ранее синтаксических функций, а также некоторые новые, такие как *adyacente de sustantivo* (приложение к существительному), *adyacente de adverbio* (приложение к наречию) или, например, *modificador oracional* (модификатор предложения) [Alarcos, 1999].

Из вышесказанного следует, что последняя работа Э. Аларкоса Льорака, в которой затрагивается функциональный синтаксис, не представляет собой сугубо теоретический труд и не вносит новых переменных в уже существовавший на то время аппарат ученого за исключением добавления нескольких утилитарных функций и замены базовой единицы в виде синтагмы на слово, что, скорее всего, было сделано лишь в описательных целях. Однако стоит отметить высокую ценность данной работы, поскольку именно в ней Э. Аларкос Льорак демонстрирует практическую реализацию своих теоретических умозаключений в области функционального синтаксиса, где центральным и, как представляется возможным увидеть в «*Gramática de la lengua española*», продуктивным, в том числе с дидактической точки зрения, элементом является именно понятие синтаксической функции, что можно считать относительно целостным оформлением системы взглядов испанского ученого.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА ЛЕОНА

Одним из учеников Э. Аларкоса Льорака, который, в свою очередь, вместе с коллегами заложил основы еще одной школы функционального синтаксиса в Испании, стал Сальвадор Гутьеррес Ордоньес, представитель университета Леона.

В своих трудах С. Гутьеррес исходит из основных теоретических постулатов Э. Аларкоса Льорака. Однако, комбинируя их с другими элементами

актуальных в ту эпоху лингвистических течений, такими как тагмемика (К. Л. Пайк), падежная грамматика (Ч. Филлмор и др.), Пражский лингвистический кружок и функциональная грамматика С. Дика, он разрабатывает собственную, весьма уникальную, функциональную систему, состоящую из нескольких уровней [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

В статье «*La determinación inmanente de las funciones en sintaxis*» (1983) Гутьеррес приводит определение функции Л. Ельмслева и Э. Аларкоса Льорака, согласно которому она понимается как отношения зависимости между элементами системы, называемыми функцивами, однако сразу же отмечает, что в рамках традиционной лингвистики под определение синтаксической функции больше подходит именно то, что Л. Ельмслев и Э. Аларкос Льорак называют функцивами [Gutiérrez, 1983].

Согласно С. Гутьерресу, синтаксические функции, таким образом, являются абстрактными элементами, которые находят материальную лингвистическую реализацию в виде конкретных синтагм. Важно отметить, что собственно синтаксические, или же, как представитель школы Леона назовет их позже, формальные, функции соответствуют тем, которые ранее определил Аларкос (*sujeto*, *implemento*, *suplemento* и др.) [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

Однако затем, пытаясь интегрировать систему Э. Аларкоса в концептуальный аппарат традиционной лингвистики, в рамках которой проводится явное различие между абстрактной функцией и конкретным элементом, в котором она реализуется, С. Гутьеррес заключает, что одного наименования функции (например, *implemento* или *suplemento*) оказывается недостаточно, поскольку в данном случае получается, одно и то же наименование относится как к абстрактной функции, так и к конкретному элементу ее реализации. Решение этой дилеммы испанский лингвист находит в концепции тагмемики, в рамках которой абстрактная функция является прорезью (*slot*), а элемент ее конкретной реализации – наполнением (*filler*). Таким образом, С. Гутьеррес классифицирует функции на абстрактные и конкретные, где последние представляют собой некую конструкцию, в основании которой лежит функциональная прорезь (абстрактная функция) – наполнитель, а именно синтагма, реализующая данную функцию [Gutiérrez, 1983; Espinosa, 1999].

Однако на этом С. Гутьеррес не останавливается и задается вопросом о механизме, который в рамках синтаксиса позволит более детально верифицировать характер отношений (функцию) между элементами, поскольку, оставаясь исключительно

на формальном уровне, а именно не понимая смысла высказывания, определить это доказательным образом не представляется возможным. Данный вопрос С. Гутьеррес назвал проблемой семиотической природы синтаксических функций, исходя из рассуждения о том, что синтагматические отношения в языке состоят из элементов и отношений между ними, а для верной интерпретации обоих необходим определенный аппарат «расшифровки», который испанский лингвист, представляя предложение в виде семиотической схемы, состоящей из знаков или же элементов знака, находит в семантике [Gutiérrez, 1983].

Затем С. Гутьеррес интегрировал в свою концепцию падежную грамматику, которая как раз и появилась как грамматический метод описания тагмемики. Таким образом, отмечая инкорпорацию данного лингвистического метода у различных авторов даже за пределами упомянутой тагмемики, например, в рамках Пражского лингвистического кружка или же функциональной грамматики С. Дика, испанский ученый вводит в свою систему новый вид функций – семантические, заимствуя роли из падежной грамматики: *agente (агента), receptor (адресат), paciente (пациент), experimentador (экспериментатор)* и т. д. Данные семантические функции и станут механизмом более детальной верификации характера отношений между элементами [там же].

Чуть позднее в работах «Introducción a la Sintaxis Funcional» (1988) и «Las funciones sintácticas» (1991) с целью внедрения механизма определения известной и новой информации С. Гутьеррес добавил еще один уровень функций – прагматических (информативных): *aporte / soporte* и *foco*, или же тема и рема [Espinosa, 1999].

Исходя из вышесказанного, представляется уместным заключить, что С. Гутьеррес Ордоньес, кардинально не отходя от теоретических основ, заложенных Э. Аларкосом Льораком, в том числе в области понятия функции, которое, как было отмечено выше, фундаментально не претерпело трансформаций, а скорее, адаптируя понятийный базис предшественника для дальнейшего синтеза с иными актуальными на то время концепциями в рамках разработки собственной, смог продвигаться на качественно новый уровень, преодолев формально-структуралистский подход школы университета Овьедо путем выделения в рамках синтаксиса трех видов функций: формальных (собственно синтаксических), семантических и прагматических, тем самым сформировав систему синтаксического анализа, которую уже можно назвать не просто функциональной, а функционально-семантической и функционально-прагматической.

ШКОЛА УНИВЕРСИТЕТА САНТЯГО-ДЕ-КОМПОСТЕЛЫ

Гильермо Рохо, тоже ученик Аларкоса Льорака и лидер функционально-синтаксической школы университета Сантьяго-де-Компостелы, выражает, пожалуй, самое неординарное мнение по поводу понятия функции. Несмотря на то, что лингвист прошел школу университета Овьедо, он оказывается довольно далеко от подходов Э. Аларкоса Льорасы, выстраивая в рамках своего функционального синтаксиса сложную систему отношений, функций, страт и схем и интегрируя множество концепций от Л. Ельмслева, Э. Аларкоса Льорасы и Андре Мартина до С. Дика и М. А. К. Халлидея [Rojo, 1983].

Для Г. Рохо первоочередной важностью в рамках его концепции обладает отнюдь не функция, а синтаксические отношения. Они как раз, по мнению ученого, делятся на две разновидности: связи (*conexiones*) и функции. Синтаксические связи, по мнению лингвиста, являются разновидностью синтаксических отношений, установленных между компонентами одной синтаксической единицы. Г. Рохо также называет синтаксические связи подтипом синтагматических отношений, которые существуют между частями целого и являются линейными, а также классифицирует их на сочинительные и подчинительные, затем теоретически анализируя подтипы данных видов связей, пользуясь теоретическим аппаратом Л. Ельмслева и Э. Аларкоса Льорасы, в том числе применяя глоссематическое понятие функции в их отношении. Синтаксическую функцию же ученый определяет как синтагматические отношения, существующие между частью и целым, которые не являются линейными, а также заключает, что синтаксические функции выступают формальным проявлением конкретного значения или же семантической функции. Г. Рохо сразу же оговаривается, что синтаксические и семантические функции не всегда соответствуют друг другу, поскольку постоянно меняются в зависимости от синтаксического построения предложения, однако в то же время все синтаксические функции отсылают к определенной семантической функции или же к значению [там же].

Испанский лингвист также отмечает, что понятие функции в лингвистике изобилует различными дефинициями и крайне неоднородно. Он выводит три основных варианта понимания данного термина: 1) функция как предназначение (*finalidad*); 2) функция в глоссематическом смысле (как отношения зависимости между элементами, так называемыми функцивами); 3) функция в смысле функций языка. Сразу отбрасывая третий вариант как посторонний в рамках обсуждения синтаксической функции, представляется важным сначала перейти ко

второму, глоссематическому, Г. Рохо говорит о глоссематической функции как о слишком широком и логико-математическом понятии, более схожим, как ученый уже ранее отмечал, с тем, что он называет синтаксическими связями. Первый же вариант понятия функции в качестве предназначения испанский лингвист отмечает как наиболее близкий к тому, что он называет синтаксической и семантической функциями, однако сразу подчеркивает, что такое определение может быть корректно только в рамках структурализма, поскольку, по мнению Г. Рохо, термин «синтаксическая функция» нельзя ассоциировать с понятием предназначения, поскольку, когда какой-то сегмент предложения выполняет, например, функцию подлежащего, речь не идет о его предназначении, а о его отношении к целому, иными словами, к остальному предложению. Такой же подход, как утверждает испанский лингвист, применим и к функции семантической [там же].

Крайне интересной идеей Рохо является его предложение использования синтаксических и семантических схем. Лингвист утверждает, что вместо того, чтобы проводить параллели между семантическими функциями и функциями синтаксическими, что весьма малоэффективно, поскольку, как уже было отмечено, синтаксическая функция ввиду языковой вариабельности не имеет прямого соответствия по отношению к функции семантической, необходимо сравнивать целые схемы по типу: *agente – acción – término / sujeto – predicado – complemento directo*. Подобный подход, по мнению Рохо, намного более действенен с точки зрения обретения представления о регулярных синтаксических конструкциях языка [там же].

Также важно отметить, что в рамках своей концепции функционального синтаксиса кроме синтаксических функций Г. Рохо отдельно выделяет семантические и информативные (прагматические) функции, синтезируя идеи Ч. Филлмора (падежная грамматика), Пражского лингвистического кружка и С. Дика (функциональная грамматика), а также М. А. К. Халлидея (системная грамматика) [там же].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ теоретических трудов основателей трех основных испанских школ функционального синтаксиса позволяет сделать некоторые выводы.

1. Базовое определение функции, установленное основоположником данной отрасли лингвистики в Испании Э. Аларкосом Льораком, представляется весьма однородным, так как все три школы в той или иной мере исходят из глоссематической дефиниции функции как отношения зависимости элементов.

2. Функционально-синтаксические концепции всех трех объединений вместе с самим понятием функции претерпели значительную эволюцию подходов и определений путем синтеза с актуальными идеями современников:

- Э. Аларкос Льорак, представлявший школу университета Овьедо, в основном комбинировал идеи Л. Ельмслева и А. Мартине, выборочно адаптируя к практическому материалу испанского языка и своим целям, и тем самым сформировал необходимый теоретико-категориальный аппарат для последующих изысканий в области функционального синтаксиса;
- С. Гутьеррес, возглавивший школу университета Леона, которая изначально была очень близка к идеям Э. Аларкоса Льорака, произвел, в свою очередь, интеграцию идей Э. Аларкоса Льорака с тагмемикой К. Л. Пайка, падежной грамматикой Ч. Филлмора и прагматикой Пражского лингвистического кружка, выведя формально-структуралистский синтаксис школы Овьедо на уровень функционально-семантического и функционально-прагматического подходов в синтаксисе;
- Г. Рохо, основатель школы университета Сантьяго-де-Компостелы, наоборот, с самого начала вывел на первый план синтаксические отношения, а не функцию, однако несмотря на такой неординарный подход, синтаксическая функция осталась в центре его концепции, а базисная глоссематическая дефиниция, как и ее производная тоже нашли применение в рамках его идей. Кроме того, ученый смог синтезировать значительное количество разнообразных подходов в отношении всех трех видов функций, что позволило ему не только развить собственные системы функционально-семантического и функционально-прагматического подхода в синтаксисе, но и предложить продуктивный способ изучения регулярных синтаксических конструкций в языке.

3. Все три объединения проводили трансформации взглядов в соответствии с актуальными тенденциями в западной лингвистике, перенимая и адаптируя ее подходы, что свидетельствует о том, что испанский функциональный синтаксис является полностью интегрированной и релевантной отраслью лингвистики.

Результаты проведенного исследования представляются важными для последующего отбора, организации и презентации языкового материала в рамках теории функционального синтаксиса.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мустайоки А. Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2010.
2. Alvar L. M. et al. Introducción a la lingüística española. Barcelona: Editorial Ariel, 2000.
3. Enciclopedia de lingüística hispánica: en 2 vol. / Ed. por J. Gutiérrez-Rexach. London: Routledge, 2016. Vol. 1.
4. Alarcos L. E. Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española. Madrid: Gredos, 1990.
5. Ельмслев Л. Прологомены к теории языка. М.: КомКнига, 2006.
6. Alarcos L. E. Lingüística estructural y funcional // Comunicación y lenguaje. 1977a. P. 49–61.
7. Alarcos L. E. Metodología estructural y funcional en Lingüística // Revista Española de Lingüística. 1977b. Vol. 7. Núm. 2. PP. 1–16.
8. Alarcos L. E. Gramática de la lengua española. Madrid: Espasa Calpe, 1999. 1a ed.
9. Gutiérrez O. S. La determinación inmanente de las funciones en sintaxis // Contextos. 1983. Vol. 1 Núm. 2. P. 41–56.
10. Espinosa G. J. Reseña de Gutiérrez Ordóñez, S. (1997), Principios de sintaxis funcional, Madrid, Arco/Libros // Pragmalingüística. 1999. Núm 7. P. 255–263.
11. Rojo G. Aspectos básicos de sintaxis funcional. Madrid: Librería Agora, 1983.

REFERENCES

1. Mustajoki, A. (2010). Teoriya funkcional'nogo sintaksisa: ot semanticheskikh struktur k yazykovym sredstvam = Functional Syntax Theory: from Semantic Structures to Linguistic Means. 2nd ed. Moscow: Yazyki slavyanskoj kul'tury. (In Russ.)
2. Alvar, L. M. et al. (2000). Introducción a la lingüística española. Barcelona: Editorial Ariel.
3. Gutiérrez-Rexach, J. (Ed.). (2016). Enciclopedia de lingüística hispánica (vol. 1): en 2 vol. London: Routledge.
4. Alarcos, L. E. (1990). Gramática estructural: según la escuela de Copenhague y con especial atención a la lengua española. Madrid: Gredos.
5. Hjelmslev, L. (2006). Prolegomeny k teorii yazyka = Prolegomena to a Theory of Language. Moscow: KomKniga. (In Russ.)
6. Alarcos, L. E. (1977a). Lingüística estructural y funcional. Comunicación y lenguaje (pp. 49–61).
7. Alarcos, L. E. (1977b). Metodología estructural y funcional en Lingüística. Revista Española de Lingüística, 7(2), 1–16.
8. Alarcos, L. E. (1999). Gramática de la lengua española. 1a ed. Madrid: Espasa Calpe.
9. Gutiérrez, O. S. (1983). La determinación inmanente de las funciones en sintaxis. Contextos, 1(2), 41–56.
10. Espinosa, G. J. (1999). Reseña de Gutiérrez Ordóñez, S. (1997), Principios de sintaxis funcional, Madrid, Arco/Libros. Pragmalingüística, 7, 255–263.
11. Rojo, G. (1983). Aspectos básicos de sintaxis funcional. Málaga: Librería Agora.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Зубов Максим Дмитриевич

преподаватель кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры испанского языка и перевода переводческого факультета
Московского государственного лингвистического университета

Альварес Солер Анна Александровна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой испанского языка и перевода
переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Zubov Maksim Dmitrievich

PhD Student and Lecturer at the Department of Spanish Language
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University

Alvares Soler Anna Alexandrovna

PhD (Philology), Associate Professor
Head of the Department of Russian Language
Faculty of Translation and Interpretation, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	13.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	

Интенсификация эпистемической модальности «уверенность» в дискурсе оценки

Л. Э. Мамедова

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Россия
lmemc@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе экспликативных и функциональных характеристик категории эпистемической модальности «уверенность» в академическом институциональном дискурсе оценки, в частности механизмов ее интенсификации и влияния интерпретации содержания специальных текстов на реципиентов, оценивающих академическую деятельность. Эмпирическим материалом послужили документы «О присуждении ученых степеней» на русском и английском языках и на немецком языке «Положения об аттестатах об окончании средней школы, профессиональной гимназии, вечерней гимназии и колледжа». Отмечается значимость описываемого аспекта в дискурсе оценки, так как последовательная трансляция конвиктивности помогает оценить степень уверенности или неуверенности в высказывании продуцента, определить достоверность и надежность его суждений.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, интенсификация, пресуппозиция, экспликация, перформатив, предикация, прескрипция, иллокуция

Для цитирования: Мамедова Л. Э. Интенсификация эпистемической модальности «уверенность» в дискурсе оценки // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 60–68.

Original article

Intensification of the Epistemic Modality of "Confidence" in the Discourse of Evaluation

Leyla E. Mamedova

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russia
lmemc@yandex.ru

Abstract: The purpose of the study is the analysis of the explanatory and functional features of the epistemic modality "confidence" category in the academic institutional discourse of assessment, the detailed analysis of the mechanisms of its intensification, interpretation and impact on the recipient, valuating academic activity. The empirical material of our research was the documents: "On awarding academic degrees" in Russian and English and "Regulations on secondary school, vocational gymnasium, evening gymnasium and College graduation certificates" in German. The importance of the described aspect in the evaluation discourse is highlighted, since the sequential translation of convictivity helps to assess the degree of confidence or uncertainty in the producer's statement, to determine the reliability and reliability of his judgments.

Keywords: epistemic modality, intensification, presupposition, explication, performance, predication, prescription, illocution

For citation: Mamedova, L. E., (2025). Intensification of the epistemic modality of "confidence" in the discourse of evaluation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5 (899), 60–68. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

С развитием в современной науке различных направлений языкознания, таких как семантика, прагматика, когнитивная и коммуникативная лингвистика, всё чаще поднимается вопрос о модальности суждения, где она рассматривается не только как грамматическая категория, но и как функционально-семантическая и прагматическая категория, выражающая отношение говорящего к высказыванию и действительности, а также формирует пространство иллокуции, т. е. маркирует намерение продуцента текста эксплицировать тот или иной вид информации. В данной статье будет рассмотрена категория эпистемической модальности «уверенность» в дискурсе оценки, а именно: ее интенсификация и влияние на интерпретацию общего содержания специальных текстов оценки академической деятельности на примере инскриптивных актов, алгоритмизирующих процесс и конвенционализирующих единые принципы оценки в различных лингвокультурах (русской, английской и немецкой) [Сахарова, 2024].

Цель исследования заключается в анализе экспликативных и функциональных характеристик категории эпистемической модальности «уверенность» в академическом институциональном дискурсе оценки, в частности механизмов ее интенсификации и влияния интерпретации содержания специальных текстов на реципиентов, оценивающих академическую деятельность. Экспликация и перформатизация эпистемической модальности с пресуппозицией «уверенности» способны помочь в выражении своего суждения продуцентом посредством использования различных вербальных и паравербальных маркеров, придающим ему четкость, ясность и определенность.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве эмпирического материала рассматриваются три юридических документа: Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней»¹ на русском языке, «On the procedure for conferring the academic degrees at JINR»² на английском и «Verordnung über die Abschlüsse in der gymnasialen Oberstufe, im Beruflichen Gymnasium, im Abendgymnasium und

¹Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения ученых степеней» от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024). URL: <https://base.garant.ru/70461216/?ysclid=m3ihpehz1m925399832> (дата обращения: 10.11.2024).

²On the procedure for conferring the academic degrees at JINR. URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024).

im Kolleg»³ на немецком языке, отражающих академический институциональный дискурс оценки. Здесь четко прослеживается явная экспликация пресуппозиции «уверенность», которая приобретает в первую очередь форму перформативов со специфическими глагольными маркерами прескриптивного совершения действия как в отношении самого текста положения, так и в отношении внетекстовой реальности оцениваемых событий, что можно определить методом сравнительно-сопоставительного анализа.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Многие современные дискурсологические, лингвоаксиологические и когнитивные исследования не обошли своим вниманием вопросы экспликации различных видов модальности как одного из важнейших факторов вариативного представления иллокуции в различных дискурсивных практиках [Сытько, 2023; Горожанов, 2021].

Оценочность и истинность вербализованной мысли зачастую обуславливают друг друга ввиду необходимости аргументативной или псевдоаргументативной легитимизации мнения продуцента. Эпистемическая модальность представляет собой сложный когниовербальный конструкт, который призван эксплицировать степень уверенности или сомнения в истинности какого-либо утверждения, мысли, мнения, а также соответствие этой степени уверенности конвенциональным установкам общества [Rizomilioti, 2006], которые формируют базис оценки именно «истинности» вербальной репрезентации ценностно-ориентационных компонентов, а не эмпирически верифицируемой «истины» фактов, декларируемых в высказывании [Бредихин, 2024]. Данная модальность способна принимать различные формы, например, такие как убежденность, сомнение, предположение и др. Эпистемическая модальность выражает степень уверенности говорящего, но при этом она может изменяться в зависимости от контекста и информации, которую получает реципиент, ибо оппонент может менять свое мнение, что позволяет говорящему быть более гибким в своих предположениях [Межеричкая, 2009]. Предикация в подобных условиях может быть выражена различными способами, посредством использования определенных вербальных и паравербальных маркеров (интонации и мимики), и их роль в структурировании

³Verordnung über die Abschlüsse in der gymnasialen Oberstufe, im Beruflichen Gymnasium, im Abendgymnasium und im Kolleg. URL: https://mb.sachsen-anhalt.de/fileadmin/Bibliothek/Politik_und_Verwaltung/MK/MK/Referat_21/Verordnung_Abendgymnasium_und_Kolleg.pdf (дата обращения: 10.11.2024).

аргументационного дискурса оценки достаточно велика, поскольку данный тип модальности помогает аудитории (собеседнику или читателю) понять, насколько уверенно продуцент выражает свое суждение. Действительно, ответ «должно», «точно» выражает высокую степень уверенности, а «возможно», «полагаю», «вероятно» – меньшую степень уверенности, сомнение, раздумье. Но и те, и другие компоненты делиберативности и конвиктивности весьма востребованы в аргументативном институциональном дискурсе оценки [Бредихина, 2023].

Эпистемическая модальность обладает следующими функциями: выражение уверенности / неуверенности в истинности как своих суждений, так и форм их экспликации; передача информации об источнике информации (если говорящий основывается на личном опыте или на информации, полученной от других людей); регуляция коммуникации между участниками общения (помогает определиться в достоверности транслируемой информации).

Большинство исследователей связывают формы вербализации эпистемической модальности и градацию ее типов не только с функциональной прагматикой того типа текста, в котором она реализуется, но и с конструктивными особенностями когниогенерации [Pool, Gnann, Hahn-Powell, 2019] в той или иной области информационно-знаниевого континуума. Интенсификацией же называют увеличение степени (интенсивности) различных процессов, явлений или характеристик. Объединив эти термины в единый, мы получаем ключевое понятие нашего исследования – интенсификацию эпистемической модальности «уверенность», что, в свою очередь, является процессом увеличения степени уверенности продуцента высказывания в компонентах информационно-знаниевого континуума и способах их экспликации [Бредихин, 2021], а также может включать в себя сбор дополнительных доказательств, проведение дополнительных исследований, анализ данных и т. д. Цель интенсификации «уверенности» – получить более точные и надежные сведения вкупе с актуализацией на основе аргументативных тактик соответствующего уровня доверия к информации у реципиента. Интенсификация модальности «уверенность» означает увеличение степени убежденности в транслируемых информационных и знаниевых компонентах, а значит и рост конвиктивности всего дискурсивного пространства, иногда достигающего наивысшей степени в инскрипционных актах, т. е. полностью исключающих делиберацию.

Следует также остановиться подробнее на «дискурсе оценки», который представляет собой когнио-вербальное пространство выражения мнения или

оценки какого-либо объекта, события или идеи, результатом коммуникативного действия, в котором текст будет содержать помимо специфических единиц с предметным и коннотативным компонентами оценивания и особые маркеры эвиденциальности, конвиктивности, делиберативности и т. п. Именно актуализация и перформатизация эвалюативных смыслов создают пространство соотношения действий в реальности с модельными образцами, представленными в инскриптивных актах [Миронова, 1998]. Дискурс оценки может включать в себя различные элементы, такие как оценочные суждения, аргументы, доказательства и примеры. Оценочные суждения – это высказывания, которые выражают мнение или оценку говорящего по отношению к определенному объекту. Они могут быть положительными, отрицательными или нейтральными. Аргументы и доказательства используются для поддержки или опровержения оценочных суждений. Однако в аспекте оценивания результатов научной деятельности все эти приемы должны быть вписаны субъектом оценивания в определенную модальную рамку, в которой выступает «третичный агент» [Бредихина, 2019], объектом – подтвержденные результаты научной деятельности, а специфическим формантом выступает градуальная или критериальная шкала оценивания, которая устанавливается «третичным агентом» и в рассматриваемом типе дискурса академической оценки имеет эксплицитный характер [Шутова, 2013]. Таким образом, дискурс оценки помогает реципиенту понять, как продуцент высказывания воспринимает и оценивает как собственные мнения и суждения, так и отношение к собственному пониманию истинности высказываний контркоммуникантов. Кроме того, следует особо подчеркнуть необходимость создания общей релевантности в делиберативном пространстве, которая достигается на основе не только тематического, но и единого гносеологического вектора при описании результатов научной деятельности [Буянова, 2014]. В данной области эпистемическая модальность «уверенность» может выражаться как с помощью определенных маркеров-репрезентантов, так и может быть выражена в метаструктурах контекста и дискурса, например, в рамках использования аргументов, которые подтверждают или опровергают определенные утверждения, а также в метасредствах прогнозирования стимул-реактивного взаимодействия в объективной и рефлексивной реальности [Бредихин, 2014]. В целом интенсификация эпистемической модальности «уверенность» на таком уровне может происходить за счет увеличения степени убежденности говорящего в истинности транслируемой информации и ее соответствии конвенционализированным в сообществе моделям

получения и представления знаниевых компонентов, что может проявляться в более уверенном и аргументированном дискурсе.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Проанализируем, каким же образом рассматриваемая нами модальность выражается в письменном аргументативном институциональном дискурсе норм и положений об оценке научной деятельности ученого, какие альтернативы вербального представления конвиктивности являются типичными для создания ограниченного перечня критериальных показателей оценки и создания самого пространства объективного оценивания. В русском языке значения субъективной модальности выражаются модальными конструкциями и словами, а также дискурсивными маркерами. Лингвисты выделяют различные категории: модальные частицы (*исключительно, неужели, именно*), модальные слова (*вероятно, видимо, наверное*), предикаты мнения (*полагать, думать, считать*), предикативы (*должен, обязан, можно, способен*). Они играют ведущую роль в выражении различных оттенков долженствования, выражая возможность или необходимость действия, т. е. маркируют различные виды модальности (алетическую, эпистемическую, деонтическую). При этом все волюнтаривные компоненты оценивания как субъектоцентрические в случае интенсификации объективности должны быть переведены в пространство эпистемической онтологической модальности. К данной категории относятся также языковые единицы, относящиеся к вводно-модальным словам или модальным фразам. Вводные сочетания слов и вводные предложения характеризуют информацию с позиции продуцента и выражают отношение к сообщению.

В качестве эмпирического материала анализа русскоязычного академического дискурса оценки рассмотрим документ «Положение о присуждении ученых степеней», который является юридическим документом, отражающим академический институциональный дискурс оценки, в котором четко прослеживается экспликация пресуппозиции «уверенность», которая приобретает в первую очередь форму перформативов со специфическими глагольными маркерами прескриптивного совершения действия как в отношении самого текста положения, так и в отношении внетекстовой реальности оцениваемых событий:

(1) **Утвердить** прилагаемое Положение о присуждении ученых степеней.

(2) **Установить**, что: к соисканию ученой степени кандидата наук допускаются лица, имеющие ...

(3) **Признать** утратившими силу: абзац третий пункта 1, пункт 2 (в части...)¹

Выделенные маркеры «утвердить», «установить», «признать» внушают читателю наивысшую степень уверенности в объективности и конвенционализированности информационных компонентов. В то же время имплементируемое знание о легитимизированности и легализованности предписываемых действий в рамках принятия текста положения в качестве акта «третьего агента», как модерирующей и корректирующей топикальное, локальное, темпоральное и аргументативное пространство и сама форма вербализации знаниевых компонентов (перформативность речеактовой организации), не оставляет пространства для интерпретации высказываний и полностью нивелирует возможность делиберации.

Реципиент даже пытаясь при распередмечивании высказывания выстроенного в рассматриваемых формах преформатива и прескриптивата отойти от модельной схемы праймирования (предвосхищения результата прескрипции), вновь наталкивается на семантически, морфологически и синтаксически подкрепленные алгоритмы, которые ведут его к моноинтерпретативному пошаговому восприятию [Бредихин, Исприян, 2023], пониманию и следованию предлагаемому вектору оценивания.

Подобные механизмы интенсификации применяются в инскрипционных актах и далее на протяжении всего документа:

(4) В диссертации соискатель ученой степени **обязан** сослаться...

(5) При использовании в диссертации результатов научных работ, выполненных соискателем ученой степени лично и (или) в соавторстве, соискатель ученой степени **обязан** отметить...

(6) Диссертационный совет **обязан** принять диссертацию к предварительному рассмотрению при наличии...

(7) Для участия в заседании диссертационного совета в удаленном интерактивном режиме оппоненту **необходимо** направить в адрес организации, на базе которой создан диссертационный совет, соответствующее ...

(8) Порядок проведения заседания диссертационного совета, включая порядок голосования и работу счетной комиссии, **устанавливается** положением...²

¹Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024). URL: <https://base.garant.ru/70461216/?ysclid=m3ihpehz1m925399832> (дата обращения: 10.11.2024).

²Постановление Правительства РФ «О порядке присуждения учёных степеней» от 24.09.2013 № 842 (ред. от 25.01.2024). URL: <https://base.garant.ru/70461216/?ysclid=m3ihpehz1m925399832> (дата обращения: 10.11.2024).

Однако помимо волюнтаристического оттенка здесь нередко употребляются и модальные слова, маркирующие «возможность» или выбор «одного из» вариантов действия, например:

(9) Диссертация на соискание ученой степени доктора наук **может быть** оформлена в виде научного доклада...

(10) Диссертационный совет **может принять** решение о проведении защиты диссертации в отсутствие по уважительной причине (состояние здоровья, отпуск, командировка и другие причины, признанные диссертационным советом уважительными) оппонентов, давших на диссертацию положительный отзыв.¹

Обобщая сказанное, можно отметить, что предикация достоверности способна выражаться комплексом языковых средств, доминирующими из которых являются модальные слова, предикативы, предикаты мнения, модальные глаголы, вводные слова и т. п., при этом снятие эпистемической ответственности наиболее эффективно маркируется модальными глаголами со значением алетической модальности «возможность». Интенсификация конвиктивности осуществляется в макроструктурных элементах предоставлением выбора из четко ограниченного закрепленного списка необходимых и достаточных условий (НДУ) обеспечения уверенности в соответствии параметрам оценивания. При этом исходный компонент как бифуркационная точка совершения выбора в инскриптивных актах, эксплицирующих операциональное предпочтение, т. е. выбор соблюдения предписанных условий для соответствия НДУ, зачастую опускается как «неконституирующий элемент» [Лопатина, 2017, с. 529].

Эпистемическая модальность пресуппозиции «уверенность» в дискурсе оценки может формироваться через употребление оценочных суждений, указывающих на степень уверенности говорящего. А экспликация данной модальности может воспроизводиться за счет предоставления коннотаций или дополнительных косвенных перформативов, которые поддерживают оценочное суждение говорящего. Следственно, дискурс оценки является значимым инструментом для выражения мнений и оценок в различных контекстах. Перформативность имплементируется в инскриптивных актах большей частью в форме директивов, прямо определяющих как степень необходимости соответствия критериям оценивания, так и закрепляющих последовательность актов по достижению прогнозируемого результата [Чернышева, Зиаи, 2015].

¹Там же.

Далее рассмотрим, как происходит интерпретация эпистемической модальности в англоязычном дискурсе оценки на материале микроконтекстов документа «О порядке присвоения ученых степеней в ОИЯИ (Объединенный институт ядерных исследований)», носящего также юридический характер.

В первом предложении стоит обратить внимание на тот факт, что интерпретации «уверенности» может имплементироваться не только путем употребления модальных глаголов волюнтаристического или иного характера, но также и других лексических единиц. Важно упомянуть, что эпистемическая модальность в дискурсе оценки реализуется в речи как грамматически (через модальные глаголы), так и неграмматически (часто лексически), например:

(11) *In accordance with the federal laws* of the host state of JINR...² – **В соответствии** с федеральными законами государства пребывания ОИЯИ...³

(12) JINR **is authorized**...⁴ – ОИЯИ **уполномочен**....

В вышеупомянутых предложениях иллокутивная цель по экспликации эпистемической модальности в подтексте «уверенность» осуществляется лексическим путем, при помощи слов в *соответствии* и *уполномочен*, эксплицирующие долженствование действия, его обязательность. Кроме того, в рамках снятия делиберативных компонентов и повышения уровня конвиктивности посредством апелляции к авторитету (*argumentum ad verecundiam*) упоминается легитимность прескрипций, транслируемых для обоснования полномочий по организации процесса оценки научной деятельности.

(13) **To appoint** and change memberships in these councils, **to stipulate** the authority of these councils; **to determine** the lists of scientific specialties for which these councils are granted the right to accept dissertations for defense; **to monitor, suspend, renew and terminate** the activities of these councils...⁵ – **назначать** и изменять состав этих советов, **определять** полномочия этих советов; определять перечни научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени этими советами, право принимать диссертации к защите; **контролировать, приостанавливать, возобновлять и прекращать** деятельность этих советов...

²On the procedure for conferring the academic degrees at JINR. URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024).

³Зд. и далее перевод наш. – Л. М.

⁴URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024)..

⁵URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024).

Выделенные маркеры в отрывке также перечисляют ряд действий, которые оказывают влияние на реципиента с коннотацией строгости, договоренности и обязательности выполнения указанных действий, т.е. в данном случае уже орган, который должен контролировать и оценивать соответствие результатов научной деятельности, но действующий в рамках социального института более высокого регистра, наделяется ключевыми характеристиками «третичного агента», способного самостоятельно конвенционализировать в инскриптивных актах шкалы оценки.

В следующих пунктах Положения авторы также прибегают к применению клишированных и стандартизированных лексических средств, которые зачастую используются в юридической документации, а именно:

(14) *To set the procedure* for conferring the academic degrees including the requirements for dissertations¹. – **установить порядок** присвоения ученых степеней, включая требования к диссертациям...

(15) *To approve regulations* on the Dissertation Councils for the defense of academic degrees of Doctor of Philosophy and Doctor of Science...² – **утвердить положения** о диссертационных советах по защите ученых степеней доктора философии и доктора наук...

Проведем анализ отрывка из иного документа – «Положения об аттестатах об окончании средней школы, профессиональной гимназии, вечерней гимназии и колледжа», который также репрезентирует академический дискурс оценки, но уже на немецком языке. Исследуем параграфы 21–27 рассматриваемого нами Положения, где мы можем наблюдать экспликацию эпистемической модальности с пресуппозицией «уверенность» как в грамматической форме проявления, так и в лексической (неграмматической):

(16) § 21. (1) Versucht ein Prüfling, das Ergebnis seiner Prüfung durch Täuschung zu beeinflussen, so ist der Prüfungsteil in der Regel mit 0 Punkten zu bewerten. In schweren Fällen **ist** die Abiturprüfung für **nicht bestanden zu erklären**³. – Если испытуемый пытается повлиять на результат своего экзамена путем обмана, экзаменационная часть обычно оценивается в 0 баллов. В тяжелых случаях экзамен на аттестат зрелости **должен быть признан несостоявшимся**.

(17) In leichteren Fällen **kann** dem Prüfling die Wiederholung einzelner Prüfungsteile aufgegeben oder Nachsicht **gewährt werden**⁴. – В более легких случаях испытуемому **может быть отказано** в повторении отдельных частей экзамена или предоставлена отсрочка.

(18) § 25. Die oder der Geprüfte **kann** innerhalb eines Jahres nach Bekanntgabe des Gesamtergebnisses der Prüfung ihre oder seine Prüfungsakten **einsehen**⁵. – Проверяемый **может ознакомиться** с вашими аудиторскими документами в течение одного года после объявления общих результатов экзамена

(19) § 27. Dabei **darf kein** Prüfungsteil mit der Note «ungenügend» (0 Punkte) **bewertet worden sein**⁶. – Ни одна экзаменационная часть **не должна быть оценена** на «недостаточную» оценку (0 баллов).

В вышеуказанных пунктах наблюдается употребление предикативов в качестве одного из самых популярных способов выражения метаструктуры «уверенность» в юридическом жанре. Модальные глаголы могут указывать как на абсолютную уверенность транслируемого к исполнению действия, его облигаторность (например, *должен быть признан, не должен быть оценен*) так и на частичную, поскольку в тексте реципиент часто сталкиваемся с модальным глаголом *может быть*, передающим знаниевый компонент неполной уверенности в процессе (*может ознакомиться, может быть отказано*). Негативизация в перволичных структурах немецкоязычного инскрипционного акта предполагает приписывание возможности / невозможности, облигаторности / факультативности соответствия модельному образцу деонтического предиката [Сытько, 2023], что снимает значительную степень ответственности с «третичного агента» как продуцента инскрипции.

В следующих пунктах параграфа 27 «Положения об аттестатах ...» можно отметить экспликацию эпистемической модальности при помощи лексических единиц, которые также носят коннотацию модальности и строгости / порядка действия, не смотря на то что не являются предикативами:

(20) § 27. Der Prüfungsausschuss beschließt mit Stimmenmehrheit; Stimmenthaltung **ist nicht zulässig**⁷. – Комиссия по рассмотрению принимает решение большинством голосов; воздержание **не допускается**.

¹URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024).

²URL: <https://dissertations.jinr.ru/en/%D0%9D%D0%BE%D0%BC%D0%B5> (дата обращения: 14.11.2024).

³Verordnung über die Abschlüsse in der gymnasialen Oberstufe, im Beruflichen Gymnasium, im Abendgymnasium und im Kolleg. URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

⁴URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

⁵URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

⁶URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

⁷URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

(21) Die §§ 4, 8, 21, 24 und 25 *gelten entsprechend*¹. – §§ 4, 8, 21, 24 и 25 *применяются соответственно*.

Для немецкоязычного дискурса академической оценки наиболее частотными вариантами интенсификации «уверенности» как в позитивном, так и в негативном аспекте являются модальные глаголы и предикативы с конкретизирующими основаниями конвенционализации принципов и шкал оценивания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследованию и анализу текстов, результирующих и конвенционализирующих нормы и принципы оценивания академической деятельности в рассматриваемых лингвокультурных сообществах, мы можем сделать следующий вывод: эпистемическая модальность является важным аспектом интенсификации и легитимизации шкал и критериев рассмотрения как реальных, так и коммуникативных действий в дискурсе оценки, поскольку именно ее экспликативные и

¹URL: <http://www.schure.de/22410/avogobak.htm> (дата обращения: 16.11.2024).

функциональные характеристики способствуют закреплению коннотаций уверенности или неуверенности в высказывании, четко делимитируют ее степень. В пресуппозиции «уверенности» эпистемическая модальность помогает определить достоверность и надежность утверждений, сформировать общее релевантное пространство иллюкутивно-перлокутивного соответствия, учитывать различные интерпретации данных при оценке и анализе и осознавать возможные ограничения в этом процессе. Она формирует степень значимости знаниевых (квантитативных и качественных) градационных компонентов и маркирует определенный уровень импринтизации информационного компонента, а также истинности различных событий и умозаключений, ввиду своей четкой и ясной интенции. Без учета эпистемической модальности в экспликации «уверенности / неуверенности» действия у реципиента отсутствуют возможность следования жестко заданным прескрипционным паттернам в оценивании собственных действий по достижению критериальных показателей, а у продуцента транслировать степень необходимости / возможности альтернатив в стил-реактивном взаимодействии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Сахарова А. В. Эпистемические модальные показатели проблематической достоверности и субъектная организация естественнонаучного текста // Когнитивные исследования языка. 2024. № 2–2 (58). С. 201–203.
- Сытько А. В. Отрицательные деонтические высказывания: семантика и прагматика (на материале немецкого и русского языков) // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2023. № 2 (123). С. 40–49.
- Горожанов А. И. Особенности употребления модальных глаголов в романе Ф. Кафки «Замок» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2021. № 3 (845). С. 44–55. DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_44. EDN CKQJAY.
- Rizomilioti V. Exploring Epistemic Modality in Academic Discourse Using Corpora // Information Technology in Languages for Specific Purposes. Educational Linguistics. Boston: Springer, 2006. Vol 7. P. 53–71.
- Бредихин С. Н. К вопросу об изоморфизме метаязыков лингвистического описания // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: сборник научных статей. Ставрополь: СКФУ, 2024. С. 35–41.
- Межеричкая М. И. К вопросу о соотношении эпистемической модальности и категории эвиденциальности // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Язык и литература. 2009. № 4. С. 105–108.
- Бредихина Ю. И. Делиберативность и конвиктивность коммуникативных действий клиента социальных служб // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т. Б. Радбиля): сборник статей по материалам Международной научной конференции (Нижний Новгород, 22–24 ноября 2023 г.). Нижний Новгород: ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2023. С. 56–61.
- Poole R., Gnann A., Hahn-Powell G. Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing: A diachronic corpus study // Journal of English for Academic Purposes. 2019. Vol. 42. DOI 10.1016/j.jeap.2019.100784.
- Бредихин С. Н. Информационно-знаниевый континуум: проблемы трансляции в педагогическом дискурсе // Иностранный язык в высшей школе в период цифровой трансформации образования: материалы региональной онлайн-конференции (Ставрополь, 28 мая 2021 г.). Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет, 2021. С. 7–8.

10. Миронова Н. Н. Структура оценочного дискурса: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998.
11. Бредихина Ю. И. Tertiariis agens как фактор институционализации дискурса социальной работы // Изоморфные и алломорфные признаки языковых систем: сборник статей по материалам VII Ежегодной научно-практической конференции «Университетская наука – региону», Ставрополь, 3–29 апреля 2019 года. Вып. 4. Ставрополь: Параграф, 2019. С. 136–141.
12. Шутова О. А. Категория оценки в научно-популярном дискурсе // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2013. Т. 26 (65). № 1. С. 75–79.
13. Буянова Л. Ю. Гносеологическая концептуализация мира: семиотико-терминологический модус // Когнитивные исследования языка. 2014. № 18. С. 206–208.
14. Бредихин С. Н. Схемопостроение в рамках метаединиц герменевтического процесса понимания и интерпретации // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 4. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (дата обращения: 18.11.2024).
15. Бредихин С. Н., Испирян М. М. Комплексная модель распределения морфолого-семантических компонентов: прайм-таргет эффект // Вестник Ставропольского государственного педагогического института. 2023. № 2 (20). С. 17–27.
16. Лопатина М. Ю. Прагматический потенциал высказываний с семантикой выбора // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6 (67). С. 528–530.
17. Чернышева А. Ю., Зиаи Р. Речевые акты побуждений в разноструктурных языках. Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2015.

REFERENCES

1. Sakharova, A. V. (2024). Epistemicheskie modal'nye pokazateli problematicheskoy dostovernosti i sub'ektnaya organizatsiya estestvennonauchnogo teksta = Epistemic modal indicators of problematic reliability and the subjective organization of scientific texts. *Cognitive studies of language*, 2–2(58), 201–203. (In Russ.)
2. Sytko, A. V. (2023). Otritsatel'nye deonticheskie vyskazyvaniya: semantika i pragmatika (na materiale nemetskogo i russkogo yazykov) = negative deontic statements: semantics and pragmatics (on the material of the german and russian languages). *Minsk state linguistic university bulletin. Series 1. Philology*, 2(123), 40–49. (In Russ.)
3. Gorozhanov, A. I. (2021). Specific features of the use of modal verbs in the novel "The castle" by F. Kafka. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 3(845), 44–55. DOI 10.52070/2542-2197_2021_3_845_44. EDN CKQJAY. (In Russ.)
4. Rizomilioti, V. (2006). Exploring Epistemic Modality in Academic Discourse Using Corpora. *Information Technology in Languages for Specific Purposes. Educational Linguistics*. Boston: Springer, 7, 53–71.
5. Bredikhin, S. N. (2024). K voprosu ob izomorfizme metajazykov lingvisticheskogo opisaniya = On the issue of isomorphism of metalanguages of linguistic description In *Izomorfnye i allomorfnye priznaki jazykovyh sistem* (pp. 35–41): collection of papers. Stavropol: NCFU. (In Russ.)
6. Mezheritskaya, M. I. (2009). K voprosu o sootnoshenii epistemicheskoy modal'nosti i kategorii evidentsial'nosti = The interrelation between epistemic modality and the category of evidentiality. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*, 4, 105–108. (In Russ.)
7. Bredikhina, J. I. (2023). The deliberation and convectivity of the communicative actions of the client of social services. In *Jazyk-tekst-diskurs v novyh uslovijah kommunikatsii* (k 60-letiju professora T.B. Radbilja) (pp. 56–61). Collection of articles based on the materials of the International Scientific Conference. Nizhny Novgorod: NNGU named after N. I. Lobachevsky. (In Russ.)
8. Poole, R., Gnann, A., Hahn-Powell G. (2019). Epistemic stance and the construction of knowledge in science writing: A diachronic corpus study. *Journal of English for Academic Purposes*, 42. DOI 10.1016/j.jeap.2019.100784.
9. Bredikhin, S. N. (2021). Informatsionno-znaniyevyj kontinuum: problemy transljatsii v pedagogicheskom diskurse = Information and Knowledge continuum: problems of translation in pedagogical discourse. In *Inostrannyj jazyk v vysshej shkole v period cifrovoj transformacii obrazovanija* (pp. 7–8). Stavropol: North Caucasus Federal University, . (In Russ.)
10. Mironova, N. N. (1998). *Struktura otsenochnogo diskursa* = The structure of evaluative discourse. Senior doctoral thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)
11. Bredikhina, J. I. (2019). Tertiaries agens as a factor of institutionalization of social work discourse. *Izomorfnye i allomorfnye priznaki jazykovyh sistem* (issue 4, pp. 136–141). Collection of articles based on the materials of

- the VII Annual Scientific and Practical Conference “University Science for the region”. Stavropol: Paragraph. (In Russ.)
12. Shutova, O. A. (2013). Kategorija otsenki v nauchno-populjarnom diskurse = The category of evaluation in popular science discourse. The series “Philology. Social communications”, 26(65), 75–79. (In Russ.)
  13. Buyanova, L. Yu. (2014). Gnoseologicheskaya kontseptualizatsiya mira: semiotiko-terminologicheskij modus = Gnoseological conceptualization of the world: semiotic-terminological aspect. Cognitive studies of language, 18, 206–208. (In Russ.)
  14. Bredikhin, S. N. (2014). Shemopostrojenije v ramkah metajedinits germenevticheskogo protsessa ponimaniya i interpretatsii = Circuit design within the framework of the meta-units of the hermeneutic process of understanding and interpretation. Sovremennyye problemy nauki i obrazovaniya, 4. <https://science-education.ru/ru/article/view?id=13920> (date of access: 18.11.2024). (In Russ.)
  15. Bredikhin, S. N., Ispirjan M. M. (2023). Kompleksnaja model' raspredmechivaniya morfologo-semanticheskikh komponentov: prajm-target effekt = A complex model for the distribution of morphological and semantic components: prime-target effect. Vestnik of SSPI, 2(20), 17–27. (In Russ.)
  16. Lopatina, M. Yu. (2017). Pragmaticheskij potentsial vyskazyvaniy s semantikoy vybora = Pragmatic potential of utterances with the semantic meaning of choice. Mir nauki, kultury, obrazovaniya, 6(67), 528–530. (In Russ.)
  17. Chernyshova, A. Yu., Ziai, R. (2015). Rechevye akty pobuzhdeniy v raznostrukturnykh yazykakh = Speech acts of motivation in different structured languages. Kazan: Kazan (Volga Region) Federal University. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мамедова Лейла Эльшадовна

ассистент департамента лингвистики факультета международных отношений
Северо-Кавказского федерального университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mamedova Leyla Elshadovna

Assistant of the Department of Linguistics of the Faculty of International Relations
North Caucasus Federal University

Статья поступила в редакцию	18.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.04.2025	
принята к публикации	19.04.2025	

Системные связи ахроматического цветообозначения «белый»: корпусный подход

Т. Ю. Передриенко

*Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия
peredrienkoti@susu.ru*

Аннотация. Цель работы – изучение системных связей ахроматического цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями для определения особенностей концептуализации фрагмента цветового пространства в русской лингвокультуре. Анализ проводится на материале Национального корпуса русского языка. В качестве методов используются этимологический, лексикографический, корпусный, контекстуальный и концептуальный подходы, которые позволяют определить коллокации цветообозначений, классифицировать их по типу отношений, установить частотность сочетаемости и тематику, связывающую цветообозначения в рамках цветового пространства русской лингвокультуры.

Ключевые слова: перцептивная лексика, цветообозначение, корпусный подход, ахроматические цвета, белый, концептуализация

Для цитирования: Передриенко Т. Ю. Системные связи ахроматического цветообозначения «белый»: корпусный подход // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 69–75.

Original article

Systemic Connections of Achromatic Colour Terms “White”: Corpus-Based Approach

Tatiana Yu. Peredrienko

*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia
peredrienkoti@susu.ru*

Abstract. The article aims to study the systemic connections of achromatic colour terms *white* with other colour terms in order to determine the features of colour space conceptualization in Russian linguistic culture. The analysis is carried out on the material of the main Russian National Corpus. The methods used are etymological, lexicographic, corpus, contextual and conceptual analysis. As a result, collocations of colour terms are determined and classified by the type of connections. Then the frequency of usage and the theme connecting the studied vocabulary within the colour space of Russian linguistic culture are established and described.

Keywords: perceptual vocabulary, colour term, corpus-based approach, achromatic colour term, white, conceptualization

For citation: Peredrienko, T. Yu. (2025). Systemic connections of achromatic colour terms “white”: corpus-based approach. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 69–75. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В лингвистике существуют различные подходы к изучению лексики, вербализующей название цвета. Ученые выявляют национально-культурные особенности языковой номинации цвета, они проводят синхронический и диахронический анализ, предлагают дифференциальные подходы к классификации, а также исследуют значение цвета в различных типах дискурсов [Wierzbicka, 1990; Кульпина, 2001; Кезина, 2008; Гайдукова, 2016; Герасименко, 2023]. В работах применяются традиционные и предлагаются новые методики анализа цветообозначений для более глубокого понимания функционирования этой группы лексики. Перспективными представляются исследования с помощью программных средств и на материале больших данных, которые позволяют делать анализ автоматизированным и наиболее репрезентативным [Масевич, Захаров, 2022; Горожанов, Шевцова, 2023; Васильев, 2024]. Неослабевающее внимание к цветообозначениям определяется интересом к построению и описанию их системной организации. Актуальность исследований системной организации этой группы лексики обусловлена важностью изучения семантики названий цветов, которые представляют собой языковую реализацию процессов концептуализации объектов и событий, окружающей действительности.

Однако, по мнению Р. М. Фрумкиной, лингвисты сталкиваются с трудностями организации общей системы наименований цвета из-за постоянного пополнения этой группы лексики [Фрумкина, 2004]. Словарный состав языка не обладает стабильной организацией, что, как полагают ученые, приводит к невозможности установления отношений между всеми лексическими единицами, и часть из них может оставаться за пределами системы [Колоколова, Гаврилова, 2018].

Тем не менее лингвисты продолжают искать подходы к построению системной организации наименований цвета, что объясняется стремлением изучать лексические единицы не изолированно, а в их взаимодействии, чтобы выявлять и описывать модели категоризации знаний и способы их вербализации в языке. Е. В. Крапивник полагает, что именно разного рода отношения между лексическими единицами обуславливают их значение и функционирование [Крапивник, 2014].

Интересно отметить, что среди лингвистов нет единства в наименовании лексических единиц, называющих цвет. В исследованиях используются термины «цветообозначение», «колоратив», «цветолексема», «цветонаименование», «цветономинация» и др. В силу наибольшей частотности

употребления, согласно данным корпусного анализа, в работе употребляется термин «цветообозначение» [Передриенко, Баландина, 2023]. Этот термин обозначает слово или словосочетание, которые вербализуют в языке название цвета объектов или ситуаций окружающего мира.

Совокупность цветообозначений характеризует в языке цветное пространство, которое, как точно отмечает Н. Н. Козлова, считается «чисто психологическим», так как представляет собой «результат деятельности мозга и глаза» [Козлова, 2010, с. 82]. Цвет является свойством «зрительного восприятия человека осознанно дифференцировать объекты по различающемуся спектральному составу исходящего от них видимого излучения»¹.

Согласно ученым-физикам, при описании цвета в качестве характеристик используются цветовой тон, насыщенность и светлота². Цвета, которые не имеют цветового тона и насыщенности, а отличаются только по светлоте называются ахроматическими [Кочеткова, 2022]. Ахроматические цвета существуют «в виде черно-белых окрасок различной светлоты», а при расположении в ряд по степени увеличения светлоты, они образуют серую шкалу³. Таким образом, к ахроматическим цветам относятся белый, черный и серый.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Белый цвет является необычным цветом, он не имеет цветового тона, но вместе с этим представляет собой смешение всех цветов видимого спектра. Для изучения системных связей цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями потребовалось решение следующих задач:

- изучение семантического ядра цветообозначения *белый*, используя этимологический и лексикографический анализ;
- определение первичных и производных значений через лексикографический и контекстуальный анализ;
- установление частотности сочетаемости цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями через корпусный анализ;
- классификация коллокаций по тематике и типу связей, используя концептуальный и контекстуальный анализ.

Материалом для исследования послужили данные Национального корпуса русского языка, так как базатекстов, представленная в нем, репрезентативна,

¹Дойников А. С. Цвет // Большая российская энциклопедия. 2004. URL: <https://old.bigenc.ru/section/physics> (дата обращения: 10.03.2025).

²Там же.

³Артюшин Л. Ф. Ахроматические цвета // Большая российская энциклопедия. 2023. URL: <https://bigenc.ru> (дата обращения: 10.03.2025).

сбалансирована и регулярно обновляется¹. В качестве методов были применены этимологический и лексикографический анализ цветообозначений, а также корпусный, контекстуальный и концептуальный, которые позволили изучить системные связи наименований цветов.

Исходя из утверждения Е. В. Крапивник, которое поддерживается в данной статье, цветообозначения находятся в постоянном взаимодействии с другими цветообозначениями, что позволяет представить их «в виде множества взаимосвязанных слов, противопоставленных друг другу на основании общности значений, т. е. связанных друг с другом разного рода оппозициями» [Крапивник, 2014, с. 84].

Для изучения системных связей ахроматического цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями был сформирован запрос «белый и», далее были отобраны коллокации по модели «цветообозначение и цветообозначение». Выбранные коллокации были классифицированы по типу отношений, в которые они вступают с другими прилагательными, называющими цвет, а также были определены частотность сочетаемости и тематика, связывающая цветовые коллокации.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Лексико-грамматический поиск в основном корпусе показал, что самым частотным ахроматическим цветообозначением, сочетающимся с другими цветообозначениями, является прилагательное *белый*, оно употребляется в корпусе в 1 858 контекстах. Цветообозначение образует коллокации с лексическими единицами: *черный* (619 примеров), *красный* (406), *желтый* (144), *розовый* (119), *голубой* (83), *серый* (79), *синий* (72), *зеленый* (67), *лиловый* (28), *алый* (22), *белый* (22), *фиолетовый* (14), *рыжий* (13), *оранжевый* (10), *бурый* (7), *палевый* (7), *коричневый* (5). *Белый* образует коллокации с прилагательными, выражающими оттенки цветов *красноватый* (6), *желтоватый* (5), *розоватый* (4), *сиреневатый* (4), *синеватый* (3), *голубоватый* (2), *зеленоватый* (1), а также сочетается с цветообозначениями, образованными от названия веществ или объектов, обладающих определенным цветом: *золотой* (22), *кремовый* (4), *золотистый* (3), *серебристый* (3), *малиновый* (3), *телесный* (2), *вороной* (2), *кофейный* (1), *шафрановый* (1). Ахроматическое цветообозначение соединяется с прилагательными, вербализующими цветное многообразие *цветной* (39), *разноцветный* (3), *радужный* (2) и с прилагательным, актуализирующим отсутствие цвета *бесцветный* (3). *Белый* образует коллокации

¹Национальный корпус русского языка (далее НКРЯ). URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 11.03.2025).

с прилагательным *светлый* (16), характеризующим степень яркости цвета (меньшую), а также с прилагательным *темный* (12), которое по значению является антонимичным *светлому* и, «по цвету близким к черному»².

Этимологический анализ лексической единицы *белый* показывает, что цветообозначение «образовано от индоевропейского *bha – “светить, сиять, блестеть”»³, что позволяет говорить о синонимических связях прилагательных *белый* и *светлый*. Обладая близкими содержательными компонентами значений, эти цветообозначения при совместном использовании дополняют и уточняют характеристики объекта:

...небо понизу было белое и светлое, но потом серело и темнело до самой своей вершины (А. Эппель. *Не убоишься страха ночного*).

Лексикографический анализ говорит о том, что в прямом значении *белый* вступает в синонимические отношения с прилагательным *бесцветный*, выражая отсутствие цветового тона. Однако у данных прилагательных не выявляется частотная сочетаемость.

Согласно словарным дефинициям и данным корпуса, *белый* чаще вступает в оппозиционные антонимические отношения. Среди антонимов фиксируются прилагательные *цветной*, *разноцветный*, *радужный*, называющие яркие цвета, при отсутствии цветового тона у *белого*. Антонимичные отношения также связывают *белый* и *черный*, которые являются противоположными по оптическому «поведению». *Белый* цвет отражает все длины волн света, а *черный* их поглощает. Цветообозначения *темный* и *вороной* обладают сходным компонентом значения «по цвету близкий к черному», а значит, тоже образуют антонимическую связь с *белым*. Вместе с тем *белый* и *черный*, а также *серый*, входя в одну группу ахроматических цветообозначений, являются по отношению к друг другу согипонимами, т. е. однородными единицами.

Изучение контекстов употребления *белый* в прямом значении с другими цветообозначениями показывает, что эти лексические единицы используются для описания цветового пространства мира природы (объектов растительного мира: *белые и красные гвоздики в вазе*; *белые и синие луговые цветы*; объектов животного мира: *белые и черные лебеди в пруду*; *стая с распростертыми серыми и белыми крыльями*; объектов природного ландшафта: *белые и черные*

²Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

³Шанский Н. М. и др. Краткий этимологический словарь русского языка. М.: Просвещение, 1971.

верхушки гор; свет звезд, светящихся белым и желтым светом), бытовой сферы человека (жилье / места работы: *белые и черные двери; белая и голубая плитка; одежды: белые и красные рубахи; белье белого и телесного цвета; еды: купить несколько сортов белого и желтого сыров, кубики белого и коричневого сахара*), объектов научного / технического прогресса (*белая и черная машины «танцевали» вальс; белая и зеленая ракеты в небе*) и объектов культуры / искусства (*белые и черные статуи в парке; белый и коричневый цвета на фреске*). В данных контекстах цветообозначения вступают, как правило, в синонимические отношения и дополняют характеристики описываемых объектов.

В русском языке в сфере еды отмечается целый ряд устойчивых словосочетаний, которые вербализуют различные виды одного типа продуктов, т. е. являются согипонимами, например: *белая и красная рыба, белое и красное мясо птицы, белое и красное вино, белый и черный хлеб, белый и черный шоколад*. Выделяются также ряды, включающие более двух составляющих: *белая, черная, красная смородина; белый, черный, зеленый чай*. Кроме того, устойчивые словосочетания образуют предметы из сферы культуры и искусства: *белые и черные фигуры шахмат; белые и черные клавиши фортепиано*.

Прилагательное *белый* является многозначной лексической единицей, а значит, используется не только в прямом, но и переносном значении. В словарных дефинициях фиксируются такие значения, как «принадлежащий к европеоидной расе, светлокожий», «чистый, связанный с добром, безупречный» и «действующий против советской власти, контрреволюционный»¹. Во всех этих значениях *белый* вступает в системные связи с другими прилагательными (*черный, желтый, цветной, красный*), а цветообозначения не только вербализуют явления различных сфер жизни и деятельности человека, общественно-политических явлений и нравственных ценностей, но и выражают их оценку.

Белый в значении «принадлежащий к европеоидной расе, светлокожий» является согипонимом с цветообозначениями *черный, желтый и цветной*. Данное значение лексической единицы появилось на основе метонимического переноса цвета кожи человека на вербализацию расы. В контекстах, представленных в общем корпусе НКРЯ, данные цветообозначения вступают в антонимические (...*белая и желтая расы способны к самостоятельному развитию...*; ...*белые и черные танцевали в разных клубах...*) и синонимические отношения (...*лица белые и черные сделались безразличными...*; ...*белое и цветное меньшинство*

¹Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2000.

ЮАР...). Интересно отметить, что прилагательное *цветной*, входящее в иерархическую группу расы как согипоним, одновременно с этим является гиперонимом для цветообозначений *черный, желтый*, когда они называют расы.

В значении «чистый, связанный с добром» *белый* вступает в бинарные оппозиционные отношения с прилагательным *черный*. Эти цветообозначения представляют два противоположных полюса оценки окружающего пространства и объектов в нем, *белый* – «добрый, положительный» и *черный* – «злой, отрицательный» (...*мир четко разделяется на белое и черное...*), однако эти полюса друг друга предопределяют и друг без друга не существуют (*Белое и черное в жизни не делимы, как порядок и хаос*).

Как отмечают ученые, метафорическое использование противоположных понятий играет особую роль в аксиологическом познании мира, поскольку раскрывает связь древнего мифологического сознания с мышлением современного человека, а отношение к цвету характеризует развитие духовно-нравственных процессов в обществе [Авезова, Новикова, 2023]. Именно этим объясняется дальнейшее использование цветообозначений для характеристики крайних полюсов добра и зла в религиозных символах (*белый и черный ангел – черный ангел падает от взгляда белого, как от пощечины*), нравственных понятиях (*белая и черная зависть*) и даже в мистических представлениях (*белая и черная магия*).

Символическая оппозиция *белого и черного* как маркеров добра и зла получила в русской культуре дальнейшее развитие, что привело к появлению нового смысла «законный – незаконный», т. е. одобряемый и неодобряемый обществом (*белый и черный рынок, белый и черный пиар, белые и черные списки*). В этом значении к ахроматическим прилагательным *белый и черный* добавляется *серый*, создавая промежуточную характеристику (*белая, серая и черная бухгалтерия, белые, серые и черные дилеры*). Использование цветообозначения *серый* придает оценке явления некую градуальность.

Цветообозначения *белый и черный* также образуют оппозицию, когда они называют исторические события и лиц в ней участвующих (*белое и черное духовенство; белые и черные хазары*). *Белый* символизирует свободу (представители *белого духовенства* могли вступать в брак, а *белые хазары* были свободными). Отсутствие свободы или определенные ограничения в ней вербализуются цветообозначением *черный* (представители *черного духовенства* давали обед безбрачия и не могли вступать в брак, а *черные хазары* были зависимыми и свобод не имели).

Цветообозначение *белый* вступает в системные связи с цветообозначением *синий*, когда они

выражают профессиональную группу (*белые и синие воротнички*). Словосочетания появились в русском языке как калька с английского, в котором они обозначали людей занятых управленческой работой (*white collars – белые воротнички*) и физическим трудом (*blue collars – синие воротнички*). Значения словосочетаний появились в результате метонимического переноса характерного элемента одежды на название группы лиц. Между данными коллокациями существуют оппозиционные отношения, которые образовались в группы по фактору профессиональной соотнесенности с видом деятельности:

Линий раскола множество: ...бюрократия / трудящиеся, «белые воротнички» / «синие воротнички» (Д. Волков, В. Сунгоркин. *Кухня управляемой демократии*).

Переносное значение «действующий против советской власти, контрреволюционный» у цветообозначения *белый* также сформировалось в результате метонимического переноса. По мнению историка Д. Фельдмана, использование термина «белый» для обозначения противодействующей силы показывало преемственность Великой Октябрьской революции Великой Французской, где *белый* символизировал цвет флага сторонников монархической власти [Фельдман, 2006]. Таким образом, символ движения дал название группе лиц, являющихся его сторонниками. Цветообозначение *красный*, которое представляет оппозицию *белому* в этом значении, также приобрело свое значение в результате метонимического переноса. *Красными* называли приверженцев революционного движения по цвету знамени, которое было символом их движения:

Вот по Ярскому полю-то белые и красные друг друга гоняли (Д. Сабитова. *Где нет зимы*).

Устойчивые цветовые коллокации отмечаются в медицинской терминологии (*белое и серое вещество мозга, красные и белые кровяные тельца*) и в названии географических объектов (*Белое, Черное, Красное море*). Между цветообозначениями в данных контекстах устанавливаются гипонимические отношения, так как связь между лексическими единицами основана на родовой концептуальной общности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ позволил определить и описать системные связи ахроматического цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями. Прилагательное *белый* обладает многослойным смысловым содержанием, что приводит к сложным системным связям как в прямых, так и переносных

значениях цветообозначения. Синонимические связи устанавливаются между прилагательными *белый* и *светлый* по этимологическому значению «светить», между *белый* и *бесцветный* по прямому значению «отсутствие цветового тона». Синонимические отношения связывают *белый* с рядом других цветообозначений при описании цветового пространства мира природы, бытовой сферы человека, объектов научного и технического прогресса, а также объектов культуры и искусства, когда они дополняют их характеристики. Антонимические отношения отмечаются у цветообозначений *цветной, разноцветный, радужный*, номинирующих цветовое многообразие, и цветообозначения *белый*, вербализующего отсутствие цветового тона. Антонимическую дихотомию также образуют *белый* и *черный*, являющиеся противоположными по оптическому «поведению». Вместе с тем *белый* и *черный*, а также *серый* составляют группу гипонимов, т. е. однородных единиц, объединенных по признаку отсутствия цветового тона. Ряд устойчивых коллокаций цветообозначения *белый* с другими цветообозначениями из сферы культуры и искусства (*черный*) и сферы еда (*красный, черный*) также вступают в гипонимические отношения.

Белый в переносном значении с другими цветообозначениями связывают преимущественно антонимические отношения. В значении «чистый, связанный с добром» *белый* образует оппозицию с прилагательным *черный*, имеющим значение «злой, нечистый». Дальнейшее развитие смыслового содержания приводит к появлению у оппозиции значений «законный» и «незаконный». В этом контексте к ахроматическим прилагательным *белый* и *черный* может добавляться *серый*, который придает признаку градуальность. Цветообозначения *белый* и *черный* также образуют оппозицию, когда называют исторические события, и лиц в ней участвующих. С историей России также связана оппозиция цветообозначений *белый* и *красный*. *Белый* и *синий* вступают в оппозиционные системные связи, когда выражают профессиональную соотнесенность с видом деятельности. Сложные отношения объединяют цветообозначения *белый, черный, желтый* и *цветной* в значении «расы». Прилагательные, с одной стороны, являются согипонимами, но часто вступают в антонимические отношения, а прилагательное *цветной* является гиперонимом для цветообозначений *черный* и *желтый*. Гипонимические связи образуются между цветовыми коллокациями из области медицины (*белый* и *серый; белый* и *красный*), а также между цветообозначениями в географических объектах (*белый, черный, красный*), так как связь между лексическими единицами основана на родовой концептуальной общности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Wierzbicka A. The meaning of color terms: Semantics, culture, and cognition // *Cognitive Linguistics*. 1990. № 1 (1). С. 99–150.
2. Кульпина В. Г. Лингвистика цвета. М.: Московский лицей, 2001.
3. Кезина С. В. Семантическое поле цветообозначений в русском языке (диахронический аспект). Пенза: Пензенский государственный педагогический университет им. В. Г. Белинского, 2008.
4. Гайдукова Т. М. Цветообозначения во фразеологии немецкого языка. М.: РУДН, 2016.
5. Герасименко И. А. Цветообозначения в русском языковом пространстве (лингвокультурологический аспект). СПб.: Астерион, 2023.
6. Масевич А. Ц., Захаров В. П. Диахронический аспект семантики прилагательного красный в русских поэтических текстах: корпусное исследование // *Труды института русского языка им. В. В. Виноградова*. 2022. № 2. С. 107–124.
7. Горожанов А. И., Шевцова В. А. Технология определения цветовой характеристики текста художественного произведения (на материале немецкого языка) // *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*. 2023. № 6 (874). С. 63–68.
8. Васильев К. Ф. Лингвопрагматический анализ глаголов становления цвета (на основе технологий Национального корпуса русского языка) // *Terra Linguistica*. 2024. Т. 15. № 3. С. 28–34.
9. Фрумкина Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа. М.: Наука, 1984.
10. Колоколова Л. П., Гаврилова А. О. Системные связи слов в лексическо-семантической парадигме // *Перспективы развития современного гуманитарного знания: сборник материалов международной научно-практической конференции*. 2018. С. 87–89.
11. Крапивник Е. В. Цветонаименования: аспекты систематизации. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.
12. Передриенко Т. Ю., Баландина Е. С. Языковая репрезентация зрительного восприятия географического пространства: цвет // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2023. № 4. С. 89–98.
13. Козлова Н. Н. Цветовая картина мира в языке // *Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского*. 2010. № 3 (32). С. 82–88.
14. Кочеткова А. Б. Вклад ученых лингвистов в изучение цветовой семантики в современной лингвистике // *The Way of Science*. 2022. № 4 (98). С. 37–48.
15. Авезова Б. С., Новикова Н. В. Цветоконцепт в языковой картине мира // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология*. 2023. № 4 (79). С. 7–14.
16. Фельдман Д. Красные белые: советские политические термины в историко-культурном контексте // *Вопросы литературы*. 2006. № 4. С. 5–25.

REFERENCES

1. Wierzbicka, A. (1990). The meaning of color terms: Semantics, culture, and cognition. *Cognitive Linguistics*, 1(1), 99–150.
2. Kulpina, V. G. (2001). *Lingvistika cveta = Linguistics of color*. Moscow: Moscow Lyceum. (In Russ.)
3. Kezina, S. V. (2008). *Semanticheskoe pole cvetooboznachenij v russkom yazyke (diahronicheskij aspekt) = Semantic field of color terms in Russian (diachronic aspect)*. Penza: PSPU of V. G. Belinsky. (In Russ.)
4. Gaidukova, T. M. (2016). *Cvetooboznacheniya vo frazeologii nemeckogo yazyka = Color designations in the phraseology of the German language*. Moscow: RUDN. (In Russ.)
5. Gerasimenko, I. A. (2023). *Cvetooboznacheniya v russkom yazykovom prostranstve (lingvokul'turologicheskij aspekt) = Color designations in the Russian language space (linguistic and cultural aspect)*. St. Petersburg: Asterion. (In Russ.)
6. Masevich, A. Ts., Zakharov, V. P. (2022). Diachronic aspect of the semantics of the adjective red in Russian poetic texts: corpus research. *Proceedings of the Russian Language Institute named after V. V. Vinogradova*, 2, 107–124. (In Russ.)
7. Gorozhanov, A. I., Shevtsova, V. A. (2023). Technology for determining the color characteristics of the text of a fiction work (on the material of the German language). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 6(874), 63–68. (In Russ.)
8. Vasiliev, K. F. (2024). Linguistic and pragmatic analysis of verbs of color formation (based on technologies of the National Corpus of the Russian Language). *Terra Linguistica*, 3(15), 28–34. (In Russ.)

9. Frumkina, R. M. (1984). Cvet, smysl, skhodstvo. Aspekty psiholingvisticheskogo analiza = Color, meaning, similarity. Aspects of psycholinguistic analysis. Moscow: Nauka. (In Russ.)
10. Kolokolova, L. P., Gavrilova, A. O. (2018). Systemic connections of words in the lexical-semantic paradigm. Perspektivy razvitiya sovremennogo gumanitarnogo znaniya (pp. 87–89): The digest of articles of an International scientific and practical conference. (In Russ.)
11. Krapivnik, E. V. (2014). Cvetonaimenovaniya: aspekty sistematizatsii = Colour terms: aspects of systematization. Moscow: FLINTA: Nauka. (In Russ.)
12. Peredrienko, T. Yu., Balandina, E. S. (2023). Linguistic representation of visual perception of geographic space: colour. Voprosy kognitivnoy lingvistiki, 4, 89–98. (In Russ.)
13. Kozlova, N. N. (2010). Colour picture of the world in language. Scholarly Notes of Transbaikal State University, 3(32), 82–88. (In Russ.)
14. Kochetkova, A. B. (2022). Contribution of linguists to the study of colour semantics. The Way of Science, 4(98), 37–48. (In Russ.)
15. Avezova, B. S., Novikova, N. V. (2023). Color concept in the linguistic picture of the world. Bulletin of Tver State University. Series: Philology, 4(79), 7–14. (In Russ.)
16. Feldman, D. (2006). Red and White: Soviet political terms in the historical and cultural context. Issues of literature, 4, 5–25. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Передриенко Татьяна Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент

доцент кафедры иностранных языков Южно-Уральского государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Peredrienko Tatiana Yurievna

PhD (Philology), Associate Professor

Associate professor of the Department of Foreign Languages, South Ural State University

Статья поступила в редакцию	28.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	19.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	

Научная статья
УДК [81.161.1=811.134.3]:81'25

Способы переводы понятий «свой – чужой» в русском и португальском языках

Г. В. Петрова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
galia.petrova@mail.ru

Аннотация. Цель исследования – проанализировать способы перевода с русского на португальский язык и обратно антитезы *свой – чужой*. Если *свой* обозначает мир, организованный вокруг *я*-говорящего, то понятие *чужой* относится к сфере, обозначаемой местоимениями *вы* или *они*. В статье анализируются трансформации, происходящие при переводе. Исследуются также различные значения прилагательного *чужой*, которые переводятся на португальский при помощи *alheio (a, para)*, *estranho (a, para)*, *outro*. В работе применены герменевтический метод и общетеоретические методы: анализ и синтез, аналогия, классификация и обобщение.

Ключевые слова: русский язык, португальский язык, перевод, свой, чужой, трансформации

Для цитирования: Петрова Г. В. Способы переводы понятий «свой – чужой» в русском и португальском языках. Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 76–83.

Original article

Methods of Translating the Concepts “One’s Own” versus “Alien” in Russian and Portuguese

Galina V. Petrova

MGIMO University, Moscow, Russia,
galia.petrova@mail.ru

Abstract. The purpose of this research is to analyze the ways of translating from Russian into Portuguese and vice versa the antithesis of *one’s own* and *alien*. If *one’s own* refers to the world organized around the self-speaker, then the concept of *alien* refers to the sphere denoted by the pronouns YOU or THEM. The article analyzes the transformations carried out during translation. The various meanings of the adjective *alien* are also investigated, which are translated into Portuguese with the help of *alheio (a, para)*, *estranho (a, para)*, *outro*. The hermeneutic method and general theoretical methods are used in the work: analysis and synthesis, analogy, classification and generalization.

Keywords: Portuguese language, Russian language, translation, one’s own, alien, transformations

For citation: Petrova, G. V. (2025). Methods of translating the concepts “one’s own” versus “alien” in Russian and Portuguese. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 76–83. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Целью настоящей работы является сопоставление понятий *свой* (*наш*) – *чужой* в русском и португальском языках и способы их перевода. Для анализа интересующих нас концептов необходимо отделить сферы *своего* и *чужого*, которые, как представляется, отличаются в данных языках.

Граница *своего* пролегает в зоне, ограниченной пространством вокруг *я*-говорящего и некой нерасчлененной общности людей, включающей, как правило, говорящего – *мы* [Степанов, 1997, с. 221].

Научная новизна данной работы связана с тем, что в ней впервые предпринимается попытка не только проанализировать способы передачи смысла при переводе антитезы *свой* – *чужой*, но и доказать, что при поиске эквивалента при переводе ряда притяжательных местоимений и прилагательных, в которых закодирована оппозиция *свой* – *чужой*, важное значение приобретает правильное истолкование авторской интенции.

Актуальность настоящего исследования объясняется возросшим интересом научной общественности и представителей переводческой среды к переводу словосочетаний, построенных на основе концептуальной диады *свой* – *чужой*.

В работе использовались герменевтический метод и общетеоретические методы: анализ и синтез, аналогия, классификация и обобщение.

ПОНЯТИЯ Я, ВЫ, ОНИ

Человеческое *я* является естественным центром мира и критерием ценностей [Гранева, 2022]. «По линии референции мир также осваивается человеком «от себя», от ближайшего пространства, – к пространству «вне себя», к более дальнему [Степанов, 1997]. Так, лексикализованное употребление у *нас* означает «в нашей семье, в нашем доме, в нашем обществе» и т. п. [Гранева, 2022, с. 321]: *ит.* da me, *фр.* chez moi (где *chez* происходит от *ст.-фр.* chiese, chese, от *лат.* casa – хижина, лачуга), *исп.* en mi casa, *порт.* em casa:

– Finalmente em casa – disse ele. – Наконец-то дома, – сказал он (С. Довлатов. *Ремесло*).

Романские языки являются в высшей степени эгоцентричными. Как отмечал В. Г. Гак, во французском языке *я*-говорящий незримо присутствует в высказываниях с глаголами движения, задавая семантику глагола [Гак, 1977]. В свете эгоцентрической теории языка с центральным для нее понятием *я* можно утверждать, что романские языки построены вокруг *я*-говорящего [Гуреев, 2017].

Португальский язык не является исключением: см. оппозицию *ir / vir* (*chegar*), *levar / trazer*, *empurrar / puxar*, *entrar / sair* – глаголов, разделяемых по признаку «движение от говорящего» / «движение к говорящему» или «вместе с говорящим», как в примере:

Queres vir comigo ao cinema?

(при невозможности *Queres ir comigo ao cinema?)

Говорящий находится в центре лингвистической вселенной, где указательные прилагательные *este, esse, aquele*, местоимения *isto, isso, aquilo*, наречные обороты *daqui a uma semana, daí a dias* и т. д. отсчитываются от его местонахождения и времени его существования [Petrova, 2016].

И. Ю. Гранева отмечает, что противопоставление *своего* и *чужого* мира является доминантным в мировой культуре с самых древнейших времен, выделяя такую семантическую особенность нереперентных употреблений *мы* и *вы*, как имплицитная коннотативно-оценочная семантика, которая актуализуется в определенных контекстуальных условиях: *мы* → ‘соответствующие норме, правильные, хорошие’, а *вы* → ‘не соответствующие норме, неправильные, плохие’ «по умолчанию» [Гранева, 2022]. Таким образом, группа *я / мы* (*свои*) противопоставлена группе *вы / они* (*чужие*), при этом последние приобретают отрицательные коннотации.

Обособленность *нас* от *них* эксплицитно выражена также в испанском и каталанском языках, где местоимение *они* приобрело форму *nosotros / nosotras* и *nosaltres*, т. е. *мы другие*, отличные от *вас* или от *них*. Ср. также формы местоимений, имеющие более ограничительное и усилительное значение, чем нейтральные *nós, nos, nous, nò, noi*: галисийский язык – *nosoutros* (*nós*); окситанский – *nosautres* (*nos*); французский – *nous autres* (*nous*); фриульский – *noaltris* (*nò*); итальянский – *noialtri* (*noi*). В следующем примере также наглядно видна антитеза *eles vs nós, os outros* – *они vs мы, все остальные*:

Quem tem respostas definitivas geralmente também acha que está numa posição de superioridade moral. Todos nós, os outros, sofremos com dúvidas e falta de respostas simples para questões complexas (Veja. 21.01.2024). – Те, у кого есть окончательные ответы, обычно считают, что обладают моральным превосходством. А мы, все остальные, мучимся сомнениями и невозможностью дать простые ответы на сложные вопросы.

В бразильском варианте португальского языка и в меньшей степени в его иберийском варианте владела другая тенденция: местоимения *nós* и *eu* всё чаще заменяются грамматикализированным

существительным *a gente*, происходящим от лат. *gens, gentis* – *люди, народ*. С XVI века существительное *a gente* десемантизируется, приобретая значение «любой человек», переходит в разряд местоимений, и его употребление расширяется. При этом *a gente* по-прежнему активно употребляется в своем основном предметно-собирательном значении [Шершукова, 2014, с. 191]:

Ô minha gente que tá aqui embaixo fazendo confusão, só sobe quem tem pulseira verde (UOL. 25.02.2024). – Эй, люди, кто там внизу, не создавайте беспорядка, поднимается только тот, у кого зеленый браслет!

Однако всё чаще *a gente* заменяет собой *eu, nós* (*a gente não sabe = eu não sei / nós não sabemos*), а также выступает в неопределенно-личной функции (*a gente não sabe = não se sabe* – *неизвестно*). По мнению бразильских исследователей, это явление постепенно приведет к исчезновению местоимения *nós*, так же как это произошло с местоимением *vós* [Ribeiro, 2013, с. 11]. Этот процесс характерен не только для разговорного языка молодежи и необразованных слоев общества, но, как замечает Д. Рибейру [Ribeiro, 2013], он типичен для разговорного языка образованных людей, языка рекламы и СМИ.

Похожий процесс наблюдается и во французском языке, где неопределенно-личное местоимение *on*, происходящее от латинского *homo* (*человек*), становится субститутутом в первую очередь местоимений первого лица *moi* и *nous*.

Португальское существительное *a gente* – *люди*, т. е. *они*, которые в сознании носителей русского языка являются представителями чужого мира, в бразильском варианте всё чаще вытесняет местоимение *мы* и обозначает *свой круг*. Здесь можно отметить еще одну тенденцию, существующую в португальском языке: различные способы обозначения *чужого* мира на протяжении развития языка делексиализируются и переходят в сферу *своего* круга. Это относится, в частности, к *você* и *gente*. Так, местоимение *você*, произошедшее из *Vossa Mercê* – *ваша милость*, т. е. из обращения к третьему лицу, представителю *чужого мира*, стало в Бразилии эквивалентом *ты* и охватывает мир говорящего.

ПОНЯТИЯ СВОЙ МИР И ЧУЖОЙ МИР

Понятия своего мира организованы вокруг *я*-говорящего, а *чужой* мир организован вокруг подчас непонятных или враждебных сил, обозначаемых местоимениями *вы* или *они*.

Перевод на португальский язык этих понятий, выраженных местоимениями *свой* и *чужой*, представляет определенные трудности. В данной работе анализируются различные способы перевода этой оппозиции. В качестве материала исследования использовались тексты различных функциональных стилей и авторов:

- параллельные тексты:
  - Л. Н. Толстой. Семейная жизнь. – Leon Tolstoi. A felicidade conjugal / пер. М. А. Botelho Pereira Soares;
  - С. Д. Довлатов. «Ремесло» и «Компромисс». – Serguei Dovlatov. O Ofício. O Compromisso / пер. D. Mountian e Y. Mikaelyan;
  - Érico Veríssimo. Senhor Embaixador;
- база данных:
  - NEW. Corpus do Português;
- примеры из СМИ и интернета, свидетельства информантов, владеющих русским языком – бразильцев (*браз.*) и португальца (*порт.*);
- переводы, сделанные студентами-старшекурсниками и магистрантами МГИМО, прошедшими соответствующий курс.

СВОЙ

Граматики русского языка отмечают, что прилагательное *свой* употребляется тогда, когда определяет предмет, принадлежащий действующему лицу:

Анна взяла свой чемодан и вышла.

vs

Анна взяла ее (*чей-то*) чемодан и вышла.

При этом прилагательное *свой* никогда не определяет в предложении подлежащее: **Свой учебник лежит на столе* [Книга о грамматике, 2018, с. 348]. Однако *свой* встречается в заголовках и в заглавиях: *Ресторан «Свои люди»*.

Так как *свой* в функции прилагательного в русском языке может замещать местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, при переводе 3-е лицо меняется на лицо, соответствующее лицу субъекта-обладателя:

- Я хочу привести свой пример. – Quero citar o meu exemplo (E. Veríssimo. Sr. Embaixador).
- Я не бесчувственный. Я думаю о своих людях. – Não sou nenhum inconsciente. Penso na minha gente (E. Veríssimo. Sr. Embaixador).

Ты должен знать это как свои пять пальцев. –
а) Deves saber isso como a palma da tua mão.

Типичной ошибкой студентов при переводе является отсутствие согласования в лице:

б) *Deves saber isso como a palma da sua mão.

При переводе форм *свой, своя, свои* происходят следующие трансформации:

1. Прямой перевод с заменой лица

Присоединяйся к своим! информанты перевели как браз., порт. *Junta-te aos teus!* Журнал «Свой» – как порт. *Revista «A nossa»*, букв. ‘журнал «Наш»’.

У нас есть свой человек в Большом доме (С. Довлатов. Ремесло). – *Um dos nossos está na Casa Grande* (букв. ‘один из наших’).

2. Замена другой лексемой

Компания «Свой почерк» информанты интерпретировали как:

- а) браз. *Empresa «Assinatura própria»* (собственная подпись);
- б) браз. *Marca própria* (собственный торговый знак);
- в) браз. *Cartão de visita* (визитная карточка);
- г) порт. *Marca registada* (торговый знак).

Предложение *Право требовать невмешательства в свои дела* переведено студентами как:

- а) O direito de exigir a não ingerência nos assuntos domésticos (букв. ‘домашние дела’);
- б) nos seus assuntos (в свои дела);
- в) nos seus próprios negócios (в свои собственные дела).

Через пять минут он перестал быть гостем, а сделался своим человеком для всех нас (Л. Толстой. Семейное счастье). – *Cinco minutos depois, ele já não se portava como uma visita e era tratado como uma pessoa de casa por todos* (букв. ‘домашним человеком’).

...заеду в Москву – уж по своим делам (Л. Толстой. Семейное счастье) – ...depois vou a Moscou tratar de assuntos pessoais (по личным делам).

3. Экспликация

Понятие «своего круга», выраженное местоимениями *мой, твой, наш, свой* в значении «обустроенного

мира», домашних, людей, принадлежащих одной партии, одной стране, с трудом поддается переводу, нуждаясь в экспликации, к какому миру относится *свой*: друг, союзник, единомышленник, член семьи, соотечественник. Возможно, необходимость подобного объяснения обусловлена, среди прочих, тем фактом, что в португальском языке нет особых форм притяжательных местоимений: прилагательные и местоимения *seu(s), sua(s)* совпадают по форме, поэтому наиболее частотным является употребление притяжательных местоимений в повторе после существительного-антецедента и соответствующих притяжательных прилагательных, например:

Os meus compromissos... e os teus. – Мои обязательства... и твои.

Примеры без экспликации достаточно редки. Единственный пример самостоятельного употребления местоимения *seus* в значении *свои люди* встретился в заголовке газеты, при том что экспликация следует в основном корпусе статьи:

Remodelação: governar com os seus, para os seus. <...> Esta equipa nasceu torta, tão torta que voltámos a ter família à mesa do conselho de ministros (*Observador*. 30.10.2022). – Перетряска: править со своими и для своих. ... Эта команда получилась кособокой, настолько кособокой, что у нас вновь за столом совета министров сплошные члены семьи.

В других случаях экспликация необходима. Так, например: *Не стреляйте! Я свой!* переведен информантами как:

- а) браз. *Eu estou do lado de vocês!* (Я на вашей стороне!)
- б) браз. *Eu sou um dos seus!* (Я один из ваших!)
- в) порт. *Sou dos vossos!* (Я из ваших!)

Пример *Ресторан «Свои да наши»* переведен информантами как:

- а) браз. *Restaurante «Só a gente»* (Только наши);
- б) браз. *Dos seus aos nossos* (От своих до наших);
- в) порт. *É tudo nosso* (Всё наше);

а студентами:

- г) *Restaurante «Nossos e nossas»;*
- д) *Nossa gente e nosso povo* (наши люди и наш народ);
- е) *A Gente e Nós* (народ и мы);
- ж) *Amigos e queridos* (друзья и любимые);
- з) *Os locais* (местные).

В качестве перевода примера *Свои люди* студенты предлагают:

- а) Os amigos (Друзья);
- б) Nossa gente (Наши люди);
- в) As pessoas de dentro (букв. 'люди внутри'),

а информанты:

- г) *браз.* Nosso pessoal (Наши ребята);
- д) *браз.* Esses são dos nossos (Эти – из наших);
- е) *браз.* A minha gente (Мои люди);
- ж) *порт.* O meu pessoal (Мои ребята).

Название фильма «Свой среди чужих, чужой среди своих» переведено студентами как:

- а) Amigo entre os inimigos, inimigo entre os amigos (друг среди врагов, враг среди друзей),

а информантами, не обладающими фоновыми знаниями, как:

- б) *порт.* Em casa com os de fora, um estranho com os de casa (дома с чужими, чужой с домашними);
- в) *браз.* Sentir-se bem com desconhecidos, mas sentir-se mal com pessoas próximas (чувствовать себя хорошо с незнакомыми, но плохо с близкими);
- г) *порт.* Integrado em meio alheio, e um estranho entre os seus (в чужой среде – как дома, но чужой среди своих).

Как можно видеть, если переводчик не обладает экстралингвистическими знаниями, чтобы понимать, к какой сфере относятся местоимения *свой, наш*, возникают ошибки, полностью или частично искажающие смысл. Так, в заголовке газеты «Коммерсант» от 18.06.2008 ««Наши» стали чужими» (речь идет о молодежном движении «Наши») в переводах информантов «наши» стали «союзниками»: а) *Nossos aliados se tornaram desconhecidos* (букв. 'наши союзники стали неизвестными') или «теми, кто внутри»: б) *Os de dentro se tornaram alheios* (букв. 'те, кто внутри, стали чужими'), в то время как название партии или движения обычно транслитерируется и переводится в скобках: в) *O Nachi (Os Nossos) tornaram-se alheios*.

Студенты оказались ближе к истине:

- г) «Os nossos» tornaram-se vossos («Наши» стали вашими);
- д) Os familiares tornaram-se alheios (Близкие стали чужими);

- е) Os «Nossos» tornaram-se estranhos («Наши» стали чужими).

4. Замена устойчивым оборотом или поиск контекстуального эквивалента

Наиболее точным эквивалентом формулы *Своих не бросаем!*, по свидетельству информантов, является *браз., порт.* Ninguém fica para trás! (букв. 'Никто не остается позади!') – лозунг правительства Болсонару во время пандемии. Ср. заголовок из газеты «Exame» от 02.04.2020 «*Governo lança Ninguém Fica Para Trás, após abandonar Brasil Não Pode Parar*».

Следующий пример: *В настоящее время происходит фактический распад системы «свой – чужой» в пространстве геополитики* – студенты перевели как:

- а) Hoje em dia, testemunhamos o colapso do sistema «amigo-inimigo» (распад системы «друг – враг»);
- б) sistema de identificação de amigos (система опознавания друзей);
- в) conhecidos-alheios (знакомые – чужие),

а информанты как:

- г) *браз.* Atualmente, há uma desintegração de fato do sistema «parceiro ou adversário» no espaço geopolítico (партнер или противник);
- д) *браз.* um colapso no sistema «o meu – o do outro» (мое – принадлежащее другому);
- е) *браз.* uma real queda do sistema «nós contra eles» (мы против них);
- ж) *порт.* colapso do sistema «aliado – rival (союзник – соперник).

Обратимся к художественному переводу, где переводчик подбирает эквиваленты по признаку адекватности контексту:

Но в то же время на рассказах Довлатова лежит особый узнаваемый лоск «прозы для своих». <...> Я далека от желания упрекать молодых авторов в том, что их рассказы остаются «прозой для своих» (*Довлатов. Ремесло*). – Ao mesmo tempo, há nos contos de Dowlátov um lampejo particular e reconhecível de uma «prosa voltada para si própria» (*проза, обращенная внутрь себя*). (...) Estou longe de querer acusar os jovens autores de produzirem tal prosa (*подобная проза*).

Приведем также пример сомнительного перевода устойчивого оборота: название пьесы А. Н. Островского «Свои люди – сочтемся» студенты перевели как «Amor com amor se paga» («Любовью

за любовь»), что ассоциируется с экранизацией пьесы У. Шекспира «Много шума из ничего».

ЧУЖОЙ

Прилагательное *чужой*, согласно «Толково-словообразовательному словарю» Т. Ф. Ефремовой¹, имеет следующие основные значения:

- 1) принадлежащий другому или другим; не собственный, не свой;
- 2) не связанный родственными или близкими отношениями; посторонний; неродной, не отечественный; иноземный;
- 3) *перен.* далекий по духу, внутренне чуждый для кого-л., чего-л.; такой, с которым нет подлинной близости.

Рассмотрим конкретные примеры переводов лексемы *чужой*.

- 1) значение принадлежности другому (*не свой*) выражается на португальском языке прилагательным *alheio*, которое происходит от *lat. aliēnus* («принадлежащий кому-л. другому»), позднее *странный, чужеземный*, от *alius* (*другой*):

Plano de os EUA para 'salvar' os palestinos é fórmula mágica com dinheiro alheio (*Folha. 09.06.28*). – План США по спасению палестинцев – это магическая формула за чужие деньги.

Отношения принадлежности «другому» могут эксплицироваться, как в следующем примере:

...o financiamento através de capital alheio (bancário) (*ECO Economia Online. 19.06.26*). – ...финансирование за счет чужого (банковского) капитала.

- 2) *чужой* может переводиться на португальский язык при помощи *outro* – местоимения, которое не имеет отрицательной оценочности:

...tendo mais tarde aprofundado a solidariedade com o sofrimento alheio e a satisfação genuína com as conquistas dos outros (*DN. 19.05.18*). – ...позже он научился сопереживать чужому страданию и испытывать неподдельную радость от чужих побед (*букв. 'от побед других людей'*);

¹ ЧУЖОЙ – что такое в Новом толково-словообразовательном словаре русского языка. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000.

- 3) значение «не связанный родственными или близкими отношениями; посторонний; неродной, не отечественный; иноземный» передается при переводе прилагательным *estranho*, происходящим от *lat. extraneu-, tom* (или *to*), *кто* (или *что*) *пришел* (*пришло*) *извне* (*extra*), *посторонний; чужой, не принадлежащий к семье, отличный (другой), странный; чужеземец*². Как известно, то, что неродное или приходит извне, кажется чуждым или враждебным, при этом часто приобретая отрицательные коннотации:

Я был частью толпы и все же ощущал себя посторонним (*С. Довлатов. Ремесло*). – Eu era parte da multidão, porém me sentia um estranho.

И действительно, как-то тепло и хорошо стало мне от сочувствия этого чужого и хорошего человека (*Л. Толстой. Семейное счастье*). – E, de fato, o interesse dessa pessoa bondosa, mesmo sendo um estranho, trouxe-me calor e bem-estar.

- 4) значение «внутренне чуждый для кого-л., чего-л.» чаще выражается прилагательным *estranho* (*a, para*), реже *alheio* (*a, para*), с предлогами *a* или *para*:

De tal forma vivia, alheio aos prazeres da mesa, que certa vez, conta-se, ter-se-á esquecido do jantar (*Sapo Lifestyle. 19.06.13*). – И так он жил, настолько чуждый радостям чревоугодия, что иной раз, как говорят, забывал поужинать.

И царственно-спокойно раздавались эти голоса в ихнем чуждом для нас ночном мире (*Л. Толстой. Семейное счастье*). – E com majestosa calma suas vozes ecoavam naquele mundo noturno, estranho para nós.

Статья написана абсолютно чуждым вам языком (*С. Довлатов. Ремесло*). – O artigo foi escrito com uma linguagem que lhe é totalmente alheia.

- 5) *чужой*, так же как *свой*, может переводиться при помощи контекстных эквивалентов. Так, информанты перевели пример

чужая речь, прямая и косвенная – *порт.* o discurso de terceiros, direto ou indireto (речь третьих лиц);

выслушать чужое мнение – *браз.* ouvir uma segunda opinião (второе мнение);

²Переводы *estranho* как «странный» здесь не рассматриваются.

под чужим именем – а) *браз.* com um nome falso, б) *порт.* sob identidade falsa (под фальшивым именем).

Обратимся к фразеологии, которую различные источники интерпретируют по-разному:

Чужая душа – потемки – O coração humano é um mistério (*Dic. Reverso*);

В чужой монастырь со своим уставом не ходят. –

- а) Cada terra com seu uso (*Dic. Glosbe*);
- б) Quando em Roma, faça como os romanos (*Recanto das Letras*);
- в) Na terra onde fores viver, faz como vires fazer (*Provérbios Populares*).

Рассмотрим несколько особых случаев, где *alheio* не обозначает отношения принадлежности: *Amigo do alheio* (букв. ‘чужой друг’) в неформальном регистре означает «вор», «грабитель»:

Recentemente, um grupo de amigos do alheio arrombou a porta de uma loja e levou consigo vários dos smartphones em exposição (*pplware. 19.05.30*). – Недавно группа грабителей взломала дверь магазина и унесла несколько выставленных там смартфонов.

Vergonha alheia (букв. ‘чужой стыд’) обозначает «стыд за другого человека», так называемый «испанский стыд», где субъекту стыдно за действия другого, который стыда не ощущает.

Conversa alheia (букв. ‘чужой разговор’) – сплетни о чужих делах; *bullying alheio* (букв. ‘чужой буллинг’) – буллинг, которому подвергается другой человек.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как можно видеть, перевод притяжательных прилагательных *свой* и *чужой* с русского на португальский язык представляет определенные трудности. Для правильного перевода необходимо определить сферы, к которым относятся понятия *свой* (**я** и **мы**) и *чужой* (**вы** и **они**).

Свой в функции прилагательного в русском языке может замещать местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа, при этом при переводе на португальский язык 3-е лицо

меняется на лицо, соответствующее лицу субъекта-обладателя, что вызывает определенные трудности у студентов при переводе.

При переводе форм *свой, своя, свои* осуществляются следующие трансформации:

- а) прямой перевод с заменой лица;
- б) замена другой лексемой;
- в) экспликация;
- г) замена устойчивым оборотом или поиск контекстуального эквивалента.

В переводе при описании *своего круга* прилагательное *свой*, как правило, нуждается в экспликации, к какому именно – узкому или широкому кругу – родных, союзников, единомышленников, членов семьи, соотечественников и т. п. оно относится. Если переводчик не обладает экстралингвистическими знаниями, чтобы понимать, к какой «ближней» сфере относятся местоимения *свой, наш*, при переводе возникают ошибки, искажающие смысл.

Прилагательное *чужой* имеет следующие основные значения:

- а) «принадлежащий другому или другим»; «не собственный, не свой». Значение принадлежности другому выражается на португальском языке прилагательным *alheio*;
- б) «не связанный родственными или близкими отношениями»; «посторонний»; «неродной, не отечественный»; «иноземный». Это значение выражается прилагательным *estranho*;
- в) «далекий по духу, внутренне чуждый для кого-либо, чего-либо»; «такой, с которым нет подлинной близости» – чаще выражается прилагательным *estranho* (*a, para*), реже *alheio* (*a, para*), с предлогами *a, para*.

Группа *свои* обычно противопоставляется группе *чужие* (как, например, в испанском языке *nosotros*), при этом последние часто воспринимаются как непонятные или враждебные, приобретая отрицательные коннотации в значениях б) и в).

Однако, как показало данное исследование, сферы *своего* и *чужого* могут сдвигаться, «вторгаться» на чужую территорию. Различные способы обозначения *чужого* мира на протяжении развития языка делексиализируются и переходят в сферу *своего* круга. В португальском языке это относится, в частности, к *você* и *gente*, во французском – к местоимению *on*.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997.
2. Гранева И. Ю. Русские личные местоимения в свете интегрального описания языка: коммуникативно-прагматические, лингвокультурологические и когнитивно-дискурсивные аспекты: дис. ... д-ра филол. наук. Н-Новгород, 2022.

3. Гак В. Г. Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977.
4. Ribeiro D. Simões da Silva. «A gente» como pronome pessoal: teoria, prática e proposta pedagógica. Trabalho de conclusão de especialização. Universidade Federal do Rio Grande do Sul, 2013.
5. Гуреев В. А. Языковой эгоцентризм и система частей речи // Мир науки, культуры, образования. 2017. Вып. 6 (67). С. 491–493.
6. Petrova G. Conceitos do tempo e do espaço em russo e em português: diferenças e dificuldades na aprendizagem // Studia Iberystyczne. 2019. No 18. P. 467–478.
7. Шершукова О. А. Выбор личного местоимения в португальском дискурсивном пространстве // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 19 (705). С. 188–197.
8. Книга о грамматике : для преподавателей русского языка как иностранного / А. В. Величко, Л. В. Красильникова, Е. А. Кузьмина и др. ; под ред. А. В. Величко. СПб.: Златоуст, 2018.

REFERENCES

1. Stepanov, Yu. S. (1997). Konstanty. Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovaniya = Constants. Dictionary of Russian Culture. Research experience. Moscow: Shkola "Yazyki russkoj kul'tury." (In Russ.)
2. Graneva, I. Yu. (2022). Russkie lichnye mestoimeniya v svete integral'nogo opisaniya yazyka: kommunikativno-pragmaticheskie, lingvokul'turologicheskie i kognitivno-diskursivnye aspekty = Russian Personal Pronouns in the Light of the Integral Description of the Language: Communicative-Pragmatic, Linguoculturological and Cognitive-Discursive Aspects: Senior doctoral thesis in Philology. Nizhniy Novgorod. (In Russ.)
3. Gak, V. G. (1977). Sopostavitel'naya leksikologiya. = Comparative Lexicology Moscow: Mezhdunarodnye otnoshe-niya. (In Russ.)
4. Ribeiro, D. Simões da Silva. (2013). «A gente» como pronome pessoal: teoria, prática e proposta pedagógica. Trabalho de conclusão de especialização. Universidade Federal do Rio Grande do Sul.
5. Gureev, V. A. (2017). Yazykovoj egocentrizm i sistema chastej rechi. = Linguistic egocentrism and the system of parts of speech. Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya, 6(67), 491–493. (In Russ.)
6. Petrova, G. (2019). Conceitos do tempo e do espaço em russo e em português: diferenças e dificuldades na aprendizagem. Studia Iberystyczne, 18, 467–478. (In Russ.)
7. Shershukova, O. A. (2014). Vybor lichnogo mestoimeniya v portugal'skom diskursivnom prostranstve = Choosing a personal pronoun in the Portuguese discursive space. Vestnik of Moscow State Linguistic University, 19(705), 188–197. (In Russ.)
8. Velichko, A. V., Krasil'nikova, L. V., Kuzminova, E. A. et al. (2018). Kniga o grammatike = Book on grammar: for teachers of the Russian language as a foreign language ; ed. by V. Velichko. St. Petersburg: Zlatoust. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Петрова Галина Викторовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры романских языков МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Petrova Galina Viktorovna

PhD (Philology)

Associate Professor of the Department of Romance Languages, MGIMO University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	09.04.2025	
принята к публикации	18.04.2025	

Научная статья
УДК 81'42+81'373.43

Неологизмы сквозь призму усиления медийной повестки дня

Е. В. Темнова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
el.v.temnova@my.mgimo.ru

Аннотация. Целью данного исследования является изучение роли неологизмов в формировании установления медийной повестки дня. На основе источников англоязычного и русскоязычного медийного дискурса выделены лексические образования, относящиеся к сфере криптоиндустрии и цифровых финансов и образованные с помощью морфемы *-coin / -коин*, а также неологизмы в области цифровых технологий, среди которых термин «фиджитал». В медиадискурсе неологизмы используются медиатеологами с целью формирования общественного мнения и осмыслении социальных явлений через призму уже сложившейся у аудитории картины мира. Посредством создания смыслового фрейма с помощью неологизмов происходит усвоение новых смыслов через определенные установки, которые способствуют усилению медийной повестки дня.

Ключевые слова: неологизмы, медиадискурс, медийная повестка дня, теория установления повестки дня, медиафрейминг

Для цитирования: Темнова Е. В. Неологизмы сквозь призму усиления медийной повестки дня // Вестник Московского лингвистического государственного университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 84–90.

Original article

Neologisms through the Lens of Amplifying Media Agenda

Elena V. Temnova

MGIMO University, Moscow, Russia
el.v.temnova@my.mgimo.ru

Abstract. The objective of the research is to examine the role of neologisms in shaping the media agenda. Based on the issues of English and Russian media discourse, neologisms in crypto industry and digital finance produced using affixes such as *-coin / -коин* are identified. Also neologisms that denote concepts of artificial intelligence and digital technologies with a particular emphasis on the Russian term *фиджитал* are considered. In media discourse, neologisms play a particular role in shaping public opinion on novel items of social life and significant events through the lens of the commonly shared worldview, thus sculpting a new view of life. Constructing a mental frame by means of introducing neologisms, new meanings are attitudes shaped in media recipients, which eventually amplifies the media agenda.

Keywords: neologisms, media discourse, media agenda, agenda-setting theory, media framing

For citation: Temnova, E. V. (2025). Neologisms through the lens of amplifying media agenda. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 84–90. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В постпандемический период неологизация развивается в русле тенденций технократического общества с цифровыми технологиями и ведущей ролью искусственного интеллекта.

Прежде всего неологизация достаточно широко используется журналистами и медиатеологами не только для привлечения внимания аудитории, но также для фрейминга медийной повестки, которая формирует сознание аудитории посредством информирования ее о новых явлениях в обществе и впоследствии создания смыслового фрейма, который служит образцом мировоззренческого отношения к проблеме.

На настоящем этапе развития медиадискурса особо важно выделить и систематизировать продуктивные способы формирования и образования новых лексических единиц языка. Весьма интересным является не только словообразовательное производство, но также рассмотрение закономерностей и особенностей, в которых существует реципиент потребляемого контента.

Неологизмы играют важную роль в формировании общественного мнения и восприятия общественных, политических и экономических явлений [Guseynova, Gorozhanov, 2024]. С одной стороны, неологизмы могут упрощать понимание сложных концепций, а с другой стороны, они могут вводить в заблуждение, если используются некорректно [Scheufele, 1999]. Так, в эпоху цифровых технологий и глобализации медиа неологизмы становятся мощным инструментом для создания вирусного контента и привлечения внимания массовой аудитории.

В медийном дискурсе в большей степени проявлены семантические и стилистические преобразования и смещения с перераспределением смыслов и сдвигом акцентов. Таким образом, медийный дискурс становится неким «вивариумом» семантических новообразований и новых смыслов, выраженных в таких элементах языка, как неологизмы.

Таким образом, цель работы состоит в изучении роли неологизмов в установлении и усилении медийной повестки дня.

Цель исследования сформировала следующие задачи:

- 1) выделить сферы применения неологизмов в русскоязычном и англоязычном медиадискурсе;
- 2) проанализировать основные тенденции пополнения лексического состава медиадискурса;
- 3) провести типологизацию выделенных неологизмов в контексте фрейминга медийной повестки.

ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ НЕОЛОГИЗАЦИИ

Методологическую основу исследования составляют работы по неологизации и изучению лексических новообразований отечественных исследователей. Согласно В. В. Виноградову, неологизмы закрепляют в языке новые слова и значения [Виноградов, 2001]. В. И. Заботкина, А. А. Брагина и М. С. Курбанова уделяют особое внимание изучению способов создания неологизмов и подразделяет их на категории, например, фонологические, заимствования, калькирование, семантические, синтаксические, стилистические и др. [Заботкина, 1989; Брагина, 1973; Курбанова, 2022].

А. Ю. Снисар выделяет поле медийной неологизации, направленное на изучение практик порождения медийных неологизмов и их специфики. Одним из главных дистинктивных признаков медийного неологизма является абсолютная новизна новообразования для большинства пользователей медийными каналами коммуникации [Снисар, 2017].

Среди зарубежных исследователей стоит отметить работы по коммуникативистике и журналистике в русле теории установления медиапостки дня М. Маккомбса и Д. Шоу [McCombs, Shaw, 1972] и медиафрейминга Д. Шейфеле [Scheufele, 1999]. Вопросами медиафрейминга занимаются отечественные исследователи в области журналистики, среди которых Д. В. Дунас, Е. А. Салихова, А. В. Толоконникова, Д. А. Бабыля, сформировавшие понимание матрицы анализа медиатекста с целью установления повестки дня и выявления фрейминга [Дунас и др., 2022].

Под неологизмом (греч. *neos* – *новый*, *logos* – *слово*, *понятие*) понимается новое лексическое образование, которое формируется разными способами, среди которых: полисемия, калькирование, заимствование иностранных слов и др. [Курбанова, 2022]. При этом не все лексические новообразования могут быть рассмотрены как неологизмы, поскольку имеют временное или окказиональное употребление. Некоторые исследователи выделяют терминологическое поле использования неологизмов, которые закрепляют влияние терминологических систем в каком-либо виде дискурса [Москалева, 2003].

Подобные термины относятся к жаргонизмам, диалектам и другим видам лексических образований, распространенных среди ограниченного круга лиц. Так, например, газета «Коммерсантъ» проводит ежегодную конференцию по информационной безопасности, организуемую «Кибердомом», под названием «Киберсъезд». В английском языке существуют устоявшиеся термины для подобных

мероприятий, а именно *cyber conference* и *cyber summit*. Однако лексическая единица *киберсъезд*, образованная посредством блендинга (*кибер-* – сокр. от кибернетический + съезд), существует только в окказиональном употреблении в закрытом клубном сообществе.

Киберсъезд пройдет в Кибердоме – первом в мире мультифункциональном фиджитал-пространстве, которое объединяет бизнес, государство, общество и ИБ-специалистов в результативное партнёрство для развития индустрии кибербезопасности РФ.¹

Некоторые лингвисты отмечают, что неологизмами могут быть не только новообразования в языке, но также ранее существовавшие слова, и слова, появившиеся одновременно с новым явлением [Заботкина, 1989].

Тенденция к систематизации оказывается еще одной движущей силой формирования неологизмов. Картина мира складывается из наших знаний об окружающей действительности, а, следовательно, посредством накопления эмпирического опыта и осваиванию культурных и языковых кодов [Темнова, 2019]. При этом под воздействием накопленной информации формируется некая языковая карта, свидетельствующая о формировании и развитии новых категорий в картине мира, соответственно, новых концептов. Концепты находят выражение в новых лексических формированиях [Заботкина, 1989, с. 9].

НЕОЛОГИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ УСТАНОВЛЕНИЯ МЕДИЙНОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ

Согласно теории установлению повестки дня (*agenda-setting theory*), первостепенную роль в создании контента и отбора новостного материала для выпусков новостей принадлежит медиа [McCombs, Shaw, 1972]. Новости не формируются спонтанно и не попадают в каналы передачи информации стихийно.

«Ключевая задача фрейма в медиа – связать представителя аудитории с идеологией, предложив пространство для коммуникации, участники которой разделяют общие ценности. Это становится возможным с помощью лингвистических единиц» [Дунас и др., 2022].

В первую очередь медиа руководствуется некими критериями отбора контента с целью создания мнения вокруг какого-то общественно-го явления или события, формирования определенных социальных установок [McCombs, Shaw,

¹URL: <https://events.kommersant.ru/events/kibersezd/> (дата обращения: 15.03.2025).

1972], что неизбежно влияет на формирование медийной картины мира реципиента новостной продукции. Что касается роли неологизмов в этом процессе, то стоит отметить, что порой они отсылают к концептам, которые еще не реализованы, а существуют только в теории или в планах. Так, одним из примеров подобного концепта является цифровая валюта центральных банков CBDC (*Central Bank Digital Currency* – Цифровая валюта центрального банка). В медиа не стихает дискуссия о введении цифровой валюты как аналога национальной фиатной валюты. При этом само явление, еще не функционирует в национальной валютной системе, однако концепция сложилась еще в 1990-е годы.

МАТЕРИАЛ И МЕТОД

Проанализировано более 300 статей передовых источников англоязычных и русскоязычных изданий качественной прессы в период за 2020–2024 годы. Среди англоязычных изданий в фокусе внимания оказались «The Guardian», «The Telegraph», «Financial times», «The Economist».

Наиболее продуктивными в области применения неологизмов с целью амплификации политической и социально-экономической повестки дня отмечены такие русскоязычные издания, как «Ведомости», «ТАСС», «Форбс», «Коммерсантъ», «РБК».

Методом сплошной выборки были отобраны лексические новообразования с высокой частотностью употребления в вышеозначенных медиаисточниках и сгруппированы по сфере употребления.

ТИПОЛОГИЯ НЕОЛОГИЗМОВ ПО ВЫДЕЛЕННЫМ СФЕРАМ

Проанализированный материал можно условно разделить на несколько групп.

В первую очередь неологизации более всего подвержена сфера цифровых финансов, в которой уже функционирует значительное количество лексических единиц с морфемой *-coin / -коин*. В 2024 году криптовалютный ландшафт значительно расширился. Так, на рынке цифровой валюты зарегистрировано более 10 тыс. наименований криптовалют, из которых большинство образованы с помощью морфемы *-coin / -коин*. Благодаря медиакультуре, рекламе селебрити и вирусному маркетингу, в криптоиндустрии появился новый вид криптовалюты мемкойны², что является неоспоримым доказательством

²URL: <https://cryptomus.com/ru/blog/how-many-cryptocurrencies-are-there?srsltid=AfmBOoqGO-ewKcoSLHyjkpaocWHUCZFGxREIRY6MIVCVeTzziQ3DLtUD> (дата обращения: 15.03.2025).

того, что медийная повестка не возникает спонтанно, а формируется под влиянием медиа.

Названия криптовалют основаны на феномене метафоризации, где перенос значения морфемы – *coin* (*монета*) и его русифицированный вариант *-коин* являются наиболее понятным для основной массы населения на основании уже существующего концепта «*coin*», который имеет устойчивые ассоциации со сферой денег прежде всего у представителей англоязычной аудитории. В этой группе зафиксированы лексические единицы, в которых выражен принцип осмысления уже существовавших ранее слов посредством расширения границ значения.

В таблице приведены значимые с точки зрения медийной повестки лексические новообразования в сфере цифровых финансов, образованные посредством морфемы *-coin* / *-коин*, а также определение, основные факты и словообразовательная модель.

Таким образом, морфема *-coin* / *-коин* перешла из области криптовалют в область цифровых финансов и стала словообразовательной единицей в этой области.

Медиаповестка усиливается новыми лексическими единицами в контексте медиапотребления англоязычной аудиторией, происходит осмысление новых значений через призму знакомого морфемного слоя новой лексики. Воздействие на ценности англоязычной аудитории, для которой материально-финансовая составляющая имеет фундаментальное значение, является инструментом усиленного привлечения внимания к новым лексическим единицам языка и создает

мировоззренческую парадигму. Следовательно, на примере неологизмов можно проследить некие «интерпретационные константы» [Горожанов, 2022], которые устанавливает медиадискурс.

Вторую группу составляют лексические единицы, относящиеся к области цифровых технологий и искусственного интеллекта. Так, в течение последних двух лет в лингвистическом обиходе пользователей нейросетей и генеративных моделей искусственного интеллекта (например, *ChatGpt*), закрепился термин «промпт» (англ. *prompt* – *запрос, подсказка*), т. е. текстовый запрос пользователя к нейросети, инструкция.

Термин «промпт» также встречается в лексических сочетаниях, например, *промпт инжиниринг* (англ. *prompt engineering*) – оптимизация промптов для эффективного использования лингвистических моделей.

Среди устоявшихся как в русском, так и в английском языке терминов можно отметить «бот» (англ. *bot*), который уже вряд ли является неологизмом, однако новые тенденции продуктов и услуг рынка, где важную роль играет обратная связь, дали рождение новому виду использования оплачиваемых сообщений и публикации их в интернете со специально созданных аккаунтов в качестве инструмента накручивания лайков и выставления звезд продукции, приоритетной для заказчика, что сформировало термин последних нескольких лет *бот ферма* (англ. *bot farm*), или *бот фарминг* (англ. *bot farming*).

Неологизмы цифрового маркетинга нередко становятся объектом внимания медиа. Один из таких терминов, получивших распространение

Таблица

ТИПОЛОГИЯ НЕОЛОГИЗМОВ С МОРФЕМОЙ *-COIN* / *-КОИН* В СФЕРЕ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВ

Лексическая единица	Определение	Словообразование
FedCoin	Государственные цифровые деньги. Цифровая валюта центральных банков CBDC (Central Bank Digital Currency) Первым идею CBDC в форме / формате блокчейн под названием <i>Fedcoin</i> выдвинул блогер J. P. Koning еще в апреле 2014 года в статье «Почему ФРС скорее примет технологию bitcoin на вооружение, чем ее уничтожит» ¹	Fed (сокр. от Federal) + Coin – монета
StableCoin	Стейблкоин, криптовалютные токены, курс которых привязан к какому-либо активу, например к доллару, евро или унции золота ²	Stable – стабильный + Coin – монета
UniCoin (UMU, или Ü)	Универсальная денежная единица. Цифровая валюта на базе блокчейна (как крипто), которую будет выпускать МВФ, для того чтобы центробанки различных государств смогли использовать ее в качестве своей цифровой валюты. Это первый шаг к созданию единой глобальной валюты ³	Uni (сокр. от Universal) + Coin – монета

¹URL: <https://news.rambler.ru/other/42268226-fedcoin-chto-takoe-gosudarstvennye-tsifrovye-dengi/> (дата обращения: 15.03.2025).

²URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/66cc954a9a7947bb6d695697?from=copy> (дата обращения: 19.03.2025).

³URL: <https://newizv.ru/news/2023-04-20/pochemu-kripta-o-kotoroy-vy-ne-znali-mozhet-zahvatit-mir-bez-voyny-404951> (дата обращения: 18.03.2025).

среди пользователей в русском и английском языках – *омниканальность* (англ. *omnichannel*), т. е. осуществление продаж с использованием всех физических (офлайн) и цифровых (онлайн) каналов. Как русскоязычный термин *омниканальность*, так и англоязычный *omnichannel* закреплены в некоторых словарях с пометой «неологизм». Однако употребление данного термина, в отличие от *мультиканальности* и *multichannel*, не получило широкого распространения в медиа. По-видимому, оба термина оказались более доступными для понимания массовой аудитории реципиентов благодаря уже устойчивому концепту «мульти- / multi» соответственно, медиатеchnологам и журналистам ничего не стоило переключиться на более понятный для широкой аудитории термин, несмотря на имеющуюся разницу в оттенках лексического значения.

Регулятивные нововведения в правовом секторе вносят изменения в лингвистический обиход. Ранее областью применения лексической единицы *деанонимизация* (англ. *deanonimisation*) в русском и английском языках была сфера криптовалют, и ее значение сводилось к установлению личности владельцев валюты. Последние несколько лет с развитием социальных сетей и кросс-платформенных мессенджеров, в частности Телеграм, осуществляется сдвиг семантического значения в сторону повторной идентификации данных, восстановления скрытой информации или конфиденциальных данных, зашифрованных определенным образом¹.

Как было отмечено выше, будучи узкоспециализированными терминами, неологизмы не всегда понятны массовой аудитории, соответственно, всегда есть риск, что слово будет неадекватно интерпретировано и попросту усечено, как в случае с *деанонимизацией*, до уровня несложной артикуляции. Как в русском, так и в английском языке в медиаобиходе у журналистов, блогеров и инфлюенсеров стало принято употреблять его в усеченном формате, а именно *деанон* (англ. *deanon*).

Отдельно стоит выделить термин *фиджитал*, который получил широкое распространение в русском языке благодаря проведению в феврале – марте 2024 года в Казани Первых инаугурационных игр будущего «Фиджитал Геймс».

Некоторые медийные источники приводят определение нового вида спортивных состязаний: «Фиджитал-спорт – это направление, сочетающее

традиционные виды спорта и компьютерные игры. Например, участники сначала соревнуются на футбольном симуляторе, а затем выходят на настоящее поле и продолжают матч. Побеждает команда с наибольшей суммой голов»².

Однако лексическая единица *фиджитал* (*physical + digital*), придуманная в 2007 году Крисом Вейлом из рекламного агентства «Momentum Worldwide», в своем первоначальном значении не имела отношения к спортивной деятельности, а была смоделирована для обозначения маркетинговых коммуникаций и относится к построению отношений с клиентами как в физическом, так и в цифровом мире.³

При этом в течение 15 лет до 2024 года слово *фиджитал* не было в массовом употреблении ни у англоязычных пользователей, ни у русскоязычных. К моменту проведения данного исследования в русскоязычных медиа менее чем за один год появились словосочетания с лексической единицей *фиджитал*, среди которых:

фиджитал спорт, фиджитал парк, фиджитал офис, всемирное фиджитал движение, фиджитальный проект, фиджитальные покупки, фиджитал центр, фиджитал баскетбол, фиджитал дисциплины, фиджитал технологии, фиджитал турнир, фиджитал площадка, фиджитал киберполигон, фиджитал пространство, фиджитал выставка, фиджитал команда.

Для сравнения англоязычные источники реже используют *phygital* в качестве лексической единицы для описания одновременно физического и цифрового образа коммуникации. Так, в качестве названия организации зафиксированы названия компаний: «Phygital Labs» (некоммерческая организация, предоставляющая образовательный контент и опыт на основе игр учащимся и преподавателям по всему миру) и «Phygital Insights» (консалтинговая аналитическая компания). Среди словосочетаний с лексической единицей *phygital* наиболее конкретизированы:

phygital fashion show, phygital marketing, phygital games, phygital convergence, phygital (customer) experience, phygital park.

В английском и русском языках сочетаемость с термином *фиджитал / phygital* распределилась таким образом, что эквивалентность не совпадает.

²URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6524715> (дата обращения: 18.03.2025).

³URL: <https://insights.talentformation.com/a-definition-of-phygital-the-space-where-real-and-virtual-dimensions-meet/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹URL: https://www-investopedia-com.translate.google/terms/d/deanonimization.asp?_x_tr_sl=en&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru&_x_tr_pto=rq (дата обращения: 18.03.2025).

Выделено только одно словосочетание *фиджитал парк* в русском языке, которое полностью эквивалентно английскому *phygital park* и обозначает реальность – иммерсивный фиджитал парк в Дубае¹.

Таким образом, лексическая единица *фиджитал* является сигнификатором определенного значения для привлечения внимания русскоязычной аудитории с целью маркировать целый пласт явлений, тем самым подчеркивая их уникальность. Объединяемая одной медиатизированной моделью, созданной на основе одного лексического образования, русскоязычная аудитория формирует сознание, воплощенное в чувстве гордости, в ней растет чувство патриотизма, так как в новостном контенте слышен отклик инаугурационных игр будущего «Фиджитал Геймс», которые проводились именно в России, на родине русскоязычного реципиента.

¹URL: <https://www.forbes.ru/biznes/524992-rossijskaa-hello-park-prodala-saudovskoj-al-othaim-fransizu-na-sem-fidzital-parkov> (дата обращения: 14.03.2025).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что неологизмы как часть медийного ландшафта играют важную роль не только в формировании, но также в усилении медийной повестки. Новая лексика незамедлительно попадает в поле зрения реципиента, закрепляя внимание, усиливая интерес сначала к лексической единице, а затем заставляя реципиента спекулировать над смыслами.

Рекуррентное употребление новообразований языка дает возможность реципиенту устанавливать взаимосвязи и выявлять зависимость между полученными при первичном предъявлении материалами, сведениями и фактами о новом событии или явлении, формируя прочные корреляции между номинативной единицей и медиатизированными смыслами, ценностной составляющей, тем самым создавая устойчивое мировоззрение. Для того чтобы создать определенное понимание концепта, медиатехнологи и журналисты используют некие критерии отбора новостного контента, формируя таким образом смысловой фрейм для восприятия этого контента.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Guseynova I. A., Gorozhanov A. I. Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*. 2024. Vol. 23. No. 4. P. 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
2. Scheufele D. A. Framing as a theory of media effects // *Journal of communication*. 1999. No 49 (1). P. 103–122.
3. Виноградов В. С. Введение в переводоведение. М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001.
4. Заботкина В. И. Новая лексика современного английского языка. М.: Высшая школа, 1989.
5. Брагина А. А. Неологизмы в русском языке. М.: Просвещение, 1973.
6. Курбанова М. С. Неологизм как языковой феномен в средствах массовой информации. М.: Молодой ученый, 2022.
7. Снисар А. Ю. Американский массмедийный текст как сфера актуализации неологизмов // *Вестник Томского государственного педагогического университета*. 2017. Вып. 10 (187). С. 112–117. DOI:10.23951/1609-624X-2017-10-112-117.
8. McCombs M. E., Shaw D. L. The agenda setting function of the mass media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. Vol. 36. Iss. 2. P. 176–187.
9. Дунас Д. В. [и др.] Установление повестки дня и эффект фрейминга: о необходимости концептуального единства в медиаисследованиях «цифровой молодежи» // *Вестник Московского Университета. Сер. 10. Журналистика*. 2022. № 4. С. 47–78.
10. Москалёва Е. В. Прагматические особенности функционирования английских и русских неологизмов (На материале художественных и публицистических текстов): дис. ... канд. филол. наук. М., 2003.
11. Темнова Е. В. Фелицитарная vs дистимная картина мира в современном англоязычном медиадискурсе // *Национальный психологический журнал*. 2019. № 1. С. 109–121. DOI: 10.11621/npj.2019.0110.
12. Горожанов А. И. Интерпретация и перевод художественного текста с помощью программных инструментов обработки естественного языка // *Универсальное и национальное в языковой картине мира : материалы V Междунар. науч. конф., Минск, 21–23 окт. 2022 г. / Минский государственный лингвистический университет ; редкол.: Л. Н. Неборская (отв. ред.) [и др.]. Минск, 2022. С. 6–8. EDN DXIUHZ.*

REFERENCES

1. Guseynova, I. A., Gorozhanov, A. I. (2024). Un-Words as a Factor of Ideologization in the Modern German Political Discourse. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 23(4), 84–95. DOI: 10.15688/jvolsu2.2024.4.7.
2. Scheufele, D. A. (1999). Framing as a theory of media effects. *Journal of communication*, 49(1), 103–122.
3. Vinogradov, V. S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie = Introduction to Translation Studies*. Moscow: Publishing house of the Institute of General Secondary Education RAO. (In Russ.)
4. Zabotkina, V. I. (1989). *Novaya leksika sovremennogo angliyskogo yazyka*. New vocabulary of the modern English language. Moscow: Higher School. (In Russ.)
5. Bragina, A. A. (1973). *Neologizmy v russkom yazyke = Neologisms in the Russian language*. Moscow: Prosvetchniye. (In Russ.)
6. Kurbanova, M. S. (2022). *Neologizm kak yazykovoy fenomen v sredstvakh massovoy informatsii = Neologism as a linguistic phenomenon in the media*. Moscow: Young Scientist. (In Russ.)
7. Snisar, A. Yu. (2017). American mass media text as a sphere of actualization of neologisms. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 10(187), 112–117. DOI: 10.23951/1609-624X-2017-10-112-117. (In Russ.)
8. McCombs, M., Shaw, D. L. (1972). Agenda-setting Function of Mass Media. *Public Opinion Quarterly*, 36(2), 176–187.
9. Dunas, D. V. et al. (2022). Agenda setting and the framing effect: on the need for conceptual unity in media studies of «digital youth». *Vestnik of Moscow University. Ser. 10. Journalism*, 4, 47–78. (In Russ.)
10. Moskaleva, E. V. (2003). *Pragmaticheskie osobennosti funktsionirovaniya angliyskikh i russkikh neologizmov = Pragmatic features of the functioning of English and Russian neologisms (based on fiction and journalistic texts): PhD thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
11. Temnova, E. V. (2019). Felicitous vs dismal worldview in modern English media discourse. *National Psychological Journal*, 1, 109–121. DOI: 10.11621/npj.2019.0110. (In Russ.)
12. Gorozhanov, A. I. (2022). Interpretation and translation of fiction text using software tools for natural language processing. In Neborskaya, L. N. [et al.] (Eds.), *Universal and national in the linguistic picture of the world* (pp. 6–8): Proceedings of the V International scientific conference, Minsk, October 21–23, 2022. Minsk State Linguistic University. Minsk. EDN DXIUHZ. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Темнова Елена Владимировна

кандидат филологических наук
доцент кафедры английского языка № 2
МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Temnova Elena Vladimirovna

PhD (Philology), Assistant Professor
English Department #2
MGIMO University

Статья поступила в редакцию	28.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	15.04.2025	
принята к публикации	18.04.2025	

Военно-политический дискурс как лингвокультурологический комплексный феномен

П. С. Тенитилов¹, Л. К. Мазура²

^{1,2}Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия

¹paulinhotradutor@mail.ru

²lidka-super2013@yandex.ru

Аннотация. Цель исследования – изучить феномен военно-политического дискурса как многоуровневой коммуникативной практики, интегрирующей элементы политической риторики и военной терминологии. Авторы уделяют внимание институциональной природе дискурса, его социокультурным особенностям, а также методам легитимации применения силы в международных отношениях. Работа основывается на структурно-семантическом анализе и дискурс-анализе, включая исследования терминологических единиц, метафорических конструкций и стратегий убеждения. Выявлены черты военно-политического дискурса: поляризация образов «мы» и «они», драматизация угрозы, акцент на исторической преемственности, использование эмоциональных и символических аргументов.

Ключевые слова: военно-политический дискурс, метафора, легитимация, пропаганда, международные отношения, перевод

Для цитирования: Тенитилов П. С., Мазура Л. К. Военно-политический дискурс как лингвокультурологический комплексный феномен // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 91–97.

Original article

Military and Political Discourse as a Linguocultural Complex Phenomenon

Pavel S. Tenitilov¹, Lidia K. Mazura²

^{1,2}Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹paulinhotradutor@mail.ru

²lidka-super2013@yandex.ru

Abstract. The purpose of this research is to explore the phenomenon of military and political discourse as a multi-level communicative practice integrating elements of political rhetoric and military terminology. The author focuses on the institutional nature of the discourse, its sociocultural characteristics, and methods of legitimizing the use of force in international relations. Key features of military-political discourse are identified: the polarization of “us” and “them” images, dramatization of threats, emphasis on historical continuity, and the use of emotional and symbolic arguments. The analysis of translation challenges reveals difficulties in interpreting terms and metaphors due to cultural and linguistic differences.

Keywords: military and political discourse, metaphor, legitimation, propaganda, international relations, translation

For citation: Tenitilov, P. S., Mazura, L. K. (2025). Military and political discourse as a linguocultural complex phenomenon. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 91–97. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Военно-политический дискурс формирует особое лингвокультурное пространство, где взаимно переплетаются институциональные структуры политического и военного устройства, а также механизмы стратегической коммуникации в международных отношениях. Его содержание постоянно подпитывается динамикой современных конфликтов, которые в большинстве случаев сопровождаются официальными заявлениями военных и политических лидеров, комментариями экспертов, резолюциями международных организаций и информационными выпусками в медийном поле. Таким образом, язык военного дела соединяется с политическими риторическими приемами, образуя двойной ряд речевых практик, ориентированных одновременно на профессиональное сообщество (военное руководство, силовые ведомства, дипломатические подразделения) и на массовую аудиторию (общественность, СМИ, международных наблюдателей). Данное объединение придает военно-политической коммуникации характер сложного, многослойного феномена, где, наряду с рациональным обоснованием каких-либо действий, нередко используются эмоциональные призывы, метафорические образцы, апелляции к исторической памяти и коллективному сознанию. В актуальных лингвистических исследованиях, посвященных политическому и военному дискурсам, подчеркивается значимость анализа терминологии, структурных особенностей и прагматического наполнения речевых жанров, обращенных к глобальной аудитории. Подтверждение этому можно найти в публикациях В. И. Карасика, где военный и политический типы общения рассматриваются как институциональные, с присущим им статусно-ролевым распределением участников [Карасик, 2000], и в работах Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой, где выведен тезис о том, что военно-политический дискурс обладает самостоятельными чертами по отношению к классическим военным и политическим форматам [Хомутова, 2017; Наумова, 2019]. Эти выводы были сделаны на основе сравнительно-сопоставительного анализа, в ходе которого учитывались пространственно-временные параметры речевых событий, степень вовлечения официальных структур и уровень открытости информации для общества.

Исследование, посвященное дискурсу, имеющему военную и политическую составляющие, актуализируется еще и потому, что современные вооруженные конфликты, как показывают наблюдения, сопровождаются интенсивным информационным фоном. Военные кампании становятся достоянием мировой общественности задолго до их

официального завершения; политические деятели и командование стремятся получить поддержку или как минимум нейтралитет различных категорий населения. Одновременно рождается особая стилистика публичных выступлений, где военная проблематика сочетается с аргументами, адресованными внутренней и международной аудитории. Переключение между сугубо техническими описаниями (оперативная обстановка, статистика потерь, тактические задачи) и эмоциональными призывами (патриотические призывы, обещание победы, формирование антагонистичного образа оппонента) моделирует основу того, что в современной научной литературе именуется военно-политическим дискурсом [Мишкур, 2020].

Интерес к системному анализу подобных речевых практик отчетливо прослеживается в отечественной и зарубежной лингвистике, а также в когнитивных и прикладных исследованиях в сфере переводоведения. Так, работы Т. ван Дейка посвящены механизмам власти и манипуляции через язык [Van Dijk, 2004]; исследования А. Д. Швейцера или В. И. Хайруллина затрагивают многоплановое сопоставление и перевод, который в условиях глобальной коммуникации становится основой для межкультурного обмена военными и политическими документами [Швейцер, 1994; Хайруллин, 1995]. Одна из центральных проблем подобных исследований заключается в том, чтобы выявить специфические характеристики текстов, отражающих замысел политиков применить или обосновать силу. К ним относятся использование риторических приемов, характерных для пропаганды и опора на эмоциональные аргументы и символические формулы, призванные побудить поддержку общества или одобрение военных действий.

Научная значимость военно-политического дискурса тесно связана с анализом терминологии, коммуникативных стратегий, дискурсивных жанров и способов структурирования информации. Наряду с этим многие исследователи подчеркивают социокультурный и лингвокогнитивный вектор: определенные культурные коды, исторические аллюзии и фразеологические конструкции могут существенно влиять на то, как граждане воспринимают аргументацию о необходимости вооруженных мер. В своей статье «О типах дискурса» В. И. Карасик указывает на то, что политическая сфера предполагает публичное обоснование решений, а военная – комплекс профессиональных документов и регламентов, которые крайне редко оказываются в открытом доступе¹. Одна-

¹Карасик В. И. О типах дискурса. 2012. URL: <http://www.rus-lang.com/education/discipline/philology/disrurs/material/material2/> (дата обращения: 23.02.2025).

ко в ситуациях, когда эти сферы смыкаются, возникает усеченная, но экспрессивная подача информации – интерпретация военной стратегии в публицистическом пространстве. По замечаниям Т. Н. Хомутовой и К. А. Наумовой, такое «сращение» военных и политических элементов становится особенно явным при масштабных операциях, нуждающихся в обретении легитимности как среди партнеров, так и в глазах собственного населения [Хомутова, 2017; Наумова, 2019].

В текстах, где обсуждаются лингвокогнитивные стороны государственного и военного управления, во многом подтверждается гипотеза о том, что речь в данном случае не сводится к сухому протоколу. На практике создается полноценный массив текстов, осуществляющих пропагандистскую и персуазивную функцию. В это поле входят официальные выступления в международных организациях, заявления министерств обороны, информирование граждан о тактических успехах. Все эти тексты создаются по политическим мотивам, а их стилистика представляет ценность для лингвистов, желающих понять, каким способом создается образ врага, как оправдывается расширение военной активности и почему общественность зачастую поддерживает силовые методы решения международных споров. Сложность феномена усиливается тем, что в разных культурах существуют традиции употребления военных терминов, ключевых понятий, связанных с безопасностью. К примеру, в китайской лингвокультурной традиции многое строится на идеях «великой гармонии» и коллективной защиты, тогда как в русскоязычных и англоязычных материалах исторически утвердились иные способы аргументации, акцентирующие (здесь мы используем слово *акцентирующие* вместо запрещенных форм) национальную идентичность и опору на исторические прецеденты [Дрига, 2022].

В контексте перечисленных наблюдений исследование военно-политического дискурса можно назвать многомерным. Отдельного внимания заслуживает его лингвопереводческая составляющая, поскольку официальные документы в этой сфере требуют точной интерпретации на разные языки, а при публичном оглашении международных заявлений лидер государства или главы военных ведомств обращаются не только к внутренней, но и к внешней аудитории. Проблемы перевода усложняются метафорическим наполнением, прецедентными высказываниями, концептуальными моделями, отсылающими к специфической картине мира. Как следствие, возможно возникновение расхождений при восприятии одних и тех же событий в разных странах. Исследования подобной проблематики получают всё большее распространение

в связи с необходимостью трезвой аналитики того, как именно международное сообщество реагирует на военные действия – через резолюции, санкции, диалоговые форматы, компромиссы. В задачи нашего исследования входит:

- 1) проанализировать характерные особенности военного дискурса;
- 2) выявить присущие ему характеристики и жанры;
- 3) критически осмыслить способы перевода текстов военно-политического дискурса. В работе дается обоснование избранных методических приемов, обсуждаются результаты сопоставлений, а также формулируются выводы и перспективные направления дальнейших штудий.

МЕТОДОЛОГИЯ

Настоящее исследование выполнено с опорой на концепции институциональной коммуникации (наработки В. И. Карасика и его последователей) и тезисы из политической лингвистики, рассматривающей дискурс как комплекс речевых действий, направленных на убеждение, легитимацию или искажение реалий. Использован структурно-семантический анализ текстов, выделение доминирующих метафорических конструкций и описания репертуара терминологических единиц, связанных с военной лексикой. Также применен дискурс-анализ, опирающийся на социопрагматические идеи Т. ван Дейка, который изучал способы репрезентации власти и идеологий в публичных выступлениях. Этот подход позволил уяснить, каким образом военно-политические нарративы производятся, распространяются и воспринимаются обществом.

При сборе материала учитывались выступления высших должностных лиц, комментарии военных экспертов и статьи в государственном медиапространстве, отражающие интерпретацию текущих вооруженных конфликтов. Особое внимание уделено текстам, опубликованным на сайте ведущих новостных агентств, публичным заявлениям первых лиц государства и представителей министерств обороны, а также содержанию международных переговоров на уровне Совбеза ООН, НАТО и др. Сопоставительный вектор возник благодаря привлечению материалов на русском, английском и китайском языках: изучались переводческие эквиваленты понятий «безопасность», «удар возмездия», «глобальная угроза», «стабильность», «миротворческая операция». При этом ключевой интерес (применим термин «основополагающий интерес», избегая «ключевой») вызывали случаи метафоризации, имеющие стратегическую нагрузку

при описании противника или обосновании военных действий [Шашок, 2019].

Выполнена классификация жанровых разновидностей: официальные военные документы (приказы, доктрины, внутренние распоряжения), публичные выступления (речи, заявления на конференциях), интервью военных и политических лидеров, публикации в прессе. Из каждой группы выбрано определенное количество текстов для лингвистического анализа с опорой на метод контент-анализа. Привлекались также приемы когнитивного моделирования, когда исследователь определяет основной набор концептов, которые скрепляют структуру текста, выявляя способы оценки собственной военной силы, противостоящей стороны и общественных реакций. Для определения интенсивности метафор в переводе применялись наработки К. де Ландтшер по выявлению коэффициента метафорической силы¹. Помимо этого, в ходе анализа рассматривались фреймовые модели перевода, демонстрирующие, какие трансформации помогают добиться смысловой точности [Хайруллин, 1995].

Корпус проанализированных текстов насчитывает несколько десятков официальных документов, связанных с мероприятиями по обороне, заявлениями глав государств, которые содержат установочные высказывания относительно угроз национальной безопасности. Общий объем материалов превысил 100 тыс. слов, что позволило провести статистическое исследование частотных лексем и выявить ряд устойчивых коллокаций. Данные результаты сопоставлялись с положениями отечественных и зарубежных исследователей о том, как внутри военно-политического поля реализуется коммуникативная стратегия убеждения или конфронтации, и в какой степени это отражается в языке массмедиа.

РЕЗУЛЬТАТЫ

В ходе проведенного исследования было отмечено, что сочетание военной и политической составляющих в одном дискурсивном пространстве порождает гибридные тексты, адресованные широкой аудитории. Анализ позволяет сделать вывод, что многие публичные заявления, имеющие вид оперативных сводок или пресс-релизов, одновременно включают эмоциональные аргументы с целью оправдать уже принятое решение о начале или продолжении боевых действий. В таких сообщениях обнаруживаются характерные признаки пропаганды. Среди них особенно заметна

¹Прив. по: Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику: учеб. пособие. Изд. 4-е, испр. и доп. М.: Либроком, 2013.

тенденция акцентировать позитивный образ собственных вооруженных сил и негативно описывать противника, что свидетельствует о поляризации «мы – они» и направлено на поддержку внутренней солидарности.

Обнаружено, что лексика военно-политического дискурса включает в себя как профессиональные термины («оперативная зона», «стратегическое планирование», «маневренные действия», «мобилизационные меры»), так и образные выражения («защита рубежа свободы», «противостояние темной силе», «сдерживание хаоса»). Порой данные выражения могут быть намеренно драматизированы, чтобы вызвать у населения тревожные или героические ассоциации. Примером служат обращения к народу, где спикер призывает к решительным действиям, ссылаясь на великую историческую миссию или цитируя авторитетных полководцев прошлого. Использование лексики такого рода способствует формированию у адресата ощущения неизбежности силовых мер, а также порождает стойкую эмоциональную реакцию: гордость, страх, негодование, сочувствие.

Существенным итогом стал выявленный набор коммуникативных стратегий, сквозных для военно-политического взаимодействия. Первая – это убеждение в правомерности применения силы. Вторая – дискредитация противной стороны через акцентирование ее нелегитимных действий или моральных пороков. Третья – мобилизация и апелляция к единству граждан перед лицом внешней угрозы. Особую роль здесь играют метафорические конструкции, которые проводят линию между хаосом и порядком, добром и злом, собственными добродетельными намерениями и алчными замыслами врагов. Эти установки систематически встраиваются в публичные сообщения, стенограммы совещаний, внутрисоветские военные доктрины, а также международные заявления, что подтверждается данными критического дискурс-анализа.

В ходе изучения межкультурного аспекта выяснилось, что в китайскоязычном корпусе наблюдается тенденция к более образному описанию военного взаимодействия с элементами традиционной символики, тогда как в русскоязычных и англоязычных документах акцент часто смещается на историю крупных конфликтов XX века и опыт мировых войн. Это создает определенные сложности при переводе, поскольку словообразовательная специфика, исторические аллюзии и культурно детерминированные фразеологизмы требуют дополнительных пояснений или трансформаций. Переводческие решения, основанные на фреймовых моделях, помогают сгладить эти

расхождения, но при этом не всегда передается исконная экспрессия оригинала. Многие авторы подтверждают, что в результате может искажаться общее впечатление, особенно когда речь идет о формировании политической легитимности военных действий [Хомутова, 2017].

Разграничение военного, политического и собственно военно-политического дискурса становится более наглядным, если сравнивать жанры, где преобладает регламентированная канцелярская речь (приказы, боевые уставы) и тексты, ориентированные на публику (выступления военных лиц в парламенте, брифинги для прессы, интервью высшего руководства). Там, где политическая коммуникация выходит на первый план, формулировки обретают эмоциональную окраску. В исследованном корпусе не менее трети текстов содержали обороты, мотивирующие население и участников военных операций к поддержке решений командования. Подобная пропагандистская окраска резонирует с тезисами о массовом мнении, которые ранее разрабатывались в контексте изучения тоталитарных и авторитарных пропагандистских моделей.

Таким образом, полученные результаты демонстрируют стратегическое использование лингвистических инструментов в том, что мы обозначаем как военно-политический дискурс. Здесь совмещаются рациональное доведение информации и ярко выраженный эмоциональный фон, опирающийся на парадигму «защита, оправданная историей и моралью, против враждебных посягательств и несправедливости». Исследование таких формул в сопоставлении разных языковых систем подтверждает универсальность обозначенной коммуникационной схемы, при этом национальная специфика связана, в частности, с объемом метафорической экспрессии и отсылками к культурно значимым событиям прошлого.

Исходя из вышесказанного, комплексное исследование военно-политического дискурса указывает на то, что эта область привлекает представителей многих дисциплин: лингвисты обращают внимание на речевые механизмы убеждения, военные социологи анализируют восприятие обществом решений о применении силы, а политологи фокусируются на процедурах легитимации власти. С лингвистической точки зрения интерес вызывает переход сугубо военных документов, обладающих внутренней регламентацией и ограниченным доступом, в публичное пространство. Публичная риторика политиков и высших военачальников зачастую опирается на драматизацию угрозы, что необходимо для консолидации населения. При этом реальная картина боевых действий может подаваться фрагментарно, а формулировки тяготеют к театрализации.

Другая сторона военно-политического дискурса отражается в том, что как только военные решения выходят на уровень публичных международных трибун, будь то заседание Совбеза ООН или встреча лидеров G20, наступает необходимость соблюдать дипломатический этикет. Там особое распространение получает эвфемистическая тональность: реальное военное вторжение может быть названо «точечной операцией» или «превентивными действиями по обеспечению стабильности». Это создает определенный парадокс, когда официальные лица, описывая военные операции, стараются придать им статус естественной реакции на внешние угрозы, нередко упоминая некие универсальные принципы (права человека, мировой порядок) для рационализации своих действий. Подобные ситуации демонстрируют, что военно-политический дискурс, несмотря на наличие военных терминов, стремится вписаться в рамки международного права и гуманитарных ценностей, по крайней мере в декларативном виде.

При анализе перевода обнаруживаются дополнительные трудности. Во-первых, разные языки содержат неодинаковую военную лексику и разнообразные традиции метафорического описания боевых действий. Во-вторых, в политическом поле каждое слово может иметь идеологический оттенок. Термин «террористические элементы», к примеру, позволяет одновременно придать противной стороне негативный статус, не уточняя ее мотивов или степени реальной опасности. Это создает затруднения при переводе в тех случаях, когда в языке-цели отсутствует столь же интенсивный отрицательный коннотат. Подобные наблюдения совпадают с тем, что указывает В. З. Демьянков: перевод политических и военных документов лежит в области соприкосновения филологии, политологии и права, что требует особого уровня лингвокультурной компетенции [Демьянков, 2002].

Еще один важный момент возникает на стыке лингвокогнитивных исследований и исторических опытов применения силы. Многие современные дискурсы о вооруженных конфликтах воспроизводят наработанные клише Второй мировой войны или холодной войны, адаптируя их к текущим обстоятельствам. Сравнительный анализ текстов, отражающих операции на Ближнем Востоке, показывает, что в них используются сходные схемы аргументации, которые задействовали и политики во время прошлых войн: демонизация противника, увязывание собственных действий с некой моральной миссией, призыв к единству перед лицом глобальной угрозы. В таких приемах, как отмечают Т. Н. Хомутова и К. А. Наумова, наиболее ярко проявляется политическая часть дискурса, которая тесно

смыкается с военной [Хомутова, 2017; Наумова, 2019]. Сам факт обращения к историческим аналогиям позволяет строить преемственность, защищающую принятые решения.

Анализ работ зарубежных исследователей дает похожие результаты. Например, Т. ван Дейк выделяет стратегию позитивной презентации себя и негативной презентации оппонента, что служит каркасом для многих публичных обсуждений боевых операций. Дж. Лакофф рассматривает метафору противостояния как глубинный элемент политического сознания, где «борьба добра со злом» становится «театром», в котором одна сторона обречена играть роль негативного персонажа [Лакофф, Джонсон, 2004]. Хотя мы стараемся избегать слова *роль*, можно сказать – ее «функция» в дискурсе сводится к тому, чтобы оправдать внешнее вмешательство. Метафорическая составляющая такой стратегии усиливается, если государственные лидеры ссылаются на собственную исключительную миссию. Это подтверждается многочисленными обращениями к патриотическим символам, к историческим прецедентам национального героизма, создавая своеобразную манихейскую риторику – «мы и наша благородная цель против опасной силы» [Мавлеев, 2019, с. 246].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение полученных данных дает основание утверждать, что классическое деление на «чисто военный» и «чисто политический» дискурс в современных условиях нередко условно. Военная информация стремительно выводится на политическую арену, а политики придают ей эмоциональную форму, которая затем многократно тиражируется

медиа. Этой коммуникативной повесткой владеют высокие должностные лица, чьи высказывания легитимируют масштабные решения, а общество реагирует на них в ключе заданных официальных интерпретаций или альтернативных мнений. В итоге формируется затейливое пространство, где взаимодействуют пропагандистские материалы, военная документация, экспертные комментарии, дипломатические заявления. Их комплекс и есть тот самый военно-политический дискурс, требующий внимания со стороны лингвистов, переводчиков и специалистов по международным отношениям.

Обозначенные результаты и их обсуждение отнюдь не исчерпывают проблемы. Тема нуждается в дальнейших штудиях, направленных на исследование гендерных или региональных различий: например, как строится риторика применения силы в различных точках мира. Не менее важно расширить корпус текстов и привлечь инструменты компьютерной лингвистики для более масштабных контент-анализов. Особенно перспективными могут оказаться работы, посвященные сопоставлению русскоязычного и китайскоязычного военных словарей в XXI веке, поскольку два государства всё более тесно взаимодействуют в оборонной и дипломатической сферах. Кроме того, остается не до конца раскрытым вопрос воздействия современных технологий (социальных сетей, мессенджеров) на характер и скорость распространения военно-политической риторики. Всё это подтверждает, что имманентное изучение подобных речевых практик открывает широкие горизонты, а результаты могут принести практическую пользу для перевода, консультаций в сфере безопасности и международного права, а также для развития теоретических моделей дискурс-анализа.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Карасик В. И. Общие проблемы изучения дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс. Волгоград: Перемена, 2000. С. 5–20.
2. Хомутова Т. Н. Военно-политический дискурс как особый тип дискурса // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 14. № 3. С. 49–53.
3. Наумова К. А. Контент-анализ военно-политического и военно-публицистического форматов дискурса в сопоставительном аспекте // Политическая лингвистика. 2019. № 3 (75). С. 96–105.
4. Мишкоров Э. Н. Современный военно-политический дискурс: номинация, функции, девиация языка, транслят // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2020. № 2. С. 88–105.
5. Van Dijk T. A. *Communicating Ideologies* / Ed. by M. Ptz, Jo Anne Neff van Aertselaer. Frankfurt: Lang, 2004.
6. Швейцер А. Д. Перевод и культурная традиция // Перевод и лингвистика текста: сб. статей. М.: Всероссийский центр переводов, 1994. С. 64–75.
7. Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995.
8. Дрига М. В. Конститутивные признаки военно-политического дискурса // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2022. № 1. С. 41–49.

9. Шашок Л. А. Структурные особенности военного дискурса: обоснование необходимости исследования // Актуальные вопросы филологических наук: материалы VI Международной научной конференции (г. Краснодар, январь 2019 г.). Краснодар: Новация, 2019. С. 9–13.
10. Демьянков В. З. Политический дискурс как предмет политологической филологии // Политическая наука. 2002. № 3. С. 31–44.
11. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2004.
12. Мавлеев Р. Р. Военно-политический дискурс: социально-коммуникативные, лингвокогнитивные и переводческие аспекты: на материале китайского и русского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 2019.

REFERENCES

1. Karasik, V. I. (2000). Common problems of studying discourse. In *Linguistic personality: institutional and personal discourse* (pp. 5–20). Volgograd: Peremena. (In Russ.)
2. Homutova, T. N. (2017). Military-political discourse as a special type of discourse. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 14(3), 49–53. (In Russ.)
3. Naumova, K. A. (2019). Content analysis of military-political and military-journalistic discourse formats in a comparative aspect. *Politicheskaja lingvistika*, 3(75), 96–105. (In Russ.)
4. Mishkurov, E. N. (2020). Modern military-political discourse: Nomination, functions, language deviation, translation. *Bulletin of Moscow University. Series 22: Theory of Translation*, 2, 88–105. (In Russ.)
5. Van Dijk, T. A. (2004). *Communicating Ideologies*. Ed. by M. Ptz, Jo Anne Neff van Aertselaer. Frankfurt: Lang.
6. Shvejcer, A. D. (1994). Translation and cultural tradition. *Perevod i lingvistika teksta* (pp. 64–75): The digest of articles. Moscow: Vserossijskij centr perevodov. (In Russ.)
7. Hajrullin, V. I. (1995). Linguistic, cultural and cognitive aspects of translation: Senior doctoral thesis in Philology. Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. (In Russ.)
8. Driga, M. V. (2022). Constitutive features of military-political discourse. *Bulletin of the Russian New University. Series: Human in the Modern World*, 1, 41–49. (In Russ.)
9. Shashok, L. A. (2019). Structural features of military discourse: Rationale for the necessity of research. *Actual issues of philological sciences* (pp. 9–13): Materials of the VI International Scientific Conference (Krasnodar, January 2019). Krasnodar: Novatsiya. (In Russ.)
10. Dem'jankov, V. Z. (2002). Political discourse as a subject of political science philology. *Politicheskaja nauka*, 3, 31–44. (In Russ.)
11. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafory, kotorymi my zhivem = Metaphors We Live by*. Editorial URSS. (In Russ.)
12. Mavleev, R. R. (2019). Military-political discourse: Socio-communicative, linguistic-cognitive, and translation aspects: Based on Chinese and Russian languages: PhD thesis in Philology. Moscow. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тенитлов Павел Сергеевич

кандидат педагогических наук
заместитель начальника кафедры романских языков Военного университета им. князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации

Мазура Лидия Константиновна

адъюнкт Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Tenitilov Pavel Sergeevich

PhD in Pedagogy
Deputy Head of the Chair for Romance Languages
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Mazura Lidia Konstantinovna

PhD Student
Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Статья поступила в редакцию	15.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	12.04.2025	
принята к публикации	19.04.2025	

Научная статья
УДК (81:159.95+81'373.612.2):811.111

Метонимическая мотивация концептуальной метафоры в англоязычных мультимодальных эвфемистических комплексах

М. О. Чирвоная

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
mchirvonaya@list.ru*

Аннотация. Цель работы – исследовать функции концептуальной метафоры, мотивированной метонимией, в мультимодальных эвфемистических комплексах. Используются методы концептуального анализа, гипотетико-дедуктивный метод, метод дефиниционного анализа, метод культурологической интерпретации единиц. Дается описание моделей реализации метонимических концептов в составе метафорических конфигураций, которые лежат в основе семантики мультимодальных эвфемистических комплексов английского языка. Данные модели представляют собой разные виды корреляции концептуальной метонимии и концептуальной метафоры в составе мультимодального комплекса. В рамках всех выделенных моделей независимо от их структуры наблюдается понижение степени эвфемистического потенциала результирующего комплекса по сравнению с его отдельными элементами.

Ключевые слова: концептуальная метонимия, мультимодальная метонимия, метонимическая модель, метонимический триггер, концептуальная метафора, мультимодальный эвфемистический комплекс

Для цитирования: Чирвоная М. О. Метонимическая мотивация концептуальной метафоры в англоязычных мультимодальных эвфемистических комплексах // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 98–103.

Original article

Metonymic Motivation of Conceptual Metaphor in English Multimodal Euphemistic Complexes

Maryia O. Chyrvonaya

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
mchirvonaya@list.ru*

Abstract. The purpose of this article is to consider the functions of conceptual metaphor, motivated by metonymy, in multimodal euphemistic complexes. The methods of conceptual analysis, hypothetico-deductive method, definitional analysis method, and method of cultural interpretation of linguistic units are used. The article describes the models of realization of metonymic concepts in the composition of metaphorical configurations that underlie the semantics of English multimodal euphemistic complexes. These models represent different types of correlation of conceptual metonymy and conceptual metaphor within a multimodal complex. Within the framework of all the identified models, regardless of their structure, a decrease in the degree of euphemistic potential of the resulting complex is observed in comparison with its individual elements.

Keywords: conceptual metonymy, multimodal metonymy, metonymic model, metonymic trigger, conceptual metaphor, multimodal euphemistic complex

For citation: Chyrvonaya, M. O. (2025). Metonymic motivation of conceptual metaphor in English multimodal euphemistic complexes. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 98–103. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В статье предпринята попытка проанализировать концептуальные механизмы появления мультимодальных эвфемистических комплексов в рамках когнитивной парадигмы лингвистического учения. Интерес исследователей к изучению концептуальных оснований различных языковых явлений возрос после выхода в свет в 1980 году работы Дж. Лакоффа и М. Джонсон «Метафоры, которыми мы живем» [Лакофф, Джонсон, 2004].

Исходя из цели исследования, в задачи статьи входит: определить модели реализации концептуальной метафоры с метонимическим триггером в эвфемистических мультимодальных комплексах; установить влияние выявленных концептуальных моделей на эвфемистический потенциал единиц.

Исследование обусловлено необходимостью углубленного изучения принципов конструирования семантики мультимодальных единиц разных жанров в интернет-коммуникации.

Научная новизна статьи заключается в том, что концептуальные модели эвфемизации и дисфемизации в мультимодальных комплексах ранее не становились предметом специального изучения.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ МЕТАФОРА И МЕТОНИМИЯ. ИХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

В книге «Метафоры, которыми мы живем» Дж. Лакофф и М. Джонсон утверждают, что личный опыт человека в процессе его взаимодействия с окружающими предметами непременно получает отражение в языке и становится основой для формирования новых знаний о мире, основой для получения нового опыта [Лакофф, Джонсон, 2004]. В частности, знание о движении по вертикальной и горизонтальной оси – это то, к чему люди приобщаются при непосредственном взаимодействии с объектами реального мира, а абстрактные и более сложные явления в нашем сознании могут пониматься через подобные простые явления как расширение этих знаний. Так, произнося «Он находился в моем поле зрения», мы концептуализируем поле зрения как вместилище (контейнер), а то, что мы видим – это находящееся в нем. Такой подход называется авторами метафорическим, и пример демонстрирует, что метафора – средство формирования более сложных языковых значений. Наряду с концептуальной метафорой, поднимается и проблема концептуальной метонимии. Принципиальным отличием между двумя явлениями авторы называют их функции: концептуальная метафора обладает функцией обеспечения понимания, у концептуальной метонимии важнейшая функция – функция референции [там же].

Концептуальная метафора и концептуальная метонимия в основе семантики эвфемизмов различных языков уже становились предметом специального изучения лингвистов [Порохницкая, 2014; Порохницкая, Чирвоная, 2023]. Исследования показали, что эти два когнитивных явления не только позволяют формироваться эвфемизмам в языке, но и способствуют свободному заимствованию эвфемистических единиц из одного языка в другой. Данные возможности обусловлены тем, что в разных языках существует единая концептуальная база формирования семантики эвфемизмов, а механизмы конструирования их значения – концептуальная метафора и концептуальная метонимия [Порохницкая, 2014].

Концептуальная метонимия и метафора рассматриваются лингвистами как два строго ограниченных феномена. Несмотря на это, в ряде исследований отмечается, что метафора может взаимодействовать с метонимией в составе единого механизма метафтонимии [Шарманова, 2011; Хахалова, Третьякова, 2021]. Возможность слияния данных ментальных механизмов обусловлена тем, что метафора и метонимия в своей основе имеют ассоциативный принцип, в связи с чем, один объект действительности может как частично представлять другой, так и восприниматься метафорически [Шарманова, 2011, с. 194].

Л. Гуссенс выделяет три типа метафтонимии на основе взаимодействия метафоры и метонимии в их составе: 1) метафора из метонимии; 2) метонимия внутри метафоры; 3) метафора внутри метонимии [прив. по: Шарманова, 2011].

Однако не все лингвисты согласны с данной теорией ввиду разнообразных причин. Одни исследователи говорят о расширении метафоры метонимией, другие выделяют лишь метафоры на основе метонимии и т. д. [там же].

Следует отметить, что в данной работе мы сознательно абстрагируемся от термина «метафтонимия», так как в случае с мультимодальными комплексами именно метонимический концепт как правило инициирует метафору, задавая фокусировку всей концептуальной структуры. Других возможных способов сочетания метафоры и метонимии для формирования иных типов метафтонимии, о которых говорилось выше, обнаружено нами не было.

Л. В. Порохницкая при описании метафоры, базирующейся на метонимии, говорит о действии метонимического триггера, при котором метонимический концепт метафорически усложняется [Порохницкая, 2020]. Поскольку для нашей работы именно такой тип взаимодействия двух когнитивных механизмов является актуальным, в дальнейшем мы придерживаемся данного термина.

В ходе предыдущих исследований роли метонимического триггера в составе концептуальной метафоры было установлено, что при метафорическом усложнении метонимического концепта в семантике эвфемизма метафора такого типа может обладать двумя противоположными функциями. Первая модель реализации данного типа метафоры предполагает снижение эвфемистического потенциала единицы. Во второй модели эвфемистический потенциал единицы, напротив, повышается [Порохницкая, 2020].

В данной работе впервые делается попытка проанализировать роль метонимического триггера в мультимодальных эвфемистических комплексах. Основной гипотезой настоящего исследования явилось предположение о том, что в мультимодальных эвфемистических единицах, так же как и в мономодальных эвфемизмах, может наблюдаться действие метонимического триггера.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗНООБРАЗИЕ В МУЛЬТИМОДАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Считается, что термин «мультимодальный» возник в лингвистике благодаря сторонникам взглядов М. Хэллдея (Г. Кресс, Т. ван Левен, Б. Ходж), которые говорили о необходимости анализа мультимодальных языковых явлений, так как коммуникация не может сводиться лишь к вербальному компоненту в ее составе [Jewitt, 2013].

С ростом интереса к исследованию коммуникации, в которой сочетаются одновременно как вербальная, так и визуальная составляющие, в отечественной и зарубежной лингвистике обнаруживается расхождение в терминологии. «В зарубежных исследованиях для обозначения текстов, объединяющих разные семиотические компоненты, используется термин “мультимодальный текст”, а анализ рисунков и других неречевых аспектов коммуникации известен как мультимодальный анализ» [Детинко, Куликова, 2017, с. 34].

На данный момент в англоязычных трудах под термином «мультимодальное исследование» понимается анализ текста, содержащего две или более модальности. Модальным в таких работах считается каждое измерение создания смысла. Таким образом, для лингвистов, работающих в рамках мультимодальных исследований, всё чаще становится актуальным изучение комбинации изображения и текста [Forceville, 2011].

Среди взглядов отечественных лингвистов можно выделить большее расхождение в «мультимодальной» терминологии. А. А. Кибрик считает, что термин «мультимодальный» в первую очередь указывает на разграничение и различие между

каналами восприятия информации человеком. Так, А. А. Кибрик, отмечая, что жесты, направление взгляда, мимика – это важные элементы для визуального канала восприятия [Кибрик, 2010, с. 148].

Следуя данной традиции, другие исследователи мультимодальных сообщений выделяют средства, играющие роль в передаче такого рода сообщения. Данные средства включают в себя: фонационные компоненты (тембр, темп, громкость и т. п.), кинетические (движение рук, жесты головы и т. п.), графические (графическое распределение текста, шрифт, др.) [Полимодалные измерения дискурса, 2022].

Термины «мультимодальный» и «полимодалный», по мнению О. К. Ирисхановой, не разграничиваются отечественными лингвистами. Термины «поликодовый» и «мультимодальный» разграничиваются в соответствии с разницей в терминах «модальность» и «код» [там же].

А. Г. Сонин, в свою очередь, отмечает, что поликодовые тексты апеллируют к зрительному восприятию, а полимодалные к нескольким перцептивным каналам [Сонин, 2006].

В ряде исследований мультимодального текста отечественные лингвисты придерживаются такого же взгляда на термин «мультимодальный», что и зарубежные [Таймур, 2020; Сабадин, 2022; Антонникова, 2023].

В данной работе мы следуем положению о том, что мультимодальным текстом называют текст, в котором вербальная информация сочетается с изображением.

АНАЛИЗ МЕТОНИМИЧЕСКИ МОТИВИРОВАННЫХ МЕТАФОР В МУЛЬТИМОДАЛЬНЫХ ЭВФЕМИСТИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ

Для анализа мультимодальных эвфемистических комплексов, в которых обнаруживается действие метонимического триггера, в качестве материала исследования мы отобрали 283 мультимодальные эвфемистические единицы. Эвфемистичность вербальных компонентов верифицировалась нами при помощи авторитетных словарей эвфемизмов и сленга английского языка¹. Данные единицы относятся к трем различным видам дискурса: 1) рекламный дискурс (коммерческая и социальная реклама); 2) информационный дискурс (представление продукции через неотъемлемые признаки продукта); 3) лайфстайл-дискурс (транслирование через истории различных людей их образа жизни, здоровых привычек, времяпрепровождения и т. д.).

¹Holder R. W. How Not To Say What You Mean: A Dictionary of Euphemisms. Oxford: Oxford University Press, 2002; Ayto J. The Oxford Dictionary of Slang. Oxford: Oxford University Press, 1998.

Проиллюстрируем на примерах, как концептуальная метафора, в основе которой лежит метонимия, реализуется в мультимодальных эвфемистических комплексах и каким образом происходит конструирование эвфемистического смысла всего лингво-визуального комплекса.

Рассмотрим первую модель формирования концептуальной метафоры на основе метонимии¹ (рис. 1).

В рамках данной модели наблюдается метафорическое усложнение метонимического концепта «period» благодаря активизации зооморфной метафоры. Результирующий метафорический концепт «shark week» не подкреплен визуальным образом. Для данной модели характерна наиболее высокая степень эвфемизации всего комплекса.

Далее представлен второй выделенный нами способ актуализации метонимических концептов в структуре метафорической конфигурации² (рис. 2).

В данном случае метафорическое усложнение цветового метонимического концепта «crimson» происходит благодаря активизации концепта блока природных явлений «tide». Наблюдается более низкая степень эвфемистического потенциала конфигурации по сравнению с первой моделью, что обусловлено параллельной реализацией зеркальной вербальной метафоры: имеет место актуализация метафорического концепта «tide» одновременно на двух уровнях (визуальном и вербальном).

Обратимся к следующему изображению из интернет-рубрики Lifestyle³ (см. рис. 3).

В данном случае метонимический концепт «наступление» нежелательного момента «coming (round)» актуализируется в составе сложного метафорического образа «visit (of a relative)» на двух уровнях (визуальном и вербальном). Нивелированию эвфемистического потенциала всего мультимодального комплекса способствует использование дисфемистической единицы, семантика которой моделируется на базе метафорического концепта «punch». Одновременная реализация концептов «visit (of a relative)» и «punch» приводит к актуализации эффекта обманутого ожидания, что стало распространенным приемом при создании мемов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По итогам проведенного исследования можно сделать некоторые выводы.

¹URL: <https://www.someecards.com/usercards/viewcard/MjAxMi0zMjc-2MjA1ZjJlMDAyNWYx/> (дата обращения: 14.03.2025).

²URL: <https://www.stickycomics.com/tag/tampon/> (дата обращения: 14.03.2025).

³URL: <https://www.buzzfeed.com/kirstenking/aunt-flo-is-in-town> (дата обращения: 14.03.2025).

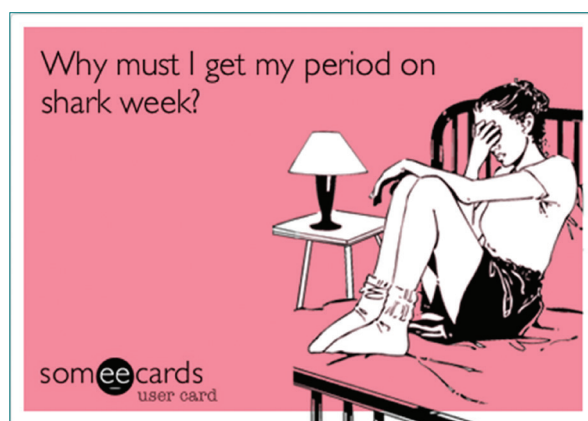

Рис. 1

Рис. 2

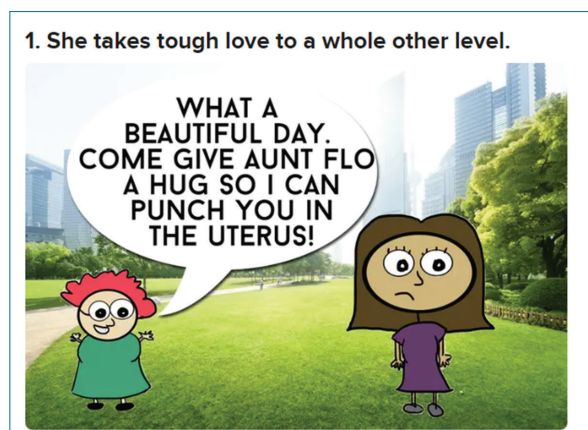

Рис. 3

В англоязычных мультимодальных эвфемистических комплексах, представляющих разные жанры интернет-коммуникации, метонимический триггер может быть реализован как имплицитно, так и эксплицитно.

Усложнение метонимического концепта в составе метафорической конфигурации происходит благодаря активизации соответствующих сегментов всех концептуальных блоков, которые могут быть задействованы в конструировании семантики мономодальных эвфемистических единиц (природные явления, зооморфные и фитоморфные концепты, социальная деятельность).

Метафорическое развитие исходного метонимического концепта может происходить только на вербальном уровне и не подкрепляться визуальным изображением. В этом случае визуальный образ, как правило, моделируется на базе исходного метонимического концепта (метонимического триггера). Лингвовизуальные комплексы, имеющие в своей основе действие описанной модели, обладают наибольшей степенью эвфемистического потенциала. Такие комплексы могут принадлежать к разным жанрам интернет-коммуникации (информативный, развлекательный, коммуникативный, презентационный).

В случае, когда метафорическое усложнение исходного метонимического концепта происходит на двухуровнях (вербальном и визуальном), наблюдается снижение эвфемистического потенциала

результатирующего комплекса, так как визуальный образ во многих случаях характеризуется излишней графичностью. Такие лингвовизуальные комплексы обычно относятся к развлекательным жанрам интернет-коммуникации.

Наименьшей степенью эвфемистического потенциала обладают мультимодальные единицы, в которых метафорическое усложнение исходного метонимического концепта сопровождается дальнейшим развитием благодаря включению соседних участков концептуального базиса («визит тети» – «объятие» – «удар»). Такое дополнительное усложнение, связанное с активизацией далеких друг от друга концептуальных сегментов («прием гостей» – «драка»), может инициировать использование дисфемистических единиц на вербальном уровне и гротескное визуальное изображение, характерное для жанра мемов.

Данное исследование может быть продолжено изучением концептуальных оснований лингвовизуальных комплексов эвфемистической направленности, репрезентирующих как классические сферы эвфемизации, так и современные, политкорректные области.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: пер. с англ. / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004.
2. Порохницкая Л. В. Концептуальные основания эвфемии в языке (на материале английского, немецкого, французского, испанского и итальянского языков): автореф. дис ... д-ра филол. наук. М., 2014.
3. Порохницкая Л. В., Чирвоная М. О. Метонимические модели эвфемизации в разноструктурных языках // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2023. № 10 (878). С. 72–76. DOI 10.52070/2542-2197_2023_10_878_72. EDN PNMDAN.
4. Шарманова О. С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2011. Вып. 1. С. 194–200.
5. Хахалова С. А., Третьякова Е. В. Случаи конвергенции метафоры и метонимии и функционирование метафтонимии в рекламном туристском дискурсе Германии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 122–126.
6. Порохницкая Л. В. Метонимический триггер в эвфемии // Филологические науки. Доклады высшей школы. 2020. Вып. 6. С. 25–29.
7. Jewitt C. Multimodal Methods for Researching Digital Technologies // The SAGE Handbook of Digital Technology Research. London: SAGE Publications Ltd, 2013. Chapter 17. P. 250–265.
8. Детинко Ю. И., Куликова Л. В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа: монография. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017.
9. Forceville C. J. Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication // Journal of Pragmatics. 2011. Vol. 43 (14). P. 3624–3626.
10. Кибрик А. А. Мультимодальная лингвистика // Когнитивные исследования: сборник научных трудов. М.: Институт психологии РАН, 2010. Вып. 4. С. 135–152.
11. Полимодальные измерения дискурса / отв. ред. О. К. Ирисханова. 2-е изд. М.: ЯСК, 2022.
12. Сонин А. Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 2006.
13. Таймур М. П. Смешанные вербально-графические метафоры в рекламе (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. Вып. 6 (835). С. 127–139.
14. Сабадин С. Т. М. Ж. П. Смешанные тексты: креолизованный vs поликодовый vs мультимодальный // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. Т. 15. № 6. С. 2017–2023. DOI 10.30853/phil20220297. EDN RUUZWK.

15. Антонникова А. С. Трактовки феноменов «поликодовый текст» и «мультимодальный текст» в работах зарубежных и отечественных исследователей // Журнал филологических исследований. 2023. Т. 8. № 2. С. 76–81.

REFERENCES

1. Lakoff, G., Johnson, M. (2004). *Metafori, kotorymi my zhivem = Metaphors we live by*. Ed. by A. N. Baranov. Moscow: Editorial URSS. (In Russ.)
2. Porokhnitskaya, L. V. (2014). *Kontseptual'nye osnovaniya evfemii v yazyke (na materiale angliiskogo, nemetskogo, frantsuzskogo, ispanskogo i italianskogo yazykov) = Conceptual foundations of euphemism in language (based on the material of English, German, French, Spanish and Italian languages): abstract of Senior doctoral thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
3. Porokhnitskaya, L. V., Chivronaya, M. O. (2023). *Metonymic Models of Euphemization in the Differently Structured Languages*. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 10(878), 72–76. DOI 10.52070/2542-219720231087872. (In Russ.)
4. Sharmanova, O. S. (2011). *Metaphtonymy as the conceptual interaction of metaphor and metonymy*. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 1, 194–200. (In Russ.)
5. Hakhalova, S. A., Tretyakova, E. V. (2021). *Cases of Metaphor and Metonymy Convergence and Metaphtonymy Functioning in Advertising Tourist Discourse of Germany*. *Philology. Theory & Practice*, 14(1), 122–126. (In Russ.)
6. Porokhnitskaya, L. V. (2020). *Metonymic trigger in euphemy*. *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 6(1), 25–29. (In Russ.)
7. Jewitt, C. (2013). *Multimodal Methods for Researching Digital Technologies*. In *The SAGE Handbook of Digital Technology Research* (chapter 17, pp. 250–265). London: SAGE Publications Ltd.
8. Detinko, Yu. I., Kulikova, L. V. (2017). *Politicheskaya kommunikatsiya: opyt multimodal'nogo i kriticheskogo diskurs-analiza = Political Communication: An Experience of Multimodal and Critical Discourse Analysis*. Krasnoyarsk: Siberian Federal University. (In Russ.)
9. Forceville, C. J. (2011). *Multimodality: A Social Semiotic Approach to Contemporary Communication*. *Journal of Pragmatics*, 43(14), 3624–3626. (In Russ.)
10. Kibrik, A. A. (2010). *Multimodal'naya lingvistika = Multimodal linguistics. Kognitivnye issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov*, 4, 135–152. Moscow: Institute of Psychology RAS. (In Russ.)
11. Iriskhanova, O. K. (Ed.). (2022). *Polimodal'nye izmereniya diskursa = Polymodal dimensions of discourse*. 2nd ed. Moscow: LRC Publishing House. (In Russ.)
12. Sonin, A. G. (2006). *Modelirovanie mekhanizmov ponimaniya polikodovykh tekstov = Modeling mechanisms for understanding polycode texts: abstract of Senior doctoral thesis in Philology*. Moscow. (In Russ.)
13. Taymour, M. P. (2020). *Mixed verbal-pictorial metaphors in advertising in English*. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta: Humanities*, 6(835), 127–139. (In Russ.)
14. Sabadin, S. T. M. J. P. (2022). *Mixed Texts: Creolised vs Polycode vs Multimodal*. *Philology. Theory & Practice*, 15(6), 2017–2023. DOI 10.30853/phil20220297. (In Russ.)
15. Antonnikova, A. S. (2023). *Interpretations of the phenomena of “polycode text” and “multimodal text” in the works of foreign and domestic researchers*. *Zhurnal filologicheskikh issledovaniy*, 8(2), 76–81. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чирвоная Мария Олеговна

преподаватель кафедры подготовки преподавателей редких языков
Московского государственного лингвистического университета
аспирант кафедры лексикологии английского языка факультета английского языка
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Chyrvonaya Maryia Olegovna

Lecturer at the Department of Training Teachers of Rare Languages, Moscow State Linguistic University
PhD student of the Department of English Lexicology, Faculty of English, Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	19.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	16.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.111

К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 2

О. Э. Хазанова

*Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия
olga_edwards@inbox.ru*

Аннотация. Цель исследования – описать семантику образа лирического героя в сонетах Шекспира на фоне представлений об истинном и ложном Эросе и иерархии красоты в диалоге Платона «Пир». Предлагается интерпретация образа лирического героя в связи с создаваемыми им масками возлюбленных – «божественного прекрасного», «земной реализации божественного прекрасного», «христианского андрогинизма», в смене которых осуществляется его поиск Абсолюта, подобно тому, как это происходит в диалоге. Также рассматривается образ авторского «я» Шекспира с характерной для него модальной семантикой философского конструктивизма, что делает его созвучным образу автора Платона в «Пире».

Ключевые слова: герменевтика, сонеты Шекспира, «Пир» Платона, А. Ф. Лосев, В. С. Соловьев, Единое (Абсолют), семантика образа, образ автора, маски, интертекстуальность

Для цитирования: Хазанова О. Э. К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 2 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 104–110.

Original article

On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium': Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 2

Olga E. Hazanova

*Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
olga_edwards@inbox.ru*

Abstract The article analyzes the semantics of the image of the lyrical hero in Shakespeare's sonnets with reference to the concepts of the true and false Eros and hierarchy of beauty in Plato's dialogue "Symposium". The lyrical hero is interpreted by means of the masks that he 'creates' for his beloved ones – 'the divine beautiful', 'the earthly realization of the divine beautiful' and 'Christian androgyny' – while searching for the Absolute like it occurs in Plato's dialogue. We also consider Shakespeare's 'self' in the sonnets which embraces modal semantics of the philosophical constructivism and thus suggests a certain affinity to Plato's 'self' as reflected in "Symposium".

Keywords: hermeneutics, Shakespeare's sonnets, "Symposium" by Plato, A. F. Losev, V. S. Soloviev, the Absolute, semantics of characters, the author's self, masks, intertextuality

For citation: Hazanova, O. E. (2025). On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's dialogue "Symposium": Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 2. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 104–110. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Вторая часть статьи продолжает исследование метафизической рецепции образов героев шекспировских сонетов в связи с семантикой «Пира» Платона.

В первой части было показано, как, введя в сонеты двух возлюбленных, Шекспир создал новый для сонетного жанра совокупный образ Прекрасной Дамы, семантически интертекстуальный по отношению к «Пиру». При этом мы отказались от прямого соотношения образов Друга и Леди с Афродитой Уранией и Афродитой Пан-демос Платона, соответственно, указав на сущностное семантическое сходство образов возлюбленных: им несвойственно «порождение в красоте» (необходимый признак небесного по Платону) и, следовательно, оба они относятся, скорее, к поклонникам Афродиты всенародной и соединены с ложным Эросом. Однако Светлый Друг может обрести бессмертие в поэзии лирического героя, поскольку Шекспир предлагает еще один, дополнительно к платоновским, путь к Абсолюту – стать прекрасным художественным образом под пером поэта [Хазанова, 2025, с. 117]. (Этот шекспировский ход напоминает об античном сюжете о Пигмалионе и Галатее, но у сонетной метаморфозы обратный вектор).

Было также указано, что развитие семантики образов Светлого Друга и Темной Леди совершается из глубины семантической сферы лирического героя-Поэта, его воображения, в поэтической игре при создании масок для возлюбленных. Взаимодействие образов Прекрасной Дамы и лирического героя сонетов можно выразить строками Дж. Донна: «If they be two, they are two so As stiff twin compasses are two; Thy soul, the fixed foot, makes no show To move, but doth, if the other do» [Gardner, 1985, с. 73–74]. В контексте шекспировских сонетов это означает, что возлюбленные «оживают» только по воле лирического героя-Поэта. И здесь возможно восприятие возлюбленных даже как фантазируемых фигур – мыслительных абстракций Поэта на его пути постижения «божественного прекрасного», ступеней в платоновской иерархии красоты по мере приближения лирического героя к «пределу» – вечной идее красоты [Хазанова, 2025, с. 117].

Задача статьи двояка: описать семантику образа лирического героя-Поэта на фоне семантики речей «Пира»; провести разграничение семантических областей образа лирического героя и образа автора (или авторского «я» Шекспира в сонетах), затем сопоставить семантику образов автора в сонетах и платоновском диалоге.

МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ

Метод данного исследования включает элементы семантического, интертекстуального и философского анализа.

Интерпретация образа лирического героя-Поэта строится, с одной стороны, через сравнение его внешности, духовных качеств, привычек и занятий с таковыми у Эрота из речи Сократа (т. е. истинного Эроса), а с другой – как семантический анализ меняющихся из сонета в сонет любовных масок, создаваемых лирическим героем для себя и Светлого Друга на пути познания прекрасного, в которых синтезируются смысловые элементы из разных речей «Пира».

Главная семантико-стилевая категория художественного произведения «образ автора», которой принадлежит ведущая роль в процессе рецепции, рассмотрена в статье в связи с теорией функциональных стилей В. В. Виноградова, когда произведение художественной литературы соотносится с другими видами словесности [Рождественский, 1996], в нашем случае – с философским диалогом. Сопоставляются авторские интенции, модальные средства авторского «я» в сонетах и «Пире», выявляются их общие места.

СЕМАНТИКА ОБРАЗА ЛИРИЧЕСКОГО ГЕРОЯ. ИСТИННЫЙ ЭРОТ

«Вечно прекрасное» в сонетном цикле связано с образом лирического героя-Поэта, он наделен чертами истинного Эрота из речи Сократа, он воплощает любящее начало, он – творец и философ; он – бессмертен.

Природа Поэта выстроена по антиномиям, разработанным Платоном для образа Эрота, который «...в один и тот же день ... то живет и расцветает, ... то умирает, но, унаследовав природу отца, оживает опять» [Платон, 1993, с. 204]. В сонете 63, который У. Хэзлитт назвал «Life's decay» / «Угасание жизни» [Hazlitt, 1817], лирический герой не просто немолод и не обладает блестящей наружностью, он раздавлен безжалостным временем: «as I am now, With Time's injurious hand crushed and o'erworn» [Shakespeare, 1994, с. 1233]. Если образ Светлого Друга обычно раскрывается в метафорах весны и лета, то образ Поэта проступает в картине осеннего распада: одинокие листья дрожат на голых ветвях; меркнет закат в преддверии скорой ночи; угасает пламя в камине – так и в лирическом герое проявляется его смертная природа (сонет 73) [там же, с. 1234].

А вот «ожить» по Платону означает «творить», когда творчество охватывает максимально широкое поле смыслов – все то, что ведет к переходу из

небытия в бытие; входит сюда и создание произведений искусства [Платон, 1993]. Своими стихами Поэт и вызывает такой переход в вечность. В сонете 18 читаем о вечных строках, дарящих бессмертие предмету любви. В сонете 54 стихи Поэта о Друге подобны духам (*духам*), сохраняющим аромат роз. Поэзия изображена как действие воскрешения, а ведь это и есть предназначение Эрота.

Об этом пишет Соловьев, когда формулирует задачу Эроса, основываясь на его природе, объединяющей божественное и смертное, которые разделены в универсуме, а в человеке соединяются лишь внешней связью. Отсюда, по Соловьеву, истинная и конечная цель Эроса – сделать саму смертную природу бессмертной, спасти от тления и смерти, переродив в красоте [Соловьев, 1991]. Поэзия, благодаря своей способности избавить от смерти и тления, запечатлеть хрупкое и ускользящее, становится для лирического героя сонетов неким *tertium quid*, которое переживет и его, и возлюбленного. Сонеты к Другу превращаются в главный объект – единственный способный утвердить прекрасное и саму жизнь на фоне угрозы исчезнуть без следа; они обращают размышление читателя на себя, становятся поэзией о поэзии¹.

Склонность к философствованию – другое важное сходство лирического героя с Эротом, каким его описывает в своей речи Сократ. Философской основой многих сонетов выступает понятие «Единого», или «Единства». А. Ф. Лосев указывал, что учение об Абсолюте как единстве, превосходящем любое единство многообразия, развивалось Платоном в его «Государстве», затем неоплатоник Плотин в III веке достроил его, сделав трансцендентное Единое фактом субъективного, интимного человеческого сознания, познаваемым «только в нерасчлененно-восторженном состоянии, в особом рода наитии или испуге, в сверхумном экстазе» [Лосев, 1978, с. 88].

Не является ли описанное состояние в познании абсолютного трансцендентного единства – поэтическим вдохновением, тем озарением, когда муза «диктует», по выражению Ахматовой, и когда творец приближается к Творцу? Если так, то философия Единого очень точно «вручена» Шекспиром лирическому герою-Поэту.

Формальным средством философствования в сонетах становятся маски Светлого Друга; их смелая игра ими по воле Поэта раскрывают разные грани прекрасного. Маски следует отнести к семантическому ядру образа Поэта, так как они характеризуют

¹В этом Шекспир идет вслед своим предшественникам. Так, Лосев пишет о значении для Петрарки художественного произведения самого по себе, его самодостаточной ценности для созерцания [Лосев, 1978].

его искусство облечь любовь поэзией. В них лирический герой создает развернутые именованные красоты, подобно платоновскому ономототету, творящему новые имена. Переходя от одной маски Светлого Друга к другой, Поэт словно сравнивает их, выбирая наиболее правильные именованные. Главные маски, те, что появляются во многих сонетах, – «единое прекрасное», «земное воплощение единого прекрасного», «андрогинная маска» – призваны провести Друга в обитель бессмертных вопреки его собственной нетворческой природе².

Семантика маски «единое прекрасное» (или «метафизически прекрасное», или «божественное прекрасное») коррелирует с семантикой высказывания из речи Сократа о «прекрасном самом по себе», которое «прозрачное, чистое, беспримесное», не обременено «человеческой плотью, красками и всяким другим бременным вздором» и предстает «во всем его единообразии» [Платон, 1993, с. 211].

В сонете 98 благоухание цветов и пение птиц «смоделированы» по образу Друга, выступающего высшим прообразом всего: «They were but sweet, but figures of delight Drawn after you, – you pattern of all those» [Shakespeare, 1994, с. 1237]. В сонете 53 Светлый Друг – метафизическая субстанция с миллионом теней и отражений. Он также объединяет противоположности, молодость и зрелость – аллюзия к речи Эриксимаха из диалога. В сонете 106 поэты всех времен, связанные внутренней связью благодаря работе Эрота, живут в предчувствии единого прекрасного: «So all their praises are but prophecies Of this our time, all you prefiguring» [Shakespeare, 1994, с. 1238]. Поэзия становится чем-то вроде хроник прекрасного (аллюзия также и к речи Федра о древнем Эроте), а лирический герой наследует поэтической задаче выразить Единое, то самое сократовское-платоновское «открытое море красоты» [Платон, 1993, с. 216].

Маска «божественного прекрасного» Светлого Друга семантически обогащает и образ самого лирического героя, поскольку приближает его к состоянию бессмертного из речи Диотимы в диалоге – того, кто познав божественное прекрасное, уже никогда не покидает его и как причастный истине порождает не призрачную, а истинную добродетель; именно такие люди обретают любовь богов и сами бывают бессмертными [там же].

В ряде сонетов Друг выступает в новом качестве: он словно находится в пределах особенного бытия – не обычного, но уже и не абстрактного метафизического. На нем маска «избранника божественного прекрасного», частного земного воплощения

²Ср.: в «Божественной комедии» Беатриче возносит любящего на небо. У Шекспира же, напротив, путеводителем выступает Поэт-творец.

Единого. Шекспир как бы позволяет читателю пережить земную красоту, одновременно не прекращая поиск универсального, посредством которого это частное может быть познано. Эта маска реализуется иными семантическими средствами: здесь уже человек, а не эйдос; возлюбленный, с которым лирический герой расстается, встречается, сравнивает себя и т. д. В сонете 36 говорится о сущностном единстве влюбленных в разлуке; в сонете 37 слава Друга дает Поэту познать о себе «нечто большее»; в сонете 62 лирический герой воображает себя во всем блеске молодости и красоты Друга.

В сонете 38 Поэт шутливо, обращается к предмету любви как к «десятой музе» [Shakespeare, 1994, с. 1229]. Такое творческое единение любящих неоплатоники описывали термином «превращение в любви», что подразумевает трансформацию двоих: отдавая себя другому, любимый возрождается в новом качестве, узнает себя в любящем и живет уже двумя жизнями, в себе самом и в нем. Отсюда любовь рассматривается как «сложное удвоение творческих потенциалов жизни» [Шестаков, 2010, с. 53]. В сонете 24 солнце (образ Единого?) играет с такими влюбленными: «Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me Are windows to my breast, wherethrough the sun Delights to peep, to gaze therein on thee» [Shakespeare, 1994, с. 1228].

Если маска «божественного прекрасного» устремляет взгляд Поэта вверх и вширь, то в маске «избранника прекрасного» поэтическое зрение интроспективно, а Единое становится его пережитым миром. Меняя маски Другу, лирический герой – Поэт ведет поиск сразу в двух направлениях: от Единого к частному и от частных к Единому. Шекспир как бы стремится к подвижной концепции красоты, одновременно созерцательной и аналитической.

Важный аспект Единого реализуется еще в одной маске Светлого Друга – андрогинной, которая составляет семантическую параллель к речи Аристофана. В сонете 20 она выполнена в шутливой модальности: «A woman's face with Nature's own hand painted Hast thou, the master-mistress of my passion» [Shakespeare, 1994, с. 1227], т. е. Светлый Друг способен восполнить любую неполноту до целого.

В сонете 144 андрогинную маску лирический герой примеряет на себя самого, а понятие андрогинизма получает иное, христианское преломление. О таком андрогинизме пишет Соловьев. Поскольку человек, муж и жена, созданы по образу и подобию Божью, то на высоком пути любви возможно восстановить целого человека как божественный образ – это и есть «истинный андрогинизм», согласно Соловьеву, без уродливого смешения форм внешних и без внутреннего конфликта личности и жизни.

По Соловьеву, высшей любовью снимается и другая причина смерти – противоречие духа и тела, препятствующее целостности человека [Соловьев, 1991, с. 82].

«Андрогинный» сонет 144 показывает мучительную внутреннюю двойственность личности, колеблющейся между двумя подобиями – божественным и дьявольским. Здесь образы «a man right fair», «a woman coloured ill», «two angels» уже означают не предметы любви, а две стороны мятущегося сознания лирического героя, поскольку «both from me» [Shakespeare, 1994, с. 1243]. Мотив внутреннего противоборства двух духов, их взаимного искушения сопоставим с семантическим ядром «Пира», борьбой истинного и ложного Эроса, однако у Шекспира истинный Эрот не торжествует, сонет как бы замирает в одном из моментов психоматрицы [Хазанова, 2024].

В вопрошающей модальности решается этот вопрос и у Соловьева, когда он показывает ад и небо следящими за человеком, в которого вселился Эрос. В это роковое время каждая сторона пытается «присвоить для своих целей от того избытия физических и духовных возможностей», которые рождаются в человеке. И каждый человек решает для себя «роковой» вопрос: чему отдать те «могучие крылья», которыми наделил нас Эрос? [Соловьев, 1991, с. 87]. Для философа это вопрос о качестве проходимого пути, о соответствии образу и подобию Божью.

Итак, лирический герой сонетов – Поэт изображен в духе истинного Эрота «Пира»: он внешне напоминает Эрота, он обладает его воскресающей природой, он философствует и творит в надежде постичь «божественную красоту». Его творческий потенциал восхитительно раскрывается в создании образов любви – «небесных» и «земных» масок для возлюбленного и себя самого, содержательно коррелированных с центральной платоновской идеей о восхождении в любви. Сама смена масок указывает на поиск некоего универсального принципа, который заключал бы в себе единство и разнообразие двух миров, физического и духовного. Таким принципом лирическому герою является любовь: в ней противоречия стремятся к примирению, она восстанавливает тождество в различии, она сохраняет идентичность вопреки разделению и сливается в единое идеальное и реальное.

Завершим описание образа лирического героя – Поэта аллюзией к речи Алкивиада в диалоге. Влюбленный Алкивиад сравнивает Сократа с Марсием, как и Эрот, великим даймоном, обладателем внешности сатира и творцом прекрасной музыки, избретателем игры на флейте [Платон, 1993]. Шекспир же уподобляет Поэта даймону Эрота. Тогда

получается, что лирический герой сродни и Сократу: это еще одна его маска, наряду с другими – бога любви, поэта, христианина-неоплатоника.

ОБРАЗ АВТОРА У ШЕКСПИРА И ПЛАТОНА

В сонетах, если читать их последовательно, присутствует некто, кто все гениально рассчитал: сочинил драматургию, сконструировал персонажей, привязав их золотой нитью к «Пиру», затем замаскировал это любовной интригой, и этот «некто» – образ автора Уильяма Шекспира, его авторское «я». Данный имплицитно, образ автора ощутим восприятию более или менее опытного читателя: он как бы разлит по сонетам; он породил все образы, ситуации, конфликты и руководит ими, наслаждаясь и шутя, потому что замысел его удался.

Образ автора сонетов можно представить ренессансным творцом, поэтически интерпретирующим ключевую семантическую область ренессансной культуры – философию любви. А. Ф. Лосев пишет о личности эпохи Возрождения, что она мыслила и Бога, и себя художником и мастером, вечно творящим началом [Лосев, 1978] – это помогает приблизиться к образу автора в сонетах.

В. В. Виноградов представляет образ автора как совокупность отношений между авторским намерением, воображаемой личностью писателя и масками героев, в понимании которых скрыт «ключ» к художественному произведению. Он называет образ автора «многозначной и многоликой структурой», замещающей автора в произведении [Виноградов, 1980, с. 203]. Об образе автора в поэзии Виноградов замечает, что с ним соотносимо понятие «лирический герой» [там же].

Образ автора сонетов по своей артистической природе близок образу лирического героя; речь их оказывается слитой на лексическом и синтаксическом уровнях. Однако существует некий зазор между авторским «я» и «я» лирического героя в области модальной семантики. В составе образа автора выделяются модальные области, несвойственные образу лирического героя. Назовем их модальностью конструирования, модальностью интертекстуальности и модальностью головоломки. Они переплетены: первая основывается на второй, а третья возникает как результат сочетания первых двух.

Если лирический герой влюблен в своих возлюбленных, то любовная энергия авторского «я» направлена на совершаемое им эстетическое действие. Лирический герой объясняется в любви Другу и Леди, сулит, ревнует, страдает, разуверяется и уверяется вновь – авторское «я» конструирует маски любви и наблюдает результаты собственных усилий аналитически и профессионально.

Конструирование было характерной чертой мышления Шекспира и Платона. Вспомним факт вхождения в английский язык около 1700 слов, составленных Шекспиром. А страсть драматурга к созданию каламбуров С. Джонсон называл Клеопатрой, перед которой Шекспир не мог устоять¹. О платоновских идеях с их высшей степенью обобщенности А.Ф. Лосев замечал, что они составляют по-особому сконструированный мир, который Платон поместил в небесных сферах. В диалоге «Федон» Платона речь идет о слиянии идеального и материального в «единую субстанцию души»; в поздних диалогах тема конструирования решается онтологически, то есть на реальном материале жизни, как в «Пире» [Платон, 1986, с. 451].

В сонетах конструирование затрагивает идейно-содержательный, образный и композиционный уровни, создается ряд конструкторов: двойственный образ Прекрасной Дамы (см. часть 1 статьи); интертекстуальный образ автора; драматургический конструктор, развивающий семантику «Пира».

Образ автора сонетов является читателю под разными «личинами» (выражение Виноградова). Шекспир вписывает в стихи философские маски участников платоновского симпозиума, преобразуя их семантически и дополнительно окутывая обертонными авторской модальности (иронии, несерьезности, восторга и т. д.). Так образуется интертекстуальная коллажная композиция философских масок в составе образа автора.

Как в диалоге Платона речи гостей сменяют друг друга, образуя коллизии в сюжетном развитии, так меняющиеся интерпретации любви в составе образа автора обуславливают сонетную драматургию. Лирическому герою-Поэту, как и Сократу, с самого начала известен истинный Эрот, тогда как от других персонажей «Пира» и сонетов, а также читателей обоих произведений, он пока сокрыт. Проступает в сонетах и общий мотив сократического притворства и иронии: лирический герой, подобно Сократу, притворяется несведущим в вопросе о природе любви. Однако Шекспир начинает там, где Платон заканчивает: с идеи бессмертия. У Платона эта мысль – синтез всего сказанного, кульминация и венец «Пира». У Шекспира – исходный пункт, завязка; его сонетная «драма» начинается с поиска бессмертия в первых сонетах. Эти интертекстуальные переосмысления – реализация авторских интенций, лежащих в семантической области образа автора сонетов.

Лосев пишет о платоновском «Пире», что помимо трансцендентально-диалектического учения об идеях он наполнен «от начала до конца мучительно

¹ Johnson S. Preface to Shakespeare. URL: <https://www.litres.ru/book/samuel-johnson/preface-to-shakespeare-36094877/chitat-onlayn/> (дата обращения: 03.05.2025).

сладостным ощущением жизни, в которой идеальное и материальное безнадежно спутано и перемешано — иной раз даже до полной неразличимости» [прив. по: Платон, 1993, с.439]. Разве не ту же мучительно-сладостную жизнь познаем мы, читая сонеты? Разве в них не спутано небесное и земное до неразличимости?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Художественный мир сонетов образует сложную головоломку, правильное решение которой предвосхищено искусными подсказками из сферы образа автора. Этот мир состоит из движущихся и пересекающихся семантических плоскостей — платонической, неоплатонической, житейской, которые постоянно в динамике, по-разному соединяются между собой в тексте и рецепции читателя.

Сравнение семантики образов персонажей сонетов и героев «Пира» позволяет увидеть некоторые художественные приемы, которые Шекспир использовал в своем поэтическом осмыслении платоновской философии любви. Персонажи сонетного цикла насыщены семантикой речей всех действующих лиц «Пира», благодаря чему они коллажны, полисемантны, несут в себе черты Эроса как высокие, так и вульгарные; как древнейшего из богов из речи Федра, так и юного божества из речи Агафона; как смысл поиска своей «половины» по Аристофану, так и опровержение этой идеи у Сократа

и т. д. Очевидно, что Шекспир стремился наиболее полно вместить в сонеты философское содержание «Пира» и тем самым достичь наибольшего семантического разнообразия своей поэзии.

Полисемантность в высшей степени характерна образу лирического героя, поскольку мир его воображения включает в себе и семантические сферы его возлюбленных. Метафизическое соотношение героев сонетов определяется речью Сократа об «иерархии Эроса», которая заканчивается идеей вечной красоты, и лирический герой оказывается ближе к этой идее, чем предметы его поклонения. Такая семантическая расстановка персонажей отличает Шекспира от его итальянских предшественников.

Авторское «я» Платона в «Пире» и «я» Шекспира в сонетах несомненно близки в плане содержания и модальности. Платон совмещает учение о любви с осмыслением его на фактах житейских. Шекспир идет от противного: он влюбленность и «требования темперамента» обнимает платоновской философией и так пишет свои сонеты.

В XVI веке сонеты создавались не для широкой публики, а приватного чтения университетски образованных умов, ищущих услаждения в метафизическом. Сегодня читатели аллегории следуют их примеру, вопрошая о сути и значении прочитанного, пытаясь разгадать за конкретным общее. И каждый раз аллегорические смыслы оказываются слишком многообразными, чтобы сформировать единое герменевтическое видение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хазанова О. Э. К вопросу рецепции сонетов Шекспира на фоне диалога Платона «Пир». Семантика образов персонажей и образа автора. Часть 1 // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 4 (898). С. 113–119.
2. Gardner H. The Metaphysical Poets. Penguin Books, 1985.
3. Лосев А. Ф. Прембула к диалогу Платона «Пир» // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 434–441.
4. Рождественский Ю. В. Общая филология. М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996.
5. Платон. Пир. Перевод С. К. Апта // Платон. Собрание сочинений: в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. С. 204–208.
6. Shakespeare W. Complete Works. New York: Barnes & Noble, 1994.
7. Hazlitt W. Characters of Shakespeare's Plays. London: Printed by C. H. Reynell, 21 Piccadilly, 1817.
8. Соловьев В. С. Жизненная драма Платона // Русский Эрос, или Философия любви в России. М.: Прогресс, 1991. С. 79–87.
9. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978.
10. Шестаков В. П. Английская литература и английский национальный характер. СПб.: Нестор-История, 2010.
11. Хазанова О. Э. Об исторической семантике образа психомехии в 144-м сонете Шекспира // Актуальные проблемы сопоставительного языкознания и лингводидактики: сборник статей 31-й Международной научно-практической конференции. М., 2024. С. 47–54.
12. Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М.: Наука, 1980.
13. Виноградов В. В. О теории художественной речи. М.: Высшая школа, 1971.

REFERENCES

1. Hazanova, O. E. (2025). On Reception of Shakespeare's Sonnets in the Context of Plato's 'Symposium': Semantics of the Characters and the Author's Self. Part 1. *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 4(898), 113–119. (In Russ.)
2. Gardner, H. (1985). *The Metaphysical Poets*. Penguin Books.
3. Losev, A. F. (1993). Preambula k dialogu Platona «Pir» = Preamble to Plato's dialogue 'Symposium'. In *Plato, Collected works* (vol. 2, pp. 434–441): in 4 vols. Moscow: Mysl. (In Russ.)
4. Rozhdestvenskij, Yu. V. (1996). *Obshchaya filologiya = General Philology*. Moscow: Fond "Novoe tysyacheletie."
5. Plato. (1993). *Pir = Symposium*. Transl. by S. K. Apt. In *Plato, Selected works* (vol. 2, pp. 204–208): in 4 vols. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
6. Shakespeare, W. (1994). *Complete Works*. New York: Barnes & Noble.
7. Hazlitt, W. (1817). *Characters of Shakespeare's Plays*. London: Printed by C. H. Reynell, 21 Piccadilly.
8. Solov'ev, V. S. (1991). *Zhiznennaya drama Platona = The life drama of Plato*. In *Russian Eros, or Philosophy of love in Russia* (pp. 79–87). Moscow: Progress. (In Russ.)
9. Losev, A. F. (1978). *Estetika Vozrozhdeniya = Aesthetics of the Renaissance*. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
10. Shestakov, V. P. (2010). *Anglijskaya literatura i anglijskij nacionalnyj karakter = English literature and English national character*. St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russ.)
11. Hazanova, O. E. (2024). *Ob istoricheskoj semantike obraza psixomaxii v 144 sonete Shekspira = On historic semantics of the image of psychomachia in sonnet 144 by Shakespeare*. In *Modern problems of general linguistics and linguodidactics* (pp. 47–54). Proceedings of the 31st International scientific and practical conference. Moscow. (In Russ.)
12. Vinogradov, V. V. (1980). *O yazyke xudozhestvennoj prozy = On the language of artistic prose*. Moscow: Nauka. (In Russ.)
13. Vinogradov, V. V. (1971). *O teorii xudozhestvennoj rechi = On theory of artistic speech*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хазанова Ольга Эдуардовна

кандидат филологических наук

доцент кафедры контрастивной лингвистики института иностранных языков

Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Hazanova Olga Eduardovna

PhD (Philology)

Associate Professor, Department of contrastive linguistics

Institute of foreign languages, Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию	15.05.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	20.05.2025	
принята к публикации	21.05.2025	

Реально воображаемые: урбанистическое пространство в постколониальной научной фантастике

Ю. П. Хорошевская

Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия
armaiti@inbox.ru

Аннотация. Настоящее исследование ставит целью выявление особенностей изображения урбанистического пространства в постколониальной научной фантастике. Описывая город как пространственный палимпсест, постколониальная научная фантастика обращается не только к его горизонтальному измерению, соединяя в одной точке исторические эпохи, материальные и нематериальные объекты, но и к вертикальному – от подземелья метро до ливневых стоков и небоскребов. Основными методами исследования послужили метод сравнительного анализа, типологический метод, а также постколониальные дискурсивные практики.

Ключевые слова: постколониальная научная фантастика, урбанистическое пространство, палимпсест, мультикультурализм, третье пространство, хронотоп, лиминальность

Для цитирования: Хорошевская Ю. П. Реально воображаемые: урбанистическое пространство в постколониальной научной фантастике // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 111–117.

Original article

Real Imaginary: Urban Space in Postcolonial Science Fiction

Yuliya P. Khoroshevskaya

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia
armaiti@inbox.ru

Abstract. This study aims to identify the features of the depiction of urban space in postcolonial science fiction. Describing the city as a spatial palimpsest, postcolonial SF refers not only to its horizontal dimension, connecting historical eras, material and intangible objects at one point, but also to the vertical – from the subway underground to storm drains and skyscrapers. The main research methods were the comparative analysis method, the typological method, and postcolonial discursive practices.

Keywords: postcolonial science fiction, urban space, palimpsest, multiculturalism, Thirdspace, chronotope, liminality

For citation: Khoroshevskaya, Y. P. (2025). Real imaginary: urban space in postcolonial science fiction. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 111–117. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

В попытке исследовать отношения между литературой, социально-политическими структурами, реальной и воображаемой географией понятия пространства, места, локуса и топоса давно стали «тотемическими концепциями». Геокритика Б. Вестфала и Р. Толли вводит в культурологический обиход понятие «литературной картографии», утверждая, что представления о пространстве часто трансгрессивны и основаны на всевозможных последствиях пересечения границ (не только географических), а также установлении новых отношений между людьми, местами и вещами. Раскрывая взаимоотношения между пространством в литературе и литературой в пространстве, геокритика, по словам Толли, «исследует, ищет, обследует, копает, читает и пишет место»¹ [Tally, 2011, с. 3]. Поскольку объектом ее интереса являются как раз «реальные» и «воображаемые» пространства, она на них не только смотрит, но и «слушает, касается, обоняет и пробует на вкус» [там же]. Иными словами, геокритика исследует способы, формы и пути, с помощью которых авторы создают «реальные и воображаемые» пространства своих фикциональных миров.

В постколониальном дискурсе категория пространства всегда занимала центральное место, являясь неотъемлемой частью постколониального опыта. В фундаментальном труде Э. Саида появляются понятия «воображаемой» и «конкретной» географии. Кроме того, само постколониальное пространство определяется как «третье», выступая своеобразным противоречием бинарной логике таких дихотомий, как «свое – чужое», «Восток – Запад», «колонизатор – колонизируемый» [Said, 1994]. С. П. Толкачев справедливо замечает, что «в данном случае происходит поиск неких альтернативных пространств, некоего “третьего”, неких иных способов мышления и логических путей, способных объяснить сложность явлений человеческого мира» [Толкачев, 2015, с. 259]. Третье пространство получает свое развитие в работах Э. Соджи, который определяет его как воображаемую конструкцию, секретный или заколдованный объект, наполненный аллюзиями и намеками. В своих рассуждениях о пространстве Соджа следует не диалектическому принципу, но «триалектике», выстраивая свою воображаемую конструкцию из трех противоположностей: пространственность – историчность – социальность. Третье пространство в его концепции одновременно общее для всех, но при этом никогда не

поддается «полному видению и пониманию» [Soja, 1996, с. 56]. Если первое пространство относится к конкретным материальным формам, второе – к представлениям пространства, то третье включает в себя одновременно «познаваемый и непознаваемый, реальный и воображаемый мир переживаний, эмоций, событий и политических решений, который экзистенциально сформирован взаимодействием между центром и периферией, абстрактным и конкретным» [там же, с. 31].

Пожалуй, наиболее важное значение постколониальная критика придает роли пространства в процессе определения человеком своей идентичности. Научная фантастика (НФ) же, основываясь на своих «жанровых» принципах когнитивного острашения, экстраполяции и обязательного присутствия в тексте новума (*novum* в терминологии Дарко Сувина), обладает большим потенциалом для представления всех возможных форм инаковости. Замечание о том, что мейнстримная «западная» НФ является колониальным жанром, встречается у многих исследователей [Rieder, 2008; Tiffin, 2002; Langer, 2011; Banerjee, 2020; Doley, 2024] и основывается на преобладающем типе повествования о столкновении доминирующей культуры с инопланетным Другим, экспансии и захвате новых территорий, ведущемся от лица, собственно, доминирующей культуры, то есть завоевателя. Возможно, именно этот приключенческий сюжет и виновен в том, что НФ в массовом сознании предстает как эскапистская литература ввиду распространенной тенденции воспринимать ее как фантазию о будущем, но не рефлексию прошлого или настоящего. Однако концепция когнитивного острашения Дарко Сувина предполагает взаимодействие между познанием, облегчающим наше понимание текста, и острашением, отделяющим нас от нашего эмпирического опыта [Suvin, 1988]. С такой точки зрения НФ способна предлагать сложные и многогранные ответы на вызовы современности, а сам жанр особенно хорошо подходит для контрдискурсивных практик. Эти практики лежат в основе всей постколониальной литературы и могут, по мнению Х. Тиффин, использовать свой потенциал в текстах постколониальной НФ, которая, опираясь на колониальный фундамент жанра, постепенно переосмысляет и расширяет сформировавшийся жанровый канон [Tiffin, 2002]. Если отталкиваться от мысли о том, что и постколониальный дискурс в целом, и постколониальная НФ рефлексируют на тему колониального прошлого, то можем предположить, что их также объединяет тенденция к преодолению этой травмы и попытка предложить взамен новые пограничные пространства, в том числе урбанистические.

¹Здесь и далее перевод наш. – Ю. Х.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве материала для исследования были взяты тексты постколониальных авторов, которые позиционируют свои произведения как НФ: «Смуглая девушка в круге» Нало Хопкинсон (1998), «Дели» Ванданы Сингх (2004), «Зоосити» Лорен Бьюкес (2010) и «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок (2013). В этих текстах Йоханнесбург, Дели или Торонто представляют собой одновременно метафору, миф, альтернативную реальность и свою футуристическую версию. Авторы делают видимыми скрытые, забытые или давно ушедшие в прошлое слои города и преобразуют их в гибридное третье пространство, способствуя взаимодействию городского и текстового, материального и воображаемого, суеверного и рационального в дискурсивном пространстве постколониальной географии.

Основными методами исследования стали метод сравнительного анализа, с помощью которого отмечаются способы прочтения урбанистического пространства и творческой «реконструкции» реальности в рассматриваемых текстах; типологический метод, позволяющий выявить общность восприятия топоса города и его изображения как пространственного палимпсеста у авторов, принадлежащих различным культурам; а также опора на постколониальный дискурс, охватывающий проблемы гибридности, трансгрессии и пространства, где язык и культура колонизаторов находятся в противоречии с языком и культурой коренных народов.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Дели как многослойный лабиринт

Рассказ Ванданы Сингх затрагивает идею путешествия ради поиска смысла. Главный герой Асим бродит по городу сквозь время и пространство в поисках чего-либо, что придало бы его жизни смысл. Мы встречаем Асима на мосту через Ямуну в момент попытки самоубийства, от которого его отговаривает таинственный человек, придающий его жизни смысл, точнее, чувство цели. В рассказе, по сути, два главных героя: Асим, чьими глазами мы смотрим на город, и сам город Дели.

Бродя по городу, Асим видит многочисленные картины прошлого и будущего: события, ландшафт, людей. Он чувствует себя социальным изгоем в современном Дели, неспособным найти свое место. Поэтому взгляд Асима на всё совокупное время и пространство города – это взгляд аутсайдера, человека отчужденного, утратившего собственную идентичность и чувство принадлежности конкретному времени и точке пространства. Преследуемый

разновременными видениями, Асим курсирует по городу в ущерб своему собственному психическому и физическому благополучию. Его способность привязывает его к пространству Дели не только эмоционально, но и физически: герой всё глубже ощущает свою чуждость, мысли о самоубийстве становятся отчетливее, а попытка покинуть город вызывает неконтролируемое чувство ужаса.

Колониальное прошлое Дели в рассказе не является забытой реликвией, оно впиталось в пространство на всех его уровнях. Город как будто восстает против ограничений линейного течения времени и его разрушительного воздействия на материальные объекты. Сингх изображает Дели как замкнутое пространство, где прошлое, настоящее и будущее перетекают друг в друга, находясь в состоянии перманентной лиминальности. Концепция асинхронного пространства-времени в фантастическом тексте, сформулированная Мэтью Канделарией, описывает пространственно-временной континуум, в котором «некоторые области Вселенной изображаются находящимися в будущем, а другие – в прошлом» [Candelaria, 2009, с. 136]. Такая концепция для постколониального дискурса означает увековечивание колониальной экспансии: цивилизаторской миссии по переносу предположительно отсталых цивилизаций периферии в технологическое будущее доминирующей культуры. Сингх в рассказе полемизирует с этой концепцией, возможно, опираясь на идею Х. Бхабхи о том, что колониальное прошлое «разрывает современность» [Bhabha, 1994, с. 252], гибридируя настоящее и в дальнейшем прерывая «континуум истории» [там же, с. 257]. Асим, который одновременно переживает прошлое, настоящее и будущее Дели, по сути, разрушает представления о линейности времени и самом пространственно-временном континууме. Объекты, с которыми Асим сталкивается на пересечении прошлого, настоящего и будущего Дели, одновременно являются тенями своих прежних «я», возвращающимися из прошлого и воплощающими свои собственные временные линии настоящего. Они, по сути, одновременно оторваны от прошлого, вброшены в настоящее и существуют в своем собственном времени, а взаимодействующий с ними Асим как будто балансирует между различными временными измерениями.

Дели для Асима – это многослойный лабиринт, который неспособны видеть остальные жители города:

Старые части Дели всё еще живы, мельком увиденные, как таинственные острова с проплывающего корабля, но тем не менее реальные. Он хотел бы обсудить свои временные видения с кем-то, кто

воспринял бы его всерьез... но по иронии судьбы единственный сочувствующий человек, которого он встретил и который разделяет его состояние, жил в 1100 году нашей эры или около того, во времена Притхвираджа Чаухана, последнего индуистского правителя Дели¹.

Взаимодействуя с различными временными пластами, Асим начинает задаваться вопросом, не заставил ли он сам историю произойти так, как она происходит. Однако же эта способность позволяет ему записать собственную историю города, которую он увидел, перемещаясь в пространственно-временном лабиринте Дели:

Среди толп, которые заполнили эти места, он видел призраки куртизанок и молодых людей, и кровь и гром вторжений, и тела принцев, повешенных британскими солдатами. Для него старый город, окруженный высокими, рушащимися каменными стенами, подобен сердцу старухи, которая вечно мечтает о своей юности.

Сложная структура Дели в рассказе – это полифония голосов и событий, которые позволяют Асиму пересматривать, перекраивать и переписывать историю города и, возможно, в дальнейшем вернуть себе свою идентичность:

Ему достаточно сделать шаг, и город поглотит его, примет его, как река принимает мертвецов. Он – частица в его жилах, благословленная или проклятая жить и умереть в нем, видящая свое предназначение сейчас и там, но никогда полностью.

Конструируя Дели как пространственный палимпсест, Сингх стремится подчеркнуть тот факт, что позиция наблюдателя способствует появлению разнородных повествований, которые противостоят установленным парадигмам и концепциям времени и пространства. Перемещаясь в нелинейном пространстве и времени, Асим создает собственную историю Дели, а его стремление задокументировать свои встречи с прошлым и будущим свидетельствуют о невозможности отстраниться от истории места и от травмы колониального прошлого.

Постапокалиптическое пространство Торонто

«Смуглая девушка в круге» Нало Хопкинсон – это роман о сообществе, оставшемся в центре Торонто после того, как экономический коллапс заставил большинство людей покинуть город.

¹Singh V. Delhi // *So Long Been Dreaming: Postcolonial Science Fiction & Fantasy*. Arsenal Pulp Press, 2004. P. 79–94.

Уже в самом начале текста мы видим метафорическое сравнение Торонто со ржавой ступицей колеса телеги, которая отделена блокпостами от спиц своих пригородов. Разрыв между городом и остальным миром не только физический, но и социальный: в Торонто царит беззаконие, оставшиеся жители выживают, сбиваясь в банды, занимаясь охотой и собирательством на руинах некогда цветущего пространства. Несмотря на внешний постапокалиптический контур, пространство, которое создает в своем тексте Хопкинсон, – магическое. Конфликт в семье Ти-Жанны имеет мало точек соприкосновения с технологией, социумом или проблемами выживания в агрессивной среде. Скорее, он сосредоточен на отношениях каждого члена семьи с их культурным наследием, сакральным знанием и магическими практиками. Будущее Торонто напрямую зависит от принятия героями своей афро-карибской идентичности и традиций.

События романа разворачиваются не столько в физическом пространстве города, сколько в его сакральном измерении. Физическое присутствие ориша и даппи (духовных сущностей и призраков африканского и карибского фольклора) в Торонто подтверждает популярную идею о том, что сакральные сущности следуют за своим народом, носителями традиционной культуры в любое пространство, куда бы они ни переместились. Хопкинсон не задается вопросом, насколько плотно «населяют» ориша территорию всей Канады, но в Торонто их влияние достаточно сильное для того, чтобы превратить город в единое сакральное пространство:

Подобно дереву духов, которое символизировал центральный столб, Башня глубоко укоренилась в земле, где жили мертвые, и устремилась высоко в небеса, где жили самые древние предки².

Когда Ти-Жанна призывает ориша спуститься с небес, а мертвых подняться из земли, она буквально перестраивает физическое пространство всего внутреннего города, превращая его в огромный дворец вокруг центрального столба телебашни. Ориша нарушают как жизнь персонажей, так и их чувство реальности, но они делают это не по собственной прихоти, а по приглашению людей, которые хотят с ними взаимодействовать.

Границы Торонто, кольцо блокпостов, не просто отделяют город от всей остальной Канады, но являются границами между тем, где действует условное колониальное правительство, и тем, где главенствуют ориша, по сути проводя демаркационную линию между двумя типами пространства: колониальным

²Hopkinson N. *Brown Girl in the Ring*. New York: Warner Aspect, 1998.

и постколониальным. Роман, в некотором смысле, противопоставляет традиционной дихотомии реальное – нереальное, изображая третий вариант полуреального, или реально-нереального пространства. Для второстепенного персонажа Тони мир за пределами кольца блокпостов – реален, а Торонто – нечто между. Можно предположить, что реальность в романе зависит от того, кто и как ее себе представляет. В Торонто, из которого ушли порядок и цивилизация, пространство, прежде техногенное и человеческое, превратилось в сакральное и (немного) человеческое. Но этот человеческий уровень принадлежит не доминирующей культуре, а Другому, аутсайдеру.

Хопкинсон изображает в тексте общество, где процветают традиционные культурные практики, а духи играют важную роль в обеспечении благополучия своих адептов. Гро-Жанна и Ти-Жанна приглашают ориша в Торонто и выстраивают с ними взаимоотношения, чтобы помочь изолированному сообществу выжить и процветать в дальнейшем. Связь Ти-Жанны и ее бабушки с их живыми традициями, принятие ими собственной идентичности дают им возможность представить и в некотором смысле приблизить более светлое будущее.

Неутопический Йоханнесбург

«Зоосити» Лорен Бьюкес и «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок изображают Йоханнесбург как пространственный палимпсест, акцентируя внимание на всех уровнях города. Хотя палимпсест обычно понимается как горизонтальное наложение текста или изображений, в данном случае он относится к вертикальному «измерению» города, от его ливневых стоков до небоскребов, отражая расовую и классовую иерархию, вписанную в его географию. Подземные пространства сыграли значительную роль в истории и развитии Южной Африки, но подземелье в Йоханнесбурге – это не просто похороненная история, это наслоение пространственных историко-социальных отношений. Сети туннелей сначала использовались почтовой службой, затем превратились в очаг сопротивления в эпоху апартеида, а потом стали основным способом доступа в город для маргинализированных субъектов, включая героев романов Бьюкес и Цадок.

Действие «Зоосити» развивается в футуристическом Йоханнесбурге, где таинственное явление связывает человека, совершившего преступление, с животным, которое спонтанно появляется рядом. Эти люди известны как «апосимбиоты», «апос», или «оживотненные». Зинзи Десембер получает ленивца в качестве своего животного-фамильяра и вынуждена переселиться, собственно, в Зоосити – район Йоханнесбурга, населенный бывшими

заключенными, беженцами и прочими маргинализированными субъектами. Являясь пространством вынужденной маргинализации, Зоосити, тем не менее, объединяет обитающих там людей, создавая чувство общности среди аутсайдеров, которые коллективно переосмысливают пространство, изначально предназначенное для их сепарации. Анимализированное тело размывает иерархические различия между человеческим и нечеловеческим, природой и культурой, собой и другими в эксперименте с межвидовым симбиозом. Если тело является социальным пространством, «симулякр города», то апосимбиоты в романе Бьюкес должны быть строго отделены от обычных людей как недо-человеческий класс, не совсем люди.

Передвигаясь с помощью туннелей между слоями Йоханнесбурга, Зинзи воображает пространство и, делая это, раскрывает слои истории, вписанные в плотную застройку города:

Туннели представляют собой свалку из черных как смоль термитных нор, некоторые из них сужаются до нуля, как будто тот, кто их копал, заскучал и заблудился¹.

Спускаясь в туннель, Зинзи натывается на лестницу, где «несколько притоков собираются на ступенях», и «сводчатый потолок, тянущийся как собор» за ее пределами, где современный цемент уступает место древней кирпичной кладке... викторианской реликвии золотых дней города». Подземелья в романе представляют собой метафору, описывающую проникновение старого в новое и наоборот. Это смешение времен, с одной стороны, накапливает коллективные воспоминания о прошлом города, отраженные в архитектуре, дизайне, рекламных плакатах; а с другой, формирует утопическое, третье пространство, в котором это прошлое переосмысливается и переоценивается.

Подземные пространства также важны в романе «Сестра-сестра» Рэйчел Цадок, хотя сам город кардинально отличается. Йоханнесбург, который мы видим глазами Зинзи, глубоко изолирован, жесток и опасен, но он по-прежнему остается оживленным мегаполисом, в котором есть пространства сопротивления и потенциала. Йоханнесбург в романе Цадок, напротив, пришел в упадок, и осиротевшие сестры-близнецы Тули и Синди бродят по городу, собирая мусор, чтобы выжить в мире автомагистралей и ночлежек, отдаленных умирающих деревень в засушливых землях и подземных туннелей, где бродят призраки мертвых детей. Сильное чувство энтропии пронизывает

¹Beukes L. Zoo City. Oxford: Angry Robot, 2010.

урбанистическое пространство романа, поскольку Цадок сплетает воедино пространственные практики прошлого и настоящего, чтобы пересоздать образ Йоханнесбурга.

Тули и Синди с детства считали себя двумя половинками целого, но после ряда травмирующих событий Синди поддается древнему поверью и полагает, что у нее нет души, душа досталась Тули, следовательно, она должна украсть душу сестры, чтобы спастись. Впоследствии Тули умирает от болезни, но ее душа остается привязанной к Синди. Этот странный дуэт – живая сестра и сестра-призрак – бродит по бесконечной кольцевой дороге вокруг Йоханнесбурга, пытаясь выжить в умирающем мире.

Интересно, что человеческое тело является пространством внутри города. Связь между телом (преимущественно, женским) и пространством является центральным принципом феминистской географии. В «Сестре-сестре» Цадок использует интуитивный язык тела для описания городского пейзажа, особенно дороги. Пространство в романе представлено с помощью телесных метафор: стены «сухие до костей», но всё еще пахнут водой, а туннели «полны призраков», которые протягивают руку и касаются Тули. Облака «подлы и бессмысленны», дорога, по которой бродят близнецы, «высасывает» их, и они «медленно запекаются, твердеют, как смола». Летом жара «разъедает» плоть, а зимой холод «высушивает» кости¹.

Герои романов Бьюкес и Цадок, перемещаясь между всеми уровнями урбанистического пространства, преобразуют его, даже если пространство ограничено пределами их собственных тел. Эта трансформация становится возможной только потому, что оба автора рассматривают город в первую очередь как воображаемое пространство. Бьюкес и Цадок объединяют формальные признаки НФ в гибридной форме, отражающей полиморфные особенности южноафриканского города, включая магию, традиционные религиозные практики и оккультизм, которые пронизывают его многочисленные слои.

¹Zadok R. *Sister-Sister*. Cape Town: Kwela, 2013.

Йоханнесбург в их текстах является лиминальным пространством, где перетекают друг в друга материальное и нематериальное, постепенно стирая какое-либо различие между тем, что реально, миметично или надежно, и тем, что магически, метафорично или вымышлено. Оба автора демонстрируют, что даже реальные города прежде всего и всегда воображаемы – они не могут существовать вне бессознательного. Реально воображаемый город является апокрифической сущностью, тем самым третьим пространством, о котором говорил Соджа. Персонажи романов постоянно пребывают в движении, исследуют пространство, присваивают его, создавая всё новые слои в городском палимпсесте, сплетая воедино исторические, социальные и культурные практики. Бьюкес и Цадок описывают Йоханнесбург как палимпсест, разыгрывая триалектику пространственности-историчности-социальности, а также позиционируя город как воображаемый и постоянно переписываемый для создания афрофутуристических представлений об урбанистическом пространстве. Хотя некоторые элементы их литературных географий можно было бы нанести на карту Йоханнесбурга, истинное пространство романов находится где-то в другом месте или «нигде».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прочтение урбанистического пространства как палимпсеста может стать способом творческой «реконструкции» реальности, которая способна объединить голоса и элементы множества культур. Пространства в текстах Н. Хопкинсон, В. Сингх, Л. Бьюкес и Р. Цадок открывают новые перспективы и возможности – их города, которые существуют и в то же время нигде не существуют, отделяются от настоящего и позволяют двигаться за пределы фактического. Литературная география – это многослойный проект, способный растворить колониальные, иерархические бинарности, и открыть новые возможности в неожиданных пространствах, в частности с помощью воображаемых ландшафтов НФ, чтобы отыскать альтернативные, утопические третьи пространства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Tally R. T., Jr. *Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies*. Palgrave Macmillan, 2011.
2. Said E. *Culture and Imperialism*. London: Vintage, 1994.
3. Толкачев С. П. Парадоксы постколониального пространства // *Филология и культура*. 2015. № 3 (41). С. 258–262.
4. Soja E. W. *Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places*. Oxford: Blackwell, 1996.
5. Rieder J. *Colonialism and the Emergence of Science Fiction*. Middletown, CT: Wesleyan University Press, 2008.

6. Tiffin H. Post-Colonial Literatures and Counter-Discourse // The Post-Colonial Studies Reader. London and New York: Routledge, 2002. P. 95–98.
7. Langer J. Postcolonialism and Science Fiction. London: Palgrave Macmillan, 2011.
8. Banerjee S. Indian Science Fiction: Patterns, History and Hybridity. Cardiff: University of Wales Press, 2020.
9. Doley D. R. Imagining Alternatives: Exploring Postcolonial Paradigms and Resistance in Indian Science Fiction Narratives // International Journal for Multidisciplinary Research. 2024. Vol. 6. Issue 2. P. 1–12.
10. Suvin D. Positions and Presuppositions in Science Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 1988.
11. Candelaria M. Reading Science Fiction with Postcolonial Theory // Reading Science Fiction. New York: Palgrave Macmillan, 2009. P. 133–141.
12. Bhabha H. The Location of Culture. London: Routledge, 1994.

REFERENCES

1. Tally, R. T., Jr. (2011). Geocritical Explorations: Space, Place, and Mapping in Literary and Cultural Studies. Palgrave Macmillan.
2. Said, E. (1994). Culture and Imperialism. London: Vintage.
3. Tolkachev, S. P. (2015). Paradoxy postkolonial'nogo prostranstva = Paradoxes of postcolonial space. Filologiya i kul'tura, 3(41), 258–262. (In Russ.)
4. Soja, E. W. (1996). Thirdspace: Journeys to Los Angeles and Other Real-and-Imagined Places. Oxford: Blackwell.
5. Rieder, J. (2008). Colonialism and the Emergence of Science Fiction. Middletown, CT: Wesleyan University Press.
6. Tiffin, H. (2002). Post-Colonial Literatures and Counter-Discourse. In The Post-Colonial Studies Reader (pp. 95–98). London and New York: Routledge.
7. Langer, J. (2011). Postcolonialism and Science Fiction. London: Palgrave Macmillan.
8. Banerjee, S. (2020). Indian Science Fiction: Patterns, History and Hybridity. Cardiff: University of Wales Press.
9. Doley, D. R. (2024). Imagining Alternatives: Exploring Postcolonial Paradigms and Resistance in Indian Science Fiction Narratives. In International Journal for Multidisciplinary Research, 6(2), 1–12.
10. Suvin, D. (1988). Positions and Presuppositions in Science Fiction. Basingstoke: Palgrave Macmillan.
11. Candelaria, M. (2009). Reading Science Fiction with Postcolonial Theory. In Reading Science Fiction (pp. 133–141). New York: Palgrave Macmillan.
12. Bhabha, H. (1994). The Location of Culture. London: Routledge.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Хорошевская Юлия Павловна

кандидат филологических наук
доцент кафедры массовых коммуникаций и прикладной лингвистики
Ростовского государственного университета путей сообщения

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Khoroshevskaya Yuliya Pavlovna

PhD in Philology
Associate Professor at the Department of Mass Communications and Applied Linguistics
Rostov State Transport University

Статья поступила в редакцию	29.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	21.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	22.04.2025	accepted for publication

Научная статья
УДК 821.512.154

Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде киргизов

Ж. С. Хулхачиева¹, А. А. Касымбекова²

¹Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия, j.khulkhachieva@linguanet.ru

²Московский педагогический государственный университет
Москва, Россия, aa.kasymbekova@mpgu.su

Аннотация. В работе впервые рассматриваются представленные в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» важнейшие элементы культурного кода киргизов, восходящие к первоначальным этапам истории киргизского народа. Авторы решают три задачи: во-первых, выявить специфику авторской интерпретации актуальных в середине XX века аспектов культурного кода, которые обусловлены как историческими реалиями описываемой эпохи, так и личностью писателя; во-вторых, провести анализ киргизской и русской лексики, передающей исследуемые элементы культурного кода; в-третьих, изучить перевод лексики на английский язык с позиции адекватности. В работе применялись метод сравнительного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и метод семантической интерпретации.

Ключевые слова: Чингиз Айтматов, киргизский народ, культурный код, адекватность перевода, конь, юрта, аксакал, бай, аке

Для цитирования: Хулхачиева Ж. С., Касымбекова А. А. Художественные образы повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в культурном коде киргизов // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 118–125.

Original article

Artistic Images of Ch. Aitmatov's Novel "Farewell, Gul'sary" in the Cultural Code of Kyrgyz Nation

Zhenishkul S. Khulkhachieva¹, Anara A. Kasymbekova²

¹Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
j.khulkhachieva@linguanet.ru

²Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia
aa.kasymbekova@mpgu.su

Abstract. This research is about the most important elements of the Kyrgyz cultural code presented by Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary!". Cultural code features remaining of paramount importance are considered in context of the long history of Kyrgyz people. The aim of the study is threefold: to describe the specificity of author's interpretation of elements of cultural code that continued to be particularly relevant in the middle of the 20th century is revealed, the historical realities and writer's personality; to analyze in Kyrgyz and Russian languages the vocabulary and studied elements of cultural code as well as its adequacy of translation into English. In the study, methods of comparative analysis, comparative translation analysis, contextual analysis, component analysis and semantic interpretation, are chosen.

Keywords: Chinghiz Aitmatov, Kyrgyz people, cultural code, adequacy of translation, horse, yurt, aksakal, bai, ake

For citation: Khulkhachieva, Zh. S., Kasymbekova, A. A. (2025). Artistic images of Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary" in the cultural code of Kyrgyz nation. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 118–125. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Великий киргизский писатель-мыслитель Чингиз Айтматов, которого знают во всем мире как человека, описавшего во всей полноте образ жизни, культуру, традиции и самые разные стороны жизни киргизского народа, был и остается тем, кто сумел познакомить весь мир со своей родиной и его природой, многовековой историей, обществом, обычаями, языком и т. д. «Чингиз Айтматов в своих произведениях создал вселенную, в которой добро, любовь и человечность на первом месте. Судьба человека у него гармонично вписана в историю общенародной судьбы. Раскрывая насущные вопросы бытия, Чингиз Айтматов затрагивает самые тонкие струны души каждого читателя вне зависимости от его идентичности» [Хулхачиева, Аляутдинова, 2021, с. 141]. Подтверждением тому служат переводы его произведений на 174 языка и превышающий 80 млн общий тираж изданий. Существует много научных работ, где внимание ученых уделяется разным аспектам творчества Ч. Айтматова [Калмурат, 2020; Дуйшембиева, 2018; Мейрамгалиева, 2015; Джусупов, 2017]. В таких исследованиях можно встретить как положительные, так и критические взгляды на рассматриваемую повесть, а также на описываемую в ней эпоху.

Цель настоящей работы заключается в выявлении в тексте повести «Прощай, Гульсары!» авторских особенностей представления наиболее важных элементов культурного кода киргизского народа в середине XX века.

Исходя из поставленной цели, необходимо решить следующие конкретные задачи:

- 1) рассмотреть особенности понятия «культурный код» в контексте жизни киргизского народа середины XX века;
- 2) определить основные способы перевода киргизских выражений с русского и киргизского на английский язык;
- 3) выявить сходство и различие переводческих приемов при переводе киргизских реалий на русский и английский языки.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Эмпирическую базу составляют тексты повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» на оригинальном русском и киргизском языках и ее перевода на английский. Автор создал повесть на русском языке в 1966 году, позже вышло в свет несколько вариантов ее киргизского названия: «Кош бол, Гульсары!» (буквальный перевод, известный в незначительной степени благодаря экранизации на казахском языке 2008 года с идентичным звучанием «Кош

бол, Гульсары!»), «Жаныбарым, Гульсарым» (перевод А. Жакыпбекова – «Родной мой, Гульсары» (букв. «Животинушка мой, Гульсары»), считается вольным переводом), «Гулсарат» («Конь Гульсары»), который был выбран самим автором в 1978 году. На английский язык текст был переведен Дж. Френчем под названием «Farewell, Gul'sary!»¹ в 1970 году.

При подготовке настоящей статьи использованы различные методы исследования, применяемые в языкознании и литературоведении: метод сравнительного анализа, метод сопоставительно-переводческого анализа, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа, метод семантической интерпретации.

Название и первые страницы произведения уже дают возможность прочувствовать, что оно написано Ч. Айтматовым на двух языках неповторимо своеобразно и вместе с тем типично, «классически» для его творчества. Обращаясь к национальным особенностям Киргизии, автор повествует о послевоенной жизни киргизского народа на фоне его чаяний и надежд: о том, как все ждали победу, как верили в светлое будущее, как простые колхозники мечтали, чтобы жизнь изменилась к лучшему.

У понятия «культурный код» существуют разные толкования, каждое из которых вряд ли возможно считать исчерпывающим ввиду многоаспектности, структурной сложности и практической неисчерпаемости того, что его формирует. А. М. Клименкова справедливо отмечает, что к наиболее распространенным подходам в определении культурного кода относится концепция Дж. Фиске, который трактует его как систему знаков, управляемых «определенными правилами, которые распространены среди представителей определенной культуры, предназначенной для генерации и циркуляции смыслов в этой культуре и для этой культуры» [Клименкова, 2013].

Как отмечает В. В. Красных в своей работе «Этнопсихология и лингвокультурология», культурные коды соотносятся с древнейшими архетипическими представлениями человечества остроумии Вселенной и несут эти знания новым поколениям. Они универсальны по своей природе, но детерминированы субъективным (традиционным этническим) фактором, поэтому кодирование культурного пространства всегда носит национальный характер и является специфическим для каждого этноса [Красных, 2002].

Несмотря на все многообразие подходов к трактовке этого термина, в его формулировках и толкованиях имеется, на наш взгляд, общее содержательное ядро, которое в контексте цели

¹Aitmatov Chingiz. Farewell, Gul'sary! Translated by J. French. London: Hodder & Stoughton, 1970.

настоящей статьи можно сформулировать следующим образом: культурный код – это уникальная для данного общества (как на уровне данного народа-национальности, так и для многонационального общества) устойчивая система знаков и символов (как материальных, так и представленных в различных нематериальных формах), знаний, представлений, эмоций, присущих как данному обществу в целом в течение той или иной исторической эпохи или нескольких эпох, так и каждому его индивиду в том или ином социально и культурно-идентификационно значимом объеме в течение всей жизни.

Исходя из предложенного понимания дефиниции «культурный код», можно с уверенностью сказать, что для киргизов конь, юрта, уважительное обращение к старшему и образно-смысловое восприятие этого обращения, имя человека являлись составляющими, без которых невозможна настоящая, полноценная, наполненная смыслами бытия жизнь человека, идентифицирующего себя с киргизским народом и своей Родиной. Именно это можно четко увидеть и прочувствовать в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» через личность главного героя-табунщика – фронтовика Танабая Бакасова, его взаимоотношения с другими героями, с любимым конем Гульсары, а также через многочисленные образы, эмоции и смыслы, заложенные как во фразах героев, так и в авторском тексте, и в социокультурном контексте произведения.

В повести представлены такие системообразующие элементы культурного кода киргизов, как *ат* (конь), обращения к старшим мужчинам *бай / аке, аксакал, боз үй (юрта)*.

СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЕ ЭЛЕМЕНТЫ КУЛЬТУРНОГО КОДА КИРГИЗОВ

Конь (Ат). Киргизы считают коня своим другом, веря, что Бог сотворил его из остатков той же глины, из которой сотворен сам человек. Народная мудрость гласит, что конь – крылья молодца (*Ат адамдын канаты*). Юноша (по-киргизски *джигит*) немислим без коня, без уважения к нему, без миссии защитника семьи, защитника аила – Родины в качестве исторически укоренившегося образа воина-всадника. О коне в народе сложены сотни поговорок и пословиц, например:

Без коня богатырь – не воин (Эрдин аты эрге тең)
 Кто коня холит, тот пешим не ходит (Ат сыйлаган жөө баспайт)
 Заблудившийся конь всё равно найдет свое стойло (Адашсаң, атыңа ишен)
 Кто коня не уберег – тот остался без ног (Аты жоктун буту жок).

В повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» можно встретить разное отношение и соответствующие высказывания людей к иноходцу Гульсары, который получил имя за свою необыкновенную светло-желтую масть. Примечательно, что у древних тюркских народов (и отнюдь не только у них), к которым относились енисейские киргизы – предки нынешних киргизов, конь был одним из солярных символов. Возможно, отсылка к образу коня как символу Солнца и зашифрована в имени Гульсары. Кроме того, сема *гуль (цветок)* в киргизской культуре в немалой степени связана с солнцем, что, в частности, нашло воплощение в солярных орнаментах на щитах киргизских воинов разных эпох, в орнаментах на мужских колпаках и связанных с ними многих других объектах материальной культуры.

Рассмотрим некоторые, по нашему мнению, наиболее интересные высказываний о коне.

Фраза, в основе которой лежит веками укоренившееся народное представление о коне как о друге человека и как о верном спутнике настоящего мужчины:

- Мындай жорго такымына тийгенде киргиз баласынын *төбөсү көккө жетип*, колтугуна канат бүтөрү да ырас!
- Великая честь для киргиза, когда под ним бежит такой знаменитый иноходец.
- It was a *great honour* for a Kirgiz to ride on such a *famous pacer*.

Сравнивая киргизский, русский и английские тексты, можно увидеть, что в киргизском тексте больше описываются ощущения человека, которому предоставлен шанс оседлать такого коня: *на седьмом небе от счастья, вырастают крылья*; в русском варианте эмотивная составляющая передается скромнее, и делается равнозначный акцент как на человека, так и на коня; в английском переводе наблюдается практически такая же равнозначность смыслового акцента, как и в русском тексте: *great honour* и *famous pacer*. Данный пример подтверждает имеющие место различия образа коня в рассматриваемых лингвокультурах. Если у киргизского и русского народов конь в позитивном и отчасти сакрализованном осмыслении и эмоциональном восприятии связан не только с выполнением воинских и прочих подобных подвигов вместе со своим доблестным хозяином, но и с работой в хозяйстве в качестве кормильца (у киргизов – в кочевом и полукочевом, у русских – в земледельческом), то у англичан конь воспринимается в основном как боевая или скаковая единица.

Интересен разговор главного героя – табунщика Танабая – с шофером, которого встречает по пути домой. Очерстевший сердцем шофер говорит о коне так:

- Алдагы *өлөсөнүбү*? Ой, *ит карайбы мунуңу*, жардан нары кулатып жибер, карга-кузгун жеп коёр. Келе, жардамдашып коёлу.
- Вот эта *дохлятина*? *Да брось ты его собакам*, столкни вон в овраг – и делу конец, склюет воронье. Хочешь, поможем?
- What, this *bag of bones*? Go on, *leave it to the dogs*, push it over into the ravine ... that'll be the end and the crows can peck it. Like us to help you?

В настоящем примере киргизское слово *өлөсөнүбү* и русское *дохлятина* имеют одно и то же значение, в отличие от английского словосочетания *bag of bones*, который означает как *мешок с костями*. Этот пример показателен для оценки степени точности перевода. Если в оригинале автор пишет *да брось ты его собакам*, а в киргизском тексте мы видим близкое по значению *ит карайбы мунуңу* (имеет в виду, что эту дохлятину даже собаки не станут есть, даже собакам противна), то в английском переводе получается несколько иначе: *этот мешок с костями, оставь собакам*. С одной стороны, можно сказать, что английский перевод не совсем точен, если ставится задача передачи именно смысла. Однако если переводчик добивается передачи не только смысла, но и эмоций, то такой перевод можно считать вполне адекватным. Не можем не согласиться с мнением Л. Л. Нелюбина, что для верного воспроизведения образа в художественном переводе на другом языке следует отказаться от буквализма. Необходим творческий, но не произвольный подход к оригиналу, который сохранил бы созданный автором образ во всей его индивидуальности [Нелюбин, 2013]. На наш взгляд, английский переводчик сумел создать в переводе те же чувства и эмоции у своей аудитории, какие возникают у читателя при прочтении оригинала повести.

Следующий яркий пример связан с использованием эпитета *Buttercup* (*лютик*) в английском тексте (переводческий прием «дополнение»), отсутствующего в киргизском и русском текстах:

- *Аты* күндөн күнгө алдан тайып баратканын Танабай көптөн бери байкап келетат.
- Он уже давно начал замечать, что *конь* вроде сдает, слабеет.
- He had noticed a long time ago that his *old pacer, Gul'sary or Buttercup, because of his light-yellow coat*, was beginning to falter and weaken.

Рассмотренный пример подтверждает тезис о том, что творческие амбиции приводят переводчика к разным интерпретациям оригинала и взаимно нетождественным переводческим решениям [Филиппова, 2024]. В английском переводе Дж. Френч, добавляя слово *Buttercup*, дает возможность своим читателям расшифровать значения киргизского слова *Гулсары*, что, на наш взгляд, считается удачным переводом.

ОБРАЩЕНИЯ К СТАРШИМ МУЖЧИНАМ

Бай. Литературные герои повести обращались к старшим мужчинам не только по имени и отчеству в соответствии с нормами официального русскоязычного речевого этикета, но и используя традиционное обращение *бай*. Так, например, обращается заведующий фермой Ибраим к Танабаю, когда тот приехал с помощником забрать Гульсары:

- Ассолоому алейкум, *бай*.
- Ассалом алейкум, *ба-ай!*
- Assalom aleikum, *bai!*

Примечательно, что в русской версии автор намеренно тонически растянул звук [а] в слове *бай*, придав обращению некую эмоциональную составляющую, которая может восприниматься по-разному, в том числе как некая искусственная вежливость. В английском переводе обращение *бай* передает те же чувства, что и в киргизском и русском языках, но с минимальной потерей эмоциональной окраски.

Аке. Обращение к *аке* мужчине старшему по возрастус возможным опущением последнего слога имени свойственно жителям Таласской области и иных районов северо-западной Киргизии. Так к главному герою обращается все тот же Ибраим:

- *Мал-жан аманбы? Жылкы кандай, Танаке*, өзүңөр жакшы жатасыңарбы?
- *Как лошади, Танаке*, как сам?
- How are you? *How are the horses, Tanaba!*

Танаке является производным от имени Танабай при утрате последнего слога *бай* и одновременном замещении его словом-слогом *аке*. И в том, и в другом варианте имени говорящий произносит его с уважением к старшему и без тени фамильярности.

Интересно заметить, что в английском переводе обращение *аке* никак не передано, что, на наш взгляд, представляет пусть и несущественное, но всё же снижение адекватности перевода.

Отметим, что родственное *аке* южнокиргизское *акя* или распространенное на северо-востоке Киргизии *ага / ава* при использовании в речи не предполагают сокращения имени того, кому адресовано обращение.

Нельзя не обратить внимания на структуру фразы Ибраима: сначала спрашивает, целы ли лошади, а затем интересуется о хозяине. Для киргизов приветствие *Мал-жан аманбы?* считалось нормой в те времена (сейчас эта норма сохраняется преимущественно в горных районах). Это объясняется тем, что из-за природных условий (сели, лавины и т. п.) многие часто теряли свой скот и даже свое жилье. В русской версии повести Ч. Айтматов опускает эту фразу, а в киргизском добавляет эти реалии, чтобы всё было сразу понятно киргизоязычной аудитории. В английском тексте переводчик сначала спрашивает о здоровье хозяина, затем о лошадях, что правильно с точки зрения любой лингвокультуры народов, сформировавшихся в условиях оседлого хозяйства равнин. Хотя у русских и англичан отношение к коню уважительное и бережное, однако они в речевых оборотах не ставят животное выше человека. Данный пример служит подтверждением мнения И. Г. Жировой о том, что переводы играют исключительно важную роль в межкультурной коммуникации, оказывая влияние на развитие национальных языковых культур, в чем-то обогащая, а в чем-то ущемляя их [Жирова, 2023]. Действительно, в данном фрагменте английского текста переводчик сумел избежать непонятной фразы для английской лингвокультуры, тем самым опустив (как и в русской версии повести) значимую фразу для киргизского народа (*Мал-жан аманбы?*).

Аксакал. Сема *ак* имеет устойчивую ассоциацию с белой бородой пожилого человека, которого называют *аксакал* (букв. 'белая борода'). Но, по нашему мнению, этот перевод на русский язык не исчерпывает всего многообразия этого слова. Рассматриваемая сема также связана с символическим светом и мудростью прожившего жизнь человека. Его лицо обрамлено бородой, цвет которой совершенно не имеет значения. При этом именно киргизский аксакал ассоциируется с белым колпаком – национальным головным убором киргизских мужчин. Поэтому, на наш взгляд, для русского и английского текстов правильно, что исходное *аксакал* не переводится и передано заимствованиями:

- **Аксакал**, атканага барыңыз, сизге башка бир ат тандап койдук, – деди. – Картаңыраак, картаң болсо да сиздин ишинизге жарайт, – деди.
- Идите, **аксакал**, на конюшню, мы там коня другого подобрали. Староват, правда, но для вашей работы сойдет.

– “Go, **aksakal**, to the stable; we have got a new horse for you. True enough he’s old, but he’ll do for your work”.

Сема *ак* имеет также значение «белый, счастливый, добрый, светлый» и неразрывно связана со многими важными образами, персонажами, названиями и т. п., лежащими в основе миропонимания киргизов.

В русской и английской лингвокультурах подобной весьма значимой представленности понятия «белый» и «white» и образующих корней (сем) в культурном коде не наблюдается.

ЮРТА (БОЗ ҮЙ)

Киргизы – это народ, который, можно сказать, «родился и окреп» в прочных и теплых юртах. Для них как юрта, так и кочевье с юртами, представляли собой и колыбель каждого человека, и семейный очаг, и отечество (букв. 'ата журт' < 'юрт' / 'журт') в разных масштабах – от родного поселка до страны-государства в целом. Несомненно, без юрты невозможно было бы представить существование киргизского народа.

Жизнь киргизов в юртах очень точно представлена в повести Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!». Автор описывает и особенности подвергнувшегося воздействию идеологии той эпохи мировоззрения, поведение и отношения людей в послевоенное время, затронувшие весьма существенно взаимосвязь человека и юрты. Если раньше киргизы-кочевники не представляли свою жизнь без юрты, то в повести многие из них захотели раз и навсегда отказаться от своего доставшегося как от далеких предков, так и от поколения отцов исконного жилья, за что и были наказаны. Будучи поставленными в условия отказа колхозного руководства от юрт, табунщики, не получив никакого жилья взамен, были вынуждены жить в старых юртах, которые они пытались сохранить и сберечь, продлевая их век. Это хорошо описывается в повести.

Ошенткен Танабай эми Торгой чалдан арктан кырк тешик, ыш баскан карала **үйдө** турат. Туурдугу тозуп, үзүгү миң жеринен бычылган **үй** дагы да болсо Жайдардын бүйрөлүгүнөн, талыкпай күндө жамап жаскаган ишмерлигинен чыдап келатат. Колунан темене менен шоона түшпөй жамап жатса деле апта өтө электе кайра бычылып, ар жеринен күн көрүнүп калат. Тешик-тешигинен шамал үйлөп, кар кирип, жамгыр шорголоп кетет. Күн ачылар замат сыйрып алып, жадабаган Жайдар кайрадан жамоого киришет. Ошентип жамоодон көзү ачылбайт.

Теперь он жил в дырявой, прокопченной *юрте*, доставшейся от старика Торгоя. *Юрте* было много лет, и если она кое-как держалась, то только благодаря долготерпению Джайдар. Целыми днями чинила, латала она *юрту*, приводила ее в жилой вид, а через неделю-другую снова расползалась кривая кошма, снова зияли прорехи, задувал ветер, сыпал снег, протекал дождь. И опять жена принималась за починку, и конца этому не было видно.

Now he was living in a leaking soot-impregnated *yurta*, left to him by the old man, Torgoi. It was very many years old and it had only held together due to the long-suffering Dzhaidar. She was busy mending it for days on end; she patched it up to make it habitable and in a week or two she was having to repair it again, the roof had given way, again there was a gaping hole, through which the wind blew, the snow or the rain leaked. She got to work once more and mended it, but there was no sign of an end to this sequence.

В примере описывается юрта, где жил Танабай с женой. Если в русском и английском текстах употребляется слово *юрта* / *yurta*, то в киргизском тексте, оно встречается крайне редко, так как для любого киргиза абсолютно ясно, что если речь идет о доме в горах, то это может быть только юрта, которую они называют *боз үй* или сокращенно *үй*, что по значению значительно шире. При этом автор в киргизском варианте повести в ряде мест использует и словосочетание *боз үй*, которое означает «юрта», а также слово *үй*, которое в зависимости от контекста переводится не всегда как «юрта», но в ряде случаев «дом», «жилье». При прочтении данного отрывка, когда автор описывает состояние юрты, возникает такое ощущение, что Танабай несет наказание за свои призывы, которые когда-то произнес на одном из комсомольских собраний, что нужно отказаться от юрты, потому что это «дореволюционное жилище».

И жена, уставшая чинить дырявую столетнюю юрту, говорит мужу:

– Деги качанга чейин азап чегебиз, кудай-ай, – деп жаны кашаят Жайдардын. – Карачы, ушу да кийизби, кийиз эмей эле курмушу да, колго илинбей үбөлөнүп турат. Тиги *кереге-ууктарыңдын* кейпин көр! Чоочун көзгө көргөзгөндөн уяласын. Колхозундан жаңы кийиз сурасаң боло.

– До каких пор будем мучиться? – жаловалась она. – Смотри, это же не кошма, а прах, сыплется, как песок. А *кереге-ууки* во что превратились! Стыдно сказать. Ты хоть добился бы, чтобы дали нам хотя бы новые кошмы.

– “How long will we suffer like this?” she would complain. “This is not a sheet for the roof, but rubbish; it falls apart like sand, and the *supports*, what a state they

are in. It’s shameful. At least you should see that they give us a new roof sheeting.

Обратим внимание, что употребленное в русском варианте *кереге-ууки* в английском можно передать только описательно. Переводчик использовал *supports*, что означает «поддерживающее что-нибудь, подпорка, опора». Здесь мы видим замещение реалии исходящего текста реалией принимающей культуры в переводном тексте, которое представляется неадекватным приемом [Филиппова, 2024]. Однако слово *кереге-ууки* является языковой реалией (в таком фонетическом варианте относится только к киргизской юрте) и обозначает каркас, состоящий из *кереге* (образующие решетчатую стенку пересекающиеся брусья) и *ууки* (жерди, формирующие собою свод юрты и соединяющие кереге с тундуком – самой верхней, сакральной частью юрты – ободом с вставленными в него обычно четырьмя параллельными прутьями, пересекающимися под прямым углом с другими прутьями в том же количестве). На наш взгляд, английский перевод рассматриваемого фрагмента отвлекает читателя от самобытности демонстрируемой в повести картины мира и таким образом искажает ее восприятие: вводит в заблуждение читателей, не передает реалии, присущие киргизам и другим народам, для которых юрта является неотъемлемой частью традиционного быта и культуры.

Так в повести, особенно в финале, соединяются фундаментальные для культурного кода киргизов образы юрты, коня в разных ипостасях и умудренного жизнью (с ее радостями и печалью) пожилого человека-аксакала, надеющегося прийти к гармонии в вечной жизни, снова встретившись с обретшим вечную силу и молодость конем на небесных пастбищах с юртами для тех, кто сумел раскаяться в своих заблуждениях и после всевозможных странствований (как в прямом, так и в переносном смысле) вернулся к родной культуре и своим истокам.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрев приведенные примеры, можно сделать ряд выводов относительно авторских особенностей представленных в тексте исследуемой повести вышеперечисленных элементов культурного кода киргизов на русском и английском языках.

1. Юрта, переживающая время советских колхозов, несмотря ни на что, остается той основой культурного кода киргизского народа, которая никогда не теряла актуальности ни в одну историческую эпоху вплоть до времен, описываемых в повести. Юрта

предстает как постоянно возрождающееся «сердце» быта – бытия. При этом во всем тексте произведения чувствуется своего рода нравственный посыл автора к будущим поколениям киргизов, шире – киргизстанцев, который можно кратко, но вместе с тем емко сформулировать примерно таким образом: «нет киргизов без юрты, нет киргизской родины без юрты-отечества».

2. Конь представлен не только как спутник – друг мужчины, но также как символ преданности, силы, стремительности и других качеств, которыми должен обладать каждый киргиз. Кроме того, как можно полагать, конь в рассматриваемой повести, в мыслях Танабая и читателя, уходящий после этой жизни в небесные пастбища, осмысливается как символ надежд на возрождение и продолжение не только киргизских традиций, но и жизни, основанной на фундаментальных началах киргизской культуры. И это возрождение идет в последние десятилетия, которое успел застать и в котором принял активное участие Чингиз Торекулович.

3. Пожилой человек Танабай представлен не как некий абстрактный старик, а как человек,

который претерпел много лишений из-за попыток отхода от традиционного уклада и культуры своего народа. Он покаялся и вернулся к истокам, став настоящим аксакалом, воплощением мудрости, выстраданной ошибками молодости и поисками ответов на простые, но вместе с тем фундаментальными вопросами бытия: что такое дружба, верность, правда.

Реалии, передающие культурный код киргизов, во всех трех текстах представлены максимально точно и ориентированы на способности читателя понять текст повести на том языке, который для него является родным. В русском тексте в ряде мест есть небольшие отклонения от адекватной передачи киргизских реалий, в английском переводе отклонения более значительные, но в основном не нарушающие смысловое содержание и эмоциональное наполнение повести. Поэтому можно сделать вывод, что все три анализируемых текста в целом вполне адекватно передают киргизские языковые реалии, рассмотренные элементы культурного кода и реалии жизни киргизского народа середины XX века.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Хулхачиева Ж. С., Аляутдинова К. Ш. Произведения Чингиза Айтматова как инструмент формирования лингвокультурной картины у изучающих киргизский язык как иностранный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2021. Вып. 4 (841). С. 137–148.
2. Калмурат Т., кызы. Повесть Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!»: к проблеме художественного билингвизма: сборник трудов конференции // Актуальные вопросы исследования и преподавания родных языков и литератур: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Чебоксары, 16 нояб. 2019 г.) / редкол.: Ж. В. Мурзина [и др.]. Чебоксары: Среда, 2020. С. 72–74.
3. Дуйшембиева А. Н. Повесть Ч. Айтматова «Прощай, Гульсары!» в оценке американских литературоведов С. Соучека, А. Куалина, и Ш. Д. Грехэм // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 8 (86). Ч. 1. С. 13–17.
4. Мейрамгалиева Р. М. Поэтика повести Чингиза Айтматова «Прощай, Гульсары!» // Вестник КазНУ. Серия филологическая. 2015. № 155 (3). С. 132–136.
5. Джусупов Н. М. Ч. Айтматов: семантико-стилистический аспект выдвижения в переводах заголовка художественного текста (русский, киргизский, английский, немецкий) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 4. С. 761–769. DOI: 10.22363/2312-8011-2017-14-4-761-769.
6. Клименкова А. М. Культурные коды как факторы формирования ценностных ориентаций // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2013. №2. С. 5–12.
7. Красных В. В. Этнопсихология и лингвокультурология. М.: Гнозис, 2002.
8. Нелюбин Л. Л. У истоков переводоведения // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2013. № 1 (23). С. 137–142.
9. Филиппова И. Н. Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика) // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2024. Т. 24. № 1. С. 38–46. DOI: 10.37482/2687-1505-V321.
10. Жирова И. Г. Прескриптивный и дескриптивный перевод идиоматических выражений с русского языка на английский // Вестник Государственного университета просвещения. 2023. Т. 16. № 8. С. 2450–2455.

REFERENCES

1. Khulkhachieva, Zh. S., Alyautdinova K. Sh. (2021). Proizvedeniya Chingiza Aitmatova kak instrument formirovaniya lingvokulturnoi kartiny u izuchaushih kyrgyzskiy yazuk kak inostrannyi. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Education and teaching, 4(841), 137–148. (In Russ.)
2. Kalmurat, T., kyzy. (2020). Povest Chingiza Aitmatova "Proshai, Gulsary!" k probleme hudojestvennogo bilingvizma. Current issues of research and teaching native languages and literature (pp. 72–74): materials International scientific practical conference. Cheboksary: Sreda. (In Russ.)
3. Duishembieva, A. N. (2018). Ch. Aitmatov's novel "Farewell, Gul'sary!" in the assessment of the American literary critics S. Soucek, A. Qualin and Sh. D. Graham. Philology. Theory & Practice, 8(86), 13–17. (In Russ.)
4. Meiramgaliyeva, R. M. (2015). Poetics of Chingiz Aitmatov novel "A Farewell to Gulsary". KazNU Bulletin. Philology series, 155(3), 132–136. (In Russ.)
5. Dzhusupov, N. M. (2017). Ch. Aytmatov: the semantic-stylistical aspect of foregrounding in translations of literary text's title (the Russian, the Kyrgyz, the English, the German languages). RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices, 14(4), 761–769. DOI 10.22363/2312–8011-2017-14-4-761-769. (In Russ.)
6. Klimenkova, A. M. (2013). Cultural codes as factors forming value orientations. RUDN Journal of Sociology, 2, 5–12. (In Russ.)
7. Krasnyh, V. V. (2002). Ethno-psychology and linguoculturology. Moscow: Gnozis. (In Russ.)
8. Nelyubin, L. L. (2013). At the Origin of Translatology. Vestnik of P. G. Demidov Yaroslavl State University. Series: Humanities, 1(23), 137–142. (In Russ.)
9. Filippova, I. N. (2024). Translation in translation: Strategies for Conveying Foreign Culture (based on "Chinese" detective novels by R. van Gulik). Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series "Humanitarian and Social Sciences", 24(1), 38–46. DOI: 10.37482/2687–1505-V321. (In Russ.)
10. Zhirova, I. G. (2023). Prescriptive and descriptive translation of idiomatic expressions from Russian into English. Bulletin of the State University of Education, 16(8), 2450–2455. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жулхачиева Женишкуль Саматовна

кандидат филологических наук, доцент
заведующий кафедрой языков и культур стран СНГ и ближнего зарубежья
Московского государственного лингвистического университета

Касымбекова Анара Адилбековна

кандидат филологических наук
старший преподаватель кафедры начального филологического образования им. М. Р. Львова
Московского педагогического государственного университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Khulkhachieva Zhenishkul Samatovna

PhD in Philology, Assistant Professor
Head at the Department of Languages and Cultures of CIS and the Near Abroad
Moscow State Linguistic University

Kasymbekova Anara Adilbekovna

PhD in Philology
Senior Lecturer at the Department of Primary Philological Education named after M. R. Lvov
Moscow Pedagogical State University

Статья поступила в редакцию	20.03.2025	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
одобрена после рецензирования	17.04.2025	
принята к публикации	20.04.2025	

Влияние искусственного интеллекта на художественное творчество: исследование практик французской арт-группы «Obvious Collective»

А. В. Прыгунова

МГИМО МИД России, Москва, Россия
arianaonline@yandex.ru

Аннотация. Активное накопление цифровых артефактов в современном искусстве способствует развитию творческого и исследовательского потенциала. Особенно это заметно в контексте интеграции искусственного интеллекта и художественного процесса. С целью изучения влияния новых технологий на традиционные художественные практики и концепции авторства проведен анализ работ французской художественной группы «Obvious Collective», использующей инновационные инструменты для создания своих произведений. Применение культурологического и философского анализа творческого направления позволило глубже понять концептуальные проблемы, возникающие на стыке технологий и искусства. Результаты исследования показывают, что использование искусственного интеллекта не только меняет роль художника, но и ставит под сомнение традиционные представления об оригинальности и авторстве произведений искусства.

Ключевые слова: цифровое искусство, цифровая культура, культура в международных отношениях, генеративное искусство, искусственный интеллект, алгоритмы, генеративно-сопоставительные сети

Для цитирования: Прыгунова А. В. Влияние искусственного интеллекта на художественное творчество: исследование практик французской арт-группы «Obvious Collective» // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 126–132.

Original article

The Impact of Artificial Intelligence on Artistic Creativity: a Study of the Practices of the French Art Group “Obvious Collective”

Ariana V. Prygunova

MGIMO University, Moscow, Russia
arianaonline@yandex.ru

Abstract. The active accumulation of digital artifacts in contemporary art significantly contributes to the enhancement of creative and research potential. This phenomenon is particularly evident in the context of integrating artificial intelligence and the artistic process. To investigate the impact of new technologies on traditional artistic practices and concepts of authorship, an analysis was conducted on the works of the French art group “Obvious Collective”, which employs innovative tools for their creations. By utilizing cultural and philosophical frameworks, this study provides a deeper understanding of the conceptual challenges that emerge at the intersection of technology and art. The findings indicate that the incorporation of artificial intelligence not only transforms the role of the artist but also calls into question established notions of originality and authorship in artistic works.

Keywords: digital art, digital culture, culture in international relations, generative art, artificial intelligence, algorithms, generative-adversarial networks

For citation: Prygunova, A. V. (2025). The impact of artificial intelligence on artistic creativity: a study of the practices of the French art group “Obvious Collective”. Vestnik of Moscow State Linguistic University, Humanities, 5(899), 126–132. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Разрешение кризиса искусства постмодерна конца XX века выразилось в появлении новых творческих направлений, особенно с началом следующего века. Во многом это обусловлено тем, что XXI век характерен стремительным всеохватывающим процессом распространения новой информационно-коммуникационной среды на основе новейших, электронных (цифровых) средств информации и коммуникации – компьютеров, Интернета и соответствующего программного обеспечения [Литвак, 2018]. Теперь эта среда охватывает миллиарды участников глобальных социальных сетей, сама порождая бесчисленные артефакты, в том числе художественные. Она всё более активно влияет на профессиональное творчество, требуя от художников и культурных институций постоянного развития и поиска новых форм и видов искусства, способных привлечь внимание публики, удовлетворить ее интересы и содействовать росту творческого потенциала самих создателей. В этой динамичной экосистеме искусства возникает необходимость в адаптации и инновациях, что ставит перед культурным сообществом новые вызовы. В этих условиях всё активнее к процессу привлекается и такая технология, как искусственный интеллект (ИИ).

В мире на цифровой платформе происходит объединение культур, идей и творчества. Виртуальное пространство преодолевает географические границы, позволяя людям перемещаться более свободно, чем когда-либо прежде, способствуя сотрудничеству и инновациям в глобальном масштабе. Франция, исторический маяк творчества, служит примером этого явления, предпринимая коллективные усилия по использованию ИИ для художественных и интеллектуальных поисков. Заметную инициативу в этом контексте проявляет экспериментальная творческая группа художников «Obvious collective», известная своими механизмами цифрового творчества, сочетающего французское традиционное художественное наследие с передовыми технологиями. Анализ концептуальных проблем на стыке технологий и искусства способствует углублению понимания культурных изменений, вызванных цифровизацией и автоматизацией творческих процессов.

Возникает и вопрос о возможности или невозможности взаимного признания культур – традиционной и цифровой, если каждая из них стремится сохранить свою уникальность. Результат работы французской творческой группы «Obvious collective», который рассматривается в этой статье, иллюстрирует успешный опыт такого взаимодействия.

ГЕНЕРАТИВНЫЙ ЦИФРОВОЙ ПОРТРЕТ

В российском культурном поле внимание к «Obvious collective» (далее «Obvious») явно проявилось после экспозиции работ коллектива в Санкт-Петербурге в Эрмитаже, получившей в числе прочих такую оценку: «Кураторам <...> удалось донести, что технологичное искусство, в том числе созданное машинами, уже заняло свою нишу в художественном процессе»¹. Участники дискуссии и кураторы выставки утверждают, что новый опыт останется в памяти людей, переживших его, на протяжении всей жизни. Для художников, в свою очередь, это представляет новый стимул к познанию виртуального пространства, а также к осмыслению его сущности и места человека в этом контексте².

Участник арт-группы «Obvious» Хьюго Кассель-Дюпре подчеркивает, что искусственный интеллект представляет собой не только возможности, но и вызовы. В настоящее время практически все устройства в домах оснащены элементами искусственного интеллекта. Когда люди ищут информацию в Интернете, им помогает искусственный интеллект. Современный человек окружен технологиями, использующими искусственный интеллект, и именно поэтому важно обсуждать потенциальные последствия этого явления.

Творческая группа «Obvious» создана молодыми профессиональными математиками. Ее участники – Хьюго Кассель-Дюпре, Пьер Фотрель и Готье Вернье – работают со сложными математическими алгоритмами, используя их художественный потенциал. В 2018 году с помощью только искусственного интеллекта они создали портрет «Эдмон де Белами» – французский Non-fungible token (NFT),³ оцененный аукционным домом Christie's в 450 тыс. долл. США. Этот пример ярко иллюстрирует, как искусственный интеллект может трансформировать традиционные представления об искусстве и его авторстве.

С первого взгляда может показаться, что этот портрет был написан в XIX веке. На нем изображен коренастый мужчина в черном фраке с горгерой (оттопыренным белым воротником). Как и остальные детали картины, его мимику трудно прочесть, его пустой взгляд придает картине мрачности. Подпись художника можно увидеть в правом нижнем

¹Искусственный интеллект и диалог культур. 2019. URL: <https://consumerculture.ru/ai-2019> (дата обращения: 16.05.2024).

²Крылов К. ИИ и наука на службе художника. Круглый стол-обсуждение цифровых художников, Университет ИТМО. URL: <https://news.itmo.ru/ru/news/9554/> (дата обращения: 16.05.2024).

³Non-fungible token (NFT), или невзаимозаменяемый токен – уникальный цифровой объект, размещенный в Интернете, позволяющий создателям подтвердить свое авторство.

углу картины: алгебраическая формула, придуманная для создания «Le Portrait Edmond d'Belamy». После печати на холсте в январе 2018 года портрет был помещен в позолоченную раму со старинной лепниной, чтобы еще больше запутать зрителя. Остальные портреты серии «Семья Белами» искажены, имеют мягкие и сюрреалистичные лица, которые никак нельзя назвать человеческими. Лица выглядят так, будто они постоянно находятся в движении, зажатые между двумя моментами времени. Семья Белами не существует, никогда не существовала, люди на них поразительно красивы, потусторонни и странны.

Цель парижского коллектива – поиск ответа на вопрос, каково место художника и искусственного интеллекта в искусстве. Ответ на этот вопрос они пытаются найти практическим путем.

Для создания вышеупомянутого проекта была использована генеративно-сопоставительная сеть – Generative-Adversarial Network (GAN) – алгоритм машинного обучения, который генерирует изображения и функционирует как исследовательский инструмент. В настоящее время «Obvious» курирует лабораторию при Сорбонне, посвященную исследовательскому проекту, объединяющему искусство и науку. Группа стремится к созданию агентов для обучения ИИ с интеллектом на уровне человека. В статье «На пути к обучаемым автотелическим агентам» (*auto – само по себе, telos – цель*), написанной при участии художника группы «Obvious» Кассель-Дюпре, представлены основные векторы этого направления [Towards teachable autotelic agents, 2022]. Опираясь на психологию развития и педагогические науки, исследователи выделили ключевые характеристики, позволяющие использовать процессы познания в ходе взаимодействия ребенка и преподавателя. Это привело ученых к созданию контрольного списка характеристик, которые должны будут демонстрировать будущие обучаемые автотелические агенты [там же]. В работе также выделены ключевые направления исследований, обращенных к разработке уникальных агентов, которые могут быть обучены обычными людьми с помощью «естественного обучения» [Руссо, 1912]. Идея современной научной работы в лаборатории заключается в создании алгоритма, который, основываясь на том, как активизируется мозг человека при просмотре изображений, сможет воссоздать примерное представление, как эти изображения выглядят. Этот, возможно, небольшой шаг в истории искусственного интеллекта может стать большим шагом для мира искусства.

Используемые алгоритмы машинного обучения позволяют задуматься о том, как искусственный интеллект может влиять на творческий процесс

и как он формирует роль художника в создании произведений искусства. В рассматриваемом случае французские художники, обработав с помощью генеративно-сопоставительных сетей 14 тыс. портретов, написанных с XIV по XX век, и проанализировав эти работы, подвергли критике уникальность традиционного творческого процесса.

Алгоритм GAN создал еще более тысячи портретов, из которых участники «Obvious» выбрали самые удачные и анонсировали серию работ. Собственный «художественный штрих» машины выделяет определенные черты, делая эти портреты визуально уникальными. В каждом из них есть визуальные оттенки, характерные именно для машины, например, пиксели, окутывающие портреты семьи Белами. Слово очевидное отсутствие изящества или собственный «художественный штрих» машины, выделяются определенные черты, делая эти работы уникальными. «Это именно те работы, которые мы продаем уже 250 лет»,¹ – считает Ричард Ллойд, глава отдела продаж аукционного дома Christie's.

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ИСКУССТВЕ

Художники часто выступали против традиционных подходов к творчеству, находясь в постоянном процессе исследования и пробуя новые способы выражения видения мира. Концепт М. М. Бахтина о диалогизме предполагает, что смысл формируется в результате взаимодействия множества голосов и точек зрения, а не является фиксированным или единичным [Bakhtin, 1981]. Такая перспектива позволяет художникам свободно работать, способствуя динамичному художественному воплощению в изобразительном искусстве.

Творческая деятельность может быть связана с концепцией Канта о трансцендентальном воображении [Кант, 2020], которое относится к способности, позволяющей художнику синтезировать сенсорный опыт в целостное знание и представлять себе возможности за пределами непосредственной реальности. Когда художники отходят от традиционных техник или стилей, они участвуют в трансцендентальном воображении, выходя за рамки установленных норм. Например, импрессионисты переосмыслили то, как мы воспринимаем свет и цвет, отошли от реалистичного изображения, чтобы передать суть момента. Этот акт отражает

¹Wagner J. Quand l'intelligence artificielle pénètre dans le monde de l'art. URL: <https://www.art-critique.com/2018/09/intelligence-artificielle-monde-art/> (дата обращения: 02.03.2025).

идею Канта о том, что воображение позволяет нам создавать смысл за пределами эмпирического наблюдения. Исследуя новые формы и материалы, художники не только создают уникальные работы, но и приглашают зрителей к взаимодействию с их собственными способностями к воображению. Это взаимодействие побуждает к более глубокому пониманию восприятия и реальности, подчеркивая динамическую связь между видением художника и интерпретацией зрителя.

Обращаясь к вопросу трансцендентального воображения, мы находим, что наше воображение играет ключевую роль в создании опыта и понимания мира. Кант предложил идею трансцендентального синтеза, объединяющего наши впечатления в целостный опыт. Когда мы говорим об упрощении сознания опытом отбора, то обращаемся к тому, как мы выбираем информацию для обработки и анализа. В мире, насыщенном информацией, мы часто упрощаем наше сознание, ограничиваясь лишь определенными аспектами опыта или выбирая наиболее доступные или привлекательные варианты. В свою очередь, процесс упрощения сознания можно описать как способ выбора и обработки информации, который помогает сосредоточиться на определенных аспектах опыта или сделать выбор, основанный на доступной или привлекательной информации.

Однако позиция В. Бычкова акцентирует внимание на недостаточности искаженного восприятия традиционных принципов выражения, которые, по его мнению, могут подавлять творческий потенциал [Бычков, 2017]. Автор отмечает, что абберация (от лат. *abberatio* – *заблуждение*) возникла из-за утраты духовных корней, рассудка и потери связи с объективным созерцательным разумом. А в результате этот рассудок стал «сам себя инструментализировать» и, инструментализируя сам себя, стал уязвимым. В критическом смысле технологии воспринимаются как неизбежное наказание трансцендентного эго и его воображения [Кант, 2020].

Фокусируя внимание на формальных, внешних признаках цифрового производства искусства, а вместе с тем и артефактов, исследователи природы творчества часто уделяют особое внимание коммуникативным, процессуальным, аффективным аспектам культурного производства, которые создают специфическое пространство культурно опосредованной коммуникации между объектом и пользователем.

Изменения в сферах творчества, труда и знаний, понимания культурных ценностей, формирования механизмов идентичности и конструирования субъективности, опосредованные новыми медиа, рассматривал Л. Манович [Manovich, 2001]. Он

аргументировал, что создание серийных изображений, например, где новый смысл рождается благодаря изменению одного из критериев создания, имеет право на существование, и, более того, активно используется в современном искусстве. С точки зрения культурного воздействия, ИИ бросает вызов традиционным представлениям о том, что значит быть творцом, экспертом или автором. Подобно тому, как понятие Ролана Барта о «смерти автора» [Барт, 1994] ставит под сомнение центральную роль индивидуального процесса литературного труда, и созданный смысл произведения, сгенерированного ИИ, еще больше децентрализует человека-автора, предполагая переход к коллективному, управляемому алгоритмами творчеству. В теории Ролана Барта авторство и текст взаимодействуют в треугольной модели «автор-скриптор, читатель и текст», где авторская субъективность уступает место самостоятельной жизни текста. Однако с развитием технологий эта модель требует расширения. Концептуализация автора как «фигуры» в текстовой природе множества составляющих соотносится с треугольником Барта, в котором есть «автор-скриптор», читатель и текст. Мы предлагаем дополнить эту концепцию искусственным интеллектом, получив квадрат взаимоотношений: «автор-скриптор, ИИ, читатель и текст» [Прыгунова, 2025].

Новую связь между человеком и окружающим его миром провели многочисленные группы исследователей виртуального мира. В своей книге Дж. Ланье описывает концепт «самой интересной комнаты в мире», где идет работа над созданием воображаемого пространства [Lanier, 2018]. Там ничего реально не существует – среди проводов, программ и людей, впервые погрузившихся в мир этой комнаты, которой раньше не существовало. И эта способность поддерживать несуществующее пространство на границе между реальным и виртуальным стало возможным благодаря цифровому искусству и современным онлайн-платформам, которые создают «почву» для таких культурных изменений.

РОЛЬ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ТВОРЦА В КОНТЕКСТЕ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ

Последнее десятилетие было отмечено широким спектром явлений, в основе которых лежат новые коммуникационные технологии для распространения радикальной социальной критики и альтернативной культуры. Интерактивность, связанная с реальным временем, придает цифровому искусству, независимо от способов его восприятия (визуального, звукового или текстового),

беспрецедентную специфику. Цифровое искусство меняет отношения художника с его собственными материалами и материалами виртуальными, которые всегда находятся в процессе становления, где ни одно состояние никогда не может быть окончательным, ни одна форма не стабильна, но прежде всего оно меняет традиционные отношения между автором, произведением и адресатом. Объект, который воспринимает зритель, является результатом его собственного вмешательства в другой, потенциальный, объект, который не может быть воспринят, – это программа, находящаяся в памяти компьютера. Без этого взаимодействия работа остается застывшей в своем потенциальном состоянии, ожидая своей актуализации.

С точки зрения практики, вопрос ИИ в искусстве поднимался несколькими цифровыми проектами. Например, исследование, профинансированное в 2016 году нидерландским финансовым конгломератом ING Group с участием корпорации Microsoft, в котором ставилась задача создать «следующего Рембрандта» из более чем 300 картин фламандского живописца. В такой тенденции основательность культуры обесмысливается, делая ее «transient», которое переводится как «преходящий», «временный» или «мимолётный». Это слово указывает на что-то временное, недолговечное [Kirby, 2009]. Этот же факт отмечает Д. И. Иванов в труде «Виртуализация общества». Быстрое распространение объектов цифрового искусства – это самая значимая составляющая его производства. Скорость и масштабность становятся всё большим смыслом и способствуют росту «эфемерности работ» [Иванов, 2000].

Если считать алгоритм GAN инструментом, который расширяет интеллектуальные возможности человека и моделирует работу его разума, то становится оправданным восприятие созданного им объекта как полноценного произведения искусства. Такой подход подчеркивает не только техническую, но и культурную значимость технологий, способных участвовать в художественном творчестве наравне с человеком.

В трудах антрополога Андре Леруа-Гурана каждый инструмент выполняет определенную функцию [Leroi-Gourhan, 1965; Спиваков, 2020]. Сначала речь шла о самых простых материальных средствах (палка или молоток). Сейчас вклад технологии становится всё более сложным и революционным, вплоть до постановки проблемы: кто же является автором произведения искусства – искусственный интеллект или программист, его написавший и применивший?

Один из самых влиятельных философов культуры XX века В. Беньямин в 1930-е годы писал о приращении творческих масс: «На месте одного таланта сегодня существуют два. Я допускаю, что благодаря

всеобщему школьному образованию в наши дни может действовать большое число потенциальных талантов, которые в прежние времена не смогли бы реализовать свои способности» [Беньямин, 1996, с. 129].

Сообществом современных художников, в том числе художниками М. Клингеманном, А. Ридлер и Р. Барратом, был поднят вопрос об использовании генеративно-состязательных сетей – технологии, которая начала применяться около 2015 года [Antunes, Leymarie, Latham, 2014]. Механизм GAN общедоступен: автор кода поделился им в интернете по лицензии с открытым исходным кодом [Баррат, 2019]. Искусство, созданное с помощью GAN, полно «тающих форм» и «искаженных границ».

Создатели алгоритма часто ставят перед собой задачу изобрести новые визуальные паттерны. В результате получаются изображения, в которых границы нечеткие, фигуры сливаются, а правила анатомии и вовсе исчезают. Определение эстетики GANism¹ дал инженер Франсуа Шолле из Google AI – подразделения компании Google, работающего в сфере искусственного интеллекта. Описывая визуальный нарратив, создаваемый с помощью искусственного интеллекта, следует выделить его специфическое проявление в творчестве: полуабстрактные, текучие изображения, напоминающие картины, написанные маслом. Работы, созданные ИИ, отличаются выраженной особенностью – размытостью, «заблюренностью» (от англ. *blur* – *пятно, размытие*), что придает им не только визуальную, но и концептуальную глубину. Эти изображения, лишённые четкости и определенности, создают эффект эфемерности, подчеркивая переходность и неопределенность, характерные для современного цифрового искусства. В цифровой графике сохраняется градация тона, сфумато [Желенина, 2019]. Результат работы основывается только на том, что он был сгенерирован компьютером полуавтоматически и опирается на такие представления, как «машине это приснилось» или «это лица людей, которые никогда не существовали» [Баррат, 2019, с. 123], и в итоге оказывающиеся поверхностными из-за повторения.

«Именно фигуративное искусство представляет большой интерес, в аспекте диалога со зрителем»² – в этом сразу есть понимание фактуры работы или коллекции. Общий художественный процесс заключается в применении цифровой формулы, которая задает определенный стиль,

¹Wealder P. Beyond GANism: AI as conceptual art // CIAC AI MTL magazine. 2020, 15 Apr. Issue 3. URL: <https://www.pauwaelder.com/beyond-ganism-ai-as-conceptual-art/> (дата обращения: 02.03.2025).

²Малич А. Арт-группа Obvious и ХОТ КУЛЬТУР. 2019. URL: <https://100tv.eu/art-gruppa-obvious-i-hot-kultur/> (дата обращения: 02.03.2025).

приемлемый для художественных задач группы. Далее следует длительный процесс отбора получившихся произведений, их доработка (участники группы ставят подпись, выбирают раму), происходит подбор соединяющей идеи и распространение результатов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основным способом применения технологий в группе художников «Obvious» является применение алгоритмов машинного обучения для расширения естественных, человеческих возможностей творчества. Руки художника и «руки» машины соединяются в поисках нового типа эстетики и новой художественной концепции. Алгоритм ИИ рассмотрен как новейший механизм массового применения, который позволяет расширить уровни понимания различных сил: эмоциональных, философских, духовных и технологических, – и помогает превзойти уже существующий уровень групповой креативности.

Создавая понятные произведения искусства, взаимодействуя с признанными художниками и художественными институциями, формирующими современное культурное общество, «Obvious Collective» возложил на себя обязанность пролить свет на новый творческий инструментарий,

технологии ИИ. Участники группы убеждены в скором появлении новых творцов, которые будут создавать алгоритмы и использовать их в этом инновационном процессе генеративного искусства.

Таким образом, вызов стандартным художественным практикам становится проявлением трансцендентального воображения, когда и творец, и наблюдатель выходят за пределы обыденности, чтобы исследовать новые направления творчества. Группа заявляет о намерении внести вклад в дискуссию о масштабах и природе искусства, направить развитие новых культурных кодов эпохи, полагая, что это станет возможным при создании, обнаружении и продаже конкретных творений, а также работать над переосмыслением процесса творчества, что позволит по-новому взглянуть на вопрос о месте художника в этом процессе.

Перспективы данного направления очевидны: исследование взаимодействия технологий и искусства способствует новому пониманию творчества и культурной практики в XXI веке. Это открывает пространство для критического анализа, выявляющего как потенциал, так и ограничения искусственного интеллекта в контексте художественного процесса. Интеграция ИИ не только изменяет само искусство, но и углубляет диалог о его природе и значении в современном мире.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Литвак Н. В. Современная дипломатическая служба как рефлексивный институт // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 163–172.
2. Towards teachable autotelic agents / O. Sigaud et al. // IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems. 2022. Vol. 15 (1). P. 1070–1084.
3. Руссо Ж. Ж. Эмиль, или О воспитании / пер. с фр. М. А. Энгельгардта. СПб.: Школа и жизнь, 1912.
4. Bakhtin M. M. The Dialogic Imagination: Four Essays, ed. Michael Holquist, trans. Caryl Emerson and Michael Holquist. Austin, London: University of Texas Press, 1981.
5. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. О. Лосского. М.: Академический проект, 2020.
6. Бычков В. В. Метафизический смысл искусства // Вестник славянских культур. 2017. Т. 44. С. 143–158.
7. Manovich L. The language of new media. Cambridge, Mass.: MIT Press, 2001.
8. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / пер. с фр. М.: Прогресс; Универс, 1994.
9. Прыгунова А. В., Литвак Н. В. Концепция «Смерть автора» Р. Барта и авторство во взаимодействии с искусственным интеллектом // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 86–100.
10. Lanier J. Dawn of the new everything: encounters with reality and virtual reality. New York: Picador/Henry Holt and Company, 2018.
11. Kirby A. Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture. New York, London: Continuum, 2009.
12. Иванов Д. В. Виртуализация общества: Версия 2.0. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение, 2000.
13. Leroi-Gourhan A. Prehistory of western art. Paris: Editions Mazenod, 1965.
14. Спиваков М. В. Происхождение видимости. Мари-Жозе Мондзен и Андре Леруа-Гуран о становлении изображения, речи и желания // Философская мысль. 2020. № 7. С. 1–9.
15. Беньямин В. Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости. Избранные эссе. Москва: Медиум, 1996.
16. Antunes R. F., Leymarie F. F., Latham W. On writing and reading artistic computational ecosystems. Artificial Life. 2015. No 21 (3). P. 320–31.

17. Баррат Дж. Последнее изобретение человечества: искусственный интеллект и конец эры Homo sapiens. Москва: Альпина нон-фикшн, 2019.
18. Желнина Е. В. Метод моделировки Леонардо да Винчи. Выявление основополагающих принципов и приемов композиционного построения произведений на основе анализа картин художника // Культура и искусство. 2017. № 2. С. 97–132.

REFERENCES

1. Litvak, N. V. (2018). Sovremennaya diplomaticheskaya sluzhba kak reflektivnyy institut = Modern diplomatic service as a reflexive institution. *Polis. Political studies*, 2, 163–172. (In Russ.)
4. Sigaud, O. et al. (2022). Towards teachable autotelic agents. *IEEE Transactions on Cognitive and Developmental Systems*, 15(1), 1070–1084.
5. Russo, J.-J. (1912). *Jemil' ili O vospitanii = Emily, or On education*. Transl. by M. A. Jengel'gardt. St.Petersburg: Shkola i zhizn'. (In Russ.)
4. Bakhtin, M. M. (1981). *The Dialogic Imagination: Four Essays*. Ed. by M. Holquist, transl. by C. Emerson, M. Holquist. Austin, London: University of Texas Press.
5. Kant, I. (2020). *Kritika chistogo razuma = Critique of Pure Reason*. Transl. by N. O. Lossky. Moscow: Academicheskyy Proekt. (In Russ.)
6. Bychkov, V. V. (2017). *Metafizicheskiy smysl iskusstva = Metaphysical meaning of art*. *Vestnik slavjanskich kultur*, 44, 143–158. (In Russ.)
7. Manovich, L. (2001). *The language of new media*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
8. Bart, R. (1994). *Izbrannyye raboty: Semiotika. Poetika = Selected works: Semiotics. Poetics*. Transl. from French. Moscow: Progress; Univer. (In Russ.)
9. Prygunova, A. V., Litvak, N. V. (2025). The concept of the 'Death of the Author' by R. Barth and authorship in interaction with Artificial Intelligence. *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, 1, 86–100. (In Russ.)
10. Lanier, J. (2018). *Dawn of the new everything: encounters with reality and virtual reality*. New York: Picador/Henry Holt and Company.
11. Kirby, A. (2009). *Digimodernism. How new technologies dismantle the postmodern and reconfigure our culture*. New York, London: Continuum.
12. Ivanov, D. V. (2000). *Virtualizatsiya obshchestva: Versiya 2.0. Virtualization of society: Version 2.0*. St.Petersburg: Peterburgskoye Vostokovedeniye Publ. (In Russ.)
13. Leroi-Gourhan, A. (1965). *Prehistory of western art*. Paris: Editions Mazonod.
14. Spivakov, M. V. (2020). *Proiskhozhdeniye vidimosti. Mari-Zhoze Mondzen i Andre Lerua-Guran o stanovlenii izobrazheniya, rechi i zhelaniya = The origin of visibility. Marie-Josée Mondzin and Andre Leroi-Gourhan on the formation of image, speech, and desire*. *Filosofskaya mysl'*, 7, 1–9. (In Russ.)
15. Benjamin, V. (1996). *Proizvedeniye iskusstva v epokhu yego tekhnicheskoy vosproizvodimosti. Izbrannyye esse = A work of art in the era of its technical reproducibility. Selected essays*. Moscow: Medium. (In Russ.)
16. Antunes, R. F., Leymarie, F. F., Latham, W. (2015). On writing and reading artistic computational ecosystems. *Artificial Life*, 21(3), 320–331.
17. Barratt, J. (2019). *Posledneye izobreteniye chelovechestva: iskusstvennyy intellekt i konets ery Homo sapiens = Humanity's latest invention: Artificial intelligence and the end of the era of Homo sapiens*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.)
18. Zhelnina, E. V. (2017). *Metod modelirovaniya Leonardo da Vinchi. Vyyavleniye osnovnykh printsipov i priyemov kompozitsionnogo postroyeniya proizvedeniy na osnove analiza kartin khudozhnika = Leonardo da Vinci's modeling method. Identification of fundamental principles and techniques of compositional construction of works based on the analysis of the artist's paintings*. *Kul'tura i iskusstvo*, 2, 97–132. (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прыгунова Ариана Владимировна

соискатель кафедры философии им. М. В. Шишкина МГИМО МИД России

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Prygunova Ariana Vladimirovna

Postgraduate Student, M. V. Shishkin Department of Philosophy, MGIMO University

Статья поступила в редакцию	15.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	18.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2025	accepted for publication

Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России

А. И. Сусоева

*Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
sectoved@gmail.com*

Аннотация. Цель работы – раскрыть историко-культурные предпосылки возникновения и развития в России псевдодревнеегипетской неоязыческой субкультуры, известной как кеметизм. В ходе культурологического анализа с применением герменевтического метода решаются следующие задачи: аргументация возникновения кеметизма на российской почве в Санкт-Петербурге в период пандемии Covid-19 в виде культа богини Бастет, раскрытие российского кеметизма как феномена постмодерна, основанный на нравственных концепциях «осознанного потребления», «женской силы», «новой искренности». Делается вывод о необходимости дальнейшего изучения феномена российского кеметизма с позиции культурологии.

Ключевые слова: неоязычество, кеметизм, религиозная субкультура, постмодерн, египтология

Для цитирования: Сусоева А. И. Культурные предпосылки возникновения и развития кеметизма в России // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2025. Вып. 5 (899). С. 133–138.

Original article

Cultural Prerequisites for the Genesis and Development of Kemetism in Russia

Anna I. Sysoeva

*Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
sectoved@gmail.com*

Abstract. The purpose of the article is to reveal the historical and cultural prerequisites for the emergence and development in Russia of the pseudo-ancient Egyptian neopagan subculture known as “Kemetism”. In the course of the cultural analysis using the hermeneutic method, the following tasks are solved: argumentation of the emergence of Kemetism on Russian soil in St. Petersburg during the Covid-19 pandemic in the form of the cult of the goddess Bastet, disclosure of Russian Kemetism as a postmodern phenomenon based on the moral concepts of “conscious consumption”, “female power”, “new sincerity”. A conclusion is made about the need for further study of the phenomenon of Russian Kemetism from the standpoint of cultural studies.

Keywords: neopaganism, kemetism, religious subculture, postmodern, egyptology

For citation: Sysoeva, A. I. (2025). Cultural prerequisites for the genesis and development of Kemetism in Russia. Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities, 5(899), 133–138. (In Russ.)

ВВЕДЕНИЕ

Глобализационные процессы внесли радикальные изменения в устоявшиеся модели конструирования идентичности. Количество вариантов построения моделей самоидентификации и самопрезентации существенно возросло. Одним из наиболее ярких примеров тому является феномен возникновения и распространения неоязычества – комплекса религиозных учений, основанных, с одной стороны, на попытке воспроизведения языческих традиций и обрядов прошлого, с другой стороны, на ценностных установках современности.

Как отмечает О. А. Смержевская, неоязычество является «религией постатеистического общества», для которого актуальна проблема поиска национальной идеи и культурно-исторической идентичности [Смержевская, 2014].

Значимым представляется исследование вопроса взаимовлияния неоязычества и массовой культуры, что отмечается не только специалистами-культурологами. Так, религиовед и теолог А. Б. Ярцев отмечает актуальность исследования неоязычества «не только как религиоведческой дефиниции, <...> а как исследования культурологического, требующего к себе интереса с позиций исследователя сначала современной массовой культуры, а только потом религиоведческого феномена» [Ярцев, 2011, с. 2]. Соответственно, с позиции культурологии неоязычество рассматривается не столько как религиозное движение, сколько как субкультура – сфера культуры отдельно взятого общества, существующая внутри господствующей культуры и имеющая определенные ценностные установки, в той или иной степени отличающиеся от общепринятых правил и норм.

В период пандемии коронавируса, во время самоизоляции, культовые практики множества религиозных сообществ по всему миру претерпели трансформацию ввиду того, что посещение богослужений для многих сделалось невозможным. Вместе с тем возникли и получили массовое распространение принципиально новые религиозные движения. Поэтому исследование, раскрывающее особенности одного из таких религиозных движений – российского кеметизма – весьма актуально сегодня.

ХОД ИССЛЕДОВАНИЯ И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ

По состоянию на 2023 год принципиально новым трендом в сфере неоязыческих субкультур на территории России является движение кеметистов. Термин «кеметизм» обозначает современный неоязыческий культ, воспроизводящий древнеегипетские верования. Его название происходит от слова *кемет*, что с египетского переводится как

земля. Данное религиозное движение было основано в 1988 году в Чикаго бывшей последовательницей викканской традиции Тамарой Логан Сиуда, и получило распространение в США в форме культа Сехмет – богини-львицы.

В России единственная кеметистская организация зародилась в начале 2020-х годов в Санкт-Петербурге в форме культа Бастет – богини-кошки. Данное религиозное объединение существует на базе приюта для бездомных кошек, там же кеметисты проводят и обряды. Свою деятельность адепты культа освещают в нескольких интернет-сообществах в социальной сети «ВКонтакте» – «Кеметизм»¹, «Миут»², а также в печатном издании под названием «Время Луны».

По состоянию на 2023 год о специфике развития данной субкультуры как в социокультурных условиях России, так и в других странах мира известно крайне мало. Научные исследования российских авторов, посвященные кеметизму, ограничиваются одним интервью с руководительницей движения и двумя статьями, которые носят скорее религиоведческий характер, а не культурологический.

Попробуем выделить несколько ключевых предпосылок возникновения и развития кеметизма в условиях современной России.

На протяжении многих десятилетий самыми популярными домашними животными в России остаются коты и кошки.³ М. С. Киселева справедливо отмечает, что кот или кошка фигурирует в русском фольклоре в качестве «семейного духа-хранителя», притом это актуально и для современного фольклора [Киселева, 2017].

З. А. Гордеева в исследовании «Образ кошки в современной культуре» отмечает высокую популярность кошачьих образов в интернет-культуре. Это касается и Рунета, где они известны как «котики», герои популярных интернет-мемов, символизирующие радость и веселье [Гордеева, 2016].

В этом же исследовании З. А. Гордеева ссылается на интервью с профессором биологического факультета МГУ М. М. Асланяном, который объясняет сверхпопулярность кошек «дефицитом телесного контакта, телесного тепла – кошки компенсируют их в первую очередь»⁴. Эта «сверхпопулярность» стала только нарастать в 2020 году, когда до России дошла пандемия, и после объявления режима самоизоляции многие оказались запертыми в своих домах один на один со своими кошками. Одновременно отмечался рост популярности

¹URL: <https://vk.com/kemetic> (дата обращения: 14.03.2025).

²URL: https://vk.com/miwt_bast (дата обращения: 14.03.2025).

³URL: <https://www.rbc.ru/society/29/08/2023/64ed58059a79471e6e42c4ba> (дата обращения: 14.03.2025).

⁴URL: <http://www.mn.ru/friday/86017> (дата обращения: 14.03.2025).

интернет-мемов, содержащих образ кошки, *например*, А. А. Левит особенно выделяет мем «Наташа и коты» [Левит, 2022, с. 2].

Подобно любви населения к кошкам, интерес к тематике Древнего Египта в России – также не новое явление. «Мода на Египет» в Российской империи появилась в начале XIX века, в эпоху царствования Александра I, и ее эпицентром был столичный Санкт-Петербург. Пик «египтомании» в России пришелся на эпоху модерна. Египетские ворота в Царском Селе, сфинксы на Египетском мосту, на Университетской набережной, на Каменном острове, на Свердловской набережной, доходный дом А. И. Нежинской («египетский дом») – далеко не полный перечень примеров египетских мотивов в архитектуре Санкт-Петербурга.

Параллельно этому процессу развивалась и российская египтология как научная дисциплина, и в этой сфере ведущее место занимали именно петербургские египтологи. Вероятнее всего, именно поэтому российский неокеметизм возник именно в Санкт-Петербурге, а не в Москве, где египетская тема представлена не столь широко.

Теперь обратимся к проблематике маркеров новой субкультуры. Анализ российского кеметизма проведем путем использования герменевтического метода – метода интерпретации, в процессе которого исторические события реконструируются путем личностного «сопереживания» в процессе трактовки текстов культуры рассматриваемого периода.

Древнеегипетский пантеон насчитывал множество божеств, однако в культ российские кеметисты возводят, как правило, богиню-кошку Бастет. П. П. Кочеганова отмечает, что резкий скачок интереса к образу этой богини в России пришелся на 2008–2010 годы, что она связывает с развитием в стране зоозащитного движения. Однако о культе Бастет еще не шло и речи – только сам образ богини-кошки стал популярен в массовой культуре [Кочеганова, 2017, с. 91]. Сама «верховная жрица» российских кеметистов Л. Пругло признает, что образ Бастет относительно нов для отечественной массовой культуры:

Я развиваю кошачий культ уже больше пятнадцати лет и помню время, когда по запросу «Bastet» поисковик выдавал рэпера Басту, корзины (basket) и полтора эротичных арта¹.

Безусловно, особую роль кошки и Древнего Египта в российской культуре обусловили появление египетских и «кошачьих» мотивов в массовой культуре, однако этого достаточно разве что

¹URL: https://vk.com/wall-151308859_15077 (дата обращения: 16.03.2025).

для установления моды на образ богини-кошки Бастет, но никак не для формирования ее культуры. Только лишь увлечение темой кошек и темой Древнего Египта вдохновить жителей Петербурга на создание религиозного учения не смогло бы – для формирования религиозного учения требуется морально-этическая составляющая, наличие некоего «морального кодекса», который мог бы скрепить эти две компоненты. Возникает предположение, что этот «моральный кодекс» появился относительно недавно.

В первую очередь отметим, что акцент в кеметизме делается на уважении личных границ и подчеркнутым индивидуализме, который М. В. Рендл называла «визитной карточкой постмодерна». Если речь идет о культовых практиках, принятых в религиозных субкультурах эпохи постмодерна, то в них адепт не отдает себя на попечение духовного наставника, гуру, а берет ответственность за свои поступки сам – «единственным цензором выступает толерантность» [Рендл, 2016, с. 123].

Л. Пругло, «верховная жрица» богини-кошки, в одном из своих постов, высказала мысль, по сути, объясняющую аморфный характер культа: «*перенимая мудрость кошачьих*», кеметисты считают «неприкосновенной свободой личности». Соответственно, таких понятий, как «община», «паства», кеметисты не приемлют, иллюстрируя абсурдность такой ситуации высказыванием С. П. Капицы «Собрать стадо из баранов легко, трудно собрать стадо из кошек».

Помимо отсутствия религиозной общины как таковой, еще одной важной чертой, отличающей российских кеметистов как от кеметистов из других стран, так и от представителей других религиозных движений, является их отказ от следования неизменным религиозным догмам.

Так, в посте под названием «Неправильное жречество», опубликованном в веб-сообществе «Миут» 30 октября 2023 года, одна из жриц обращается к адептам культа Бастет со следующими словами:

Мир бесконечно изменился со времен Древнего Египта. Многие из тогдашних способов почитания канули в прошлое. Боги понимают это, а потому находят новые пути проявления – свои для каждого. Самое главное – чтобы ваши личные гнозисы не противоречили научной базе. Ведь научная база – это основа. Фундамент.²

Анализ постов в веб-сообществе российских кеметистов «Миут» позволяет судить о том, что кеметисты обладают большим объемом узкоспециализированных египтологических знаний, притом

²URL: https://vk.com/wall-151308859_13597 (дата обращения: 16.03.2025).

не только в области древнеегипетской мифологии, но и истории Древнего Египта, а также древнеегипетского языка. Однако, несмотря на тот факт, что кеметисты признают научную базу «фундаментом» своей субкультуры, реконструкторским движением кеметизм назвать нельзя. Напротив, кеметисты сами подчеркивают свое отличие от прочих неоязычников, которые на основе немногих сохранившихся исторических источников пытаются реконструировать древние обряды. Даже тот факт, заверяют они, что древнеегипетская мифология и древнеегипетские обряды досконально изучены, не является поводом для следования этим обрядам точь-в-точь. «Буквально следовать древним обрядам», говорила «верховная жрица» Л. Пругло, «нахожу как невозможным, так и ненужным» [Кочеганова, 2018, с. 118]. На постсоветском пространстве это редкий случай, когда неоязычники отрицают свое стремление реконструировать «религию предков», заявляют о своем намерении именно реинтерпретировать ее.

У кеметистов нет установленных молитв (мантр, заклинаний) – «духовенством» официально утверждено, что молиться египетским богам каждый адепт должен своими словами, так как именно такая молитва угодна богам. В том же посте одна из «жриц» учит адептов на своем примере:

Мои ритуалы – не слишком частые и, почти всегда, полная импровизация. Мои обращения к богам тоже довольно далеки от канонных. К тому же у меня нет пиетета перед ними, есть только уважение, любовь и безграничная благодарность за то, что они есть в моей жизни. За то, что они и есть – моя жизнь.¹

Такая позиция согласуется с «новой искренностью», зародившейся в эпоху постмодерна и укоренившейся в эпоху метамодерна.

Даже статус жреца или жрицы весьма условен, по их собственному признанию. На вопрос о специфике жреческой деятельности руководительница движения отвечает весьма размыто – это «синтез личной практики и организационных вопросов» [Кочеганова, 2018, с. 116].

Итак, грани нормы отправления культа у российских кеметистов размыты, нечетки. Можно сказать, что в культуре России впервые появилась религиозная субкультура, лишенная догматики как таковой, а вместе с этим и такое понятие, как авторитет священноначалия, которое разбирается в этих догмах. Жрец, жрица в российском кеметизме выступает лишь как адепт с большим опытом

¹URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/2/k-mame-s-nebritymi-nogami-novaya-iskrennost-v-epohu-metamoderna.html?ysclid=loys6slqw1390520782> (дата обращения: 17.03.2025).

молитвенной практики и высоко развитыми организаторскими способностями. Культ личности священнослужителя, в отличие от иных неоязыческих субкультур, в кеметизме невозможен.

Получается, что у российских кеметистов единственным проявлением религиозного культа как такового (т. е. веры в принципиальном отрыве от научных доказательств) является убеждение в том, что боги будто бы взаимодействуют с людьми, вселяясь в живых существ и объекты неживой природы.

Каких-то особых обрядов перехода в кеметизм не существует. Основанием для того, чтобы считать себя кеметистом, является факт совершения добрых дел на постоянной основе, и здесь очевидны отголоски протестантской этики. Как подчеркивает «верховная жрица» в посте, опубликованном в сообществе «Миут» 8 июня 2022 года:

Основной критерий – адекватность. Что это значит? Это готовность в большей степени учиться, чем учить. Больше делать, чем говорить. Это уважение к чужому времени и личному пространству, спокойное принятие других моделей поведения, общая уравновешенность.

Чтобы примкнуть к рядам кеметистов, для неопита обязательным условием является любовь к животным и забота о них. Желательно также наличие у них опыта активной зоозащитной деятельности. Кеметисты занимаются экологическим активизмом, поддерживают зоозащитные проекты, занимаются «популяризацией правильного ухода за питомцами». Из этого можно сделать вывод, что на конструирование нравственных установок российских кеметистов повлияла концепция «осознанного потребления».

Основной акцент осознанного потребления в мире сделан на гуманном отношении к животным в процессе производства того или иного товара. Развитие концепции «осознанного потребления» существенно ускорило понимание людьми того факта, что животные – тоже личности. Однако как и любая другая адекватная позиция, данная вполне могла гиперболизироваться в картине мира отдельных лиц.

П. П. Кочеганова совершенно справедливо, на наш взгляд, видит происхождение культа богини-кошки от викканского культа богини-матери [Кочеганова, 2017]. Викка – неоязыческая субкультура, в основе которой лежит учение об особой роли природных сил в жизни человека. Это учение содержит в себе элементы спиритизма, магии, волшебства и называется викканством, а его последователи – викканами. Как в викканстве, так и в кеметизме подавляющее большинство последователей

являются женщинами, а внутренний уклад носит матриархальный характер.

При этом очевидная матриархальность кеметизма считается не дискриминацией в сторону мужчин, а следствием реального положения дел:

мужчины, безусловно, могут [вовлекаться / входить – прим. А. С.] в качественный контакт с божествами (и богинями, в частности). Другой вопрос – хотят ли? (Пост веб-сообщества «Миут». 04.09. 2023).

Соответственно, кеметизм представляет собой уникальный пример неоязыческого учения, где иерархия полов определяется не «по природе», а «по статистике», исходя из действий, которые склонны совершать представители каждого пола в основной массе.

Полагаем, что идея на отправление культа именно богини Бастет обусловлена установкой в современной массовой культуре образа «женщины, которая может быть разной». Еще недавно фильмы, музыка, литература и мода раскрывали образ «сильной женщины», которая не пасует перед трудностями и не может себе позволить быть слабой. Однако необходимость следовать какому-то одному образу способна привести к протесту. Именно поэтому в наши дни число возможных репрезентаций женщины в массовой культуре растет, и подчеркивается, что женщина может себе позволить не держаться всегда в рамках одного образа, а действовать согласно своим ощущениям.

Эта вариативность женского образа ассоциируется у кеметистов с двойственным образом богини-кошки, которая, согласно египетской мифологии, могла выйти из терпения и обратиться из богини радости, красоты и материнства Бастет в другую свою ипостась – воинственную и мстительную богиню-львицу Сехмет, покровительницу врачей. Возможность сочетания «мягких» и «твердых» черт характера, желания заботиться и умения отомстить кеметистки обыгрывают в цифровом искусстве, написании проповеднических текстов по теме.

С целью иллюстрации данного тезиса, приведем примеры контента, опубликованного в веб-сообществе «Миут».

Так, в посте от 4 сентября 2023 года вариативность образа женщины называется «женской сущностью богинь» и раскрывается как «воплощение цикличности природы. Гнев и милость стихий, смена сезонов... Жизнь, смерть, и новая жизнь на руинах прежней».

Пост от 31 октября 2023 года содержит такие высказывания: «Сехмет вчера... Бастет сегодня <...> Когда мужчина пахнет миррой, жена перед ним – словно кошка. Когда мужчина в страдании – жена

перед ним подобна львице». Последнее высказывание наглядно иллюстрирует тот факт, что в современной культуре гендерные роли несколько видоизменились, и заступничество женщины за мужчину стало вариантом нормы. Можно судить на данном примере об обращении российского социума к традиционным семейным ценностям, присущим северным народам: в социальных практиках язычниц-северянок «было больше самостоятельности и меньше табуирования, нежели у соседок», пишет О. В. Чуракова [Чуракова, 2010].

По С. И. Чудинову, культ богини-кошки как таковой (а не только Бастет) связан с «антиавторитарным пафосом неоязыческого духа – целенаправленным позиционированием своей мировоззренческой системы в качестве свободной и отказывающейся от любых форм духовного принуждения и дисциплинарности» [Чудинов, 2016, с. 201].

Выше мы уже упоминали, что существующие научные работы, посвященные российскому кеметизму, носят религиозоведческий характер. К сожалению, и в этих исследованиях не упоминается принципиальное отличие кеметизма от других видов неоязычества: в то время как прочие неоязычники рассматривают материальные объекты, которым покровительствуют конкретные боги, лишь как символические воплощения этих богов, кеметисты поклоняются им как самим богам, которые якобы незримо присутствуют в этих объектах и общаются с людьми именно таким образом, а не словесно. Данная позиция активно отстаивается кеметистами в социальных сетях. В качестве примера можно привести пост кеметистки под ником ... в запрещенной социальной сети TikTok, где упоминается, что «Бог Ра <...> по факту – светило в небе, а с людьми коммуницирует не напрямую».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, первопричиной зарождения и резкого развития российского кеметизма в форме культа Бастет стали изменения в культуре России в период пандемии, которые повысили роль образа кошки в массовой культуре, в частности, в интернет-культуре, и сегодня он представляет собой феномен постмодерна, в рамках которого происходит переосмысление таких концепций, как «индивидуализм», «осознанное потребление», «женская сила». Очевидны викканские корни российского кеметизма, что стало причиной его матриархальной организации, при этом впервые в системе неоязычества неравенство между мужчинами и женщинами обосновывается не врожденными, а приобретенными качествами. Несмотря на то что кеметисты демонстрируют высокий уровень специализированных

египтологических компетенций, движение носит не реконструкторский, а реинтерпретационный характер, что также отмечается впервые. С учетом того, что вышеназванные постмодернистские концепции

будут только развиваться в России, можно полагать, что развиваться будет и российское кеметистское движение. А значит, исследования в данном направлении должны быть продолжены.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Смержевская О. А. Ученые о неоязычестве: краткий обзор публикаций // *Colloquium heptaplomeres*. 2014. № 1. С. 44–51. EDN TJWIFV.
2. Ярцев А. Б. Неоязычество на постсоветском пространстве и в дальнем зарубежье: сходства и различия // *Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2011»* / отв. ред. А. И. Андреев, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов, М. В. Чистякова. М.: МАКС Пресс, 2011. URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1336/19097_381e.pdf (дата обращения: 14.03.2025).
3. Киселева М. С. Кот / кошка как персонификация семейного духа-хранителя в современном русском фольклоре // *Гуманитарные исследования*. 2017. №3 (16). С. 107–110. EDN ZXNVQV.
4. Гордеева З. А. Образ кошки в современной культуре // *Гуманитарные исследования*. 2016. № 1 (10). С. 112–113. EDN VXKQTF.
5. Левит А. А. Актуализация модели «Наташа и коты» в демотиваторах, посвященных массовой самоизоляции и пандемии COVID-19 // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2022. № 10 (124). С. 1–12. EDN OGPJCN.
6. Рендл М. В. Персонифицированный индивидуализм: образ индивида в социокультурном пространстве постмодерна // *Гуманитарий Юга России*. 2016. Т. 20. № 4. С. 119–126. EDN WJBLKL.
7. Кочеганова П. П. Интервью с Л. В. Пругло // *Colloquium heptaplomeres*. 2018. № 5. С. 116–118. EDN YRGZBY.
8. Кочеганова П. П. Репрезентация культа Баст в современной России // *Colloquium heptaplomeres*. 2017. № 4. С. 90–95. EDN ZXUTPF.
9. Чуракова О. В. Символические репрезентации женского в традиционных культурах Европейского Севера. Проблема сохранения этногендерной идентичности северянок // *Международный журнал исследований культуры*. 2010. С. 106–111.
10. Чудинов С. И. Неоязыческий проект духовно-политического порядка: метафизика власти в условиях социальной турбулентности // *Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования*. Н. Новгород: Мининский университет, 2016. С. 201–214.

REFERENCES

1. Smorzhenskaya, O. A. (2014). Scientists on neo-paganism: a brief overview of publications. *Colloquium heptaplomeres*, 1, 44–51. EDN TJWIFV. (In Russ.)
2. Yarcev, A. B. (2011). Neopaganism in the post-Soviet space and far abroad: similarities and differences. In Andreev, A. I., Andriyanov, A. V., Antipov, E. A., Chistjakova, M. V. (Eds.), *Materialy XVIII Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma "Lomonosov 2011"*. Moscow: MAKS Press. https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1336/19097_381e.pdf (accessed: 14.03.2025). (In Russ.)
3. Kiseleva, M. S. (2017). The cat as the personification of the family guardian spirit in modern Russian folklore. *Gumanitarnye issledovaniya*, 3(16), 107–110. EDN ZXNVQV. (In Russ.)
4. Gordeeva, Z. A. (2016). The image of a cat in modern culture. *Gumanitarnye issledovaniya*, 1(10), 112–113. EDN VXKQTF. (In Russ.)
5. Levit, A. A. (2022). Updating the “Natasha and Cats” model in demotivators dedicated to mass self-isolation and the COVID-19 pandemic. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal*, 10(124), 1–12. EDN OGPJCN. (In Russ.)
6. Rendl, M. V. (2016). Personified individualism: the image of the individual in the sociocultural space of postmodernity. *Gumanitarij Yuga Rossii*, 20(4), 119–126. EDN WJBLKL. (In Russ.)
7. Kocheganova, P. P. (2018). Interview with L. V. Pruglo. *Colloquium heptaplomeres*, 5, 116–118. EDN YRGZBY. (In Russ.)

8. Kocheganova, P. P. (2017). Representation of the cult of Bast in modern Russia. *Colloquium heptaploeres*, 4, 90–95. EDN ZXYPF. (In Russ.)
9. Churakova, O. V. (2010). Symbolic representations of the feminine in traditional cultures of the European North. The problem of preserving the ethno-gender identity of northern women. *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*, 1, 106–111. (In Russ.)
10. Chudinov, S. I. (2014). Neopagan project of spiritual-political order: metaphysics of power in conditions of social turbulence. *Yazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovaniya* (pp. 201–214). Nizhniy Novgorod: Mininskij universitet. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сысоева Анна Игоревна

аспирант кафедры мировой культуры
Института гуманитарных и прикладных наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Sysoeva Anna Igorevna

PhD Student at the Department of World Culture
Faculty of the Humanities
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию	25.03.2025	The article was submitted
одобрена после рецензирования	13.04.2025	approved after reviewing
принята к публикации	20.04.2025	accepted for publication

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Сетевое электронное научное издание

Network electronic scientific publication

**ВЕСТНИК
Московского государственного
лингвистического университета
Гуманитарные науки
Выпуск 5 (899)**

**VESTNIK
of Moscow State Linguistic
University
Humanities
Issue 5 (899)**

Ответственные за выпуск

Анна А. Альварес Солер
кандидат филологических наук, доцент

Executive editors

Anna A. Alvarez Soler
PhD in Philology, Associate Professor

Редакторы

Н. Г. Павлова, М. М. Сингал, А. А. Овсянникова
Верстка: А. В. Алымов
Разработка макета: А. Алымов

Editors:

Nataliya G. Pavlova, Marina M. Singal, Assol A. Ovsyannikova
Layout: A. V. Alymov
Layout design: A. Alymov

Подписано в печать 30.05.2025

Усл. печ. л. 17,5

Формат 60x90/8

Заказ № 49/25

Signed for print: 30.05.2025

Conventional printed sheets: 17,5

Layout format 60x90/8

Order 49/25

Адрес редакции:

119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1
Тел.: (499) 245 33 23
Электронная почта: ipk-mglu@rambler.ru

Address:

Ostozhenka St., 38, 1, Moscow, 119034
Tel.: (499) 245 33 23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2025

© FSBEI HE MSLU, 2025

Доменное имя сайта: vestnik-mslu.ru

Учредитель: ФГБОУ ВО МГЛУ

Издание зарегистрировано 10 июня 2016 г. Эл № ФС77-66051
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Website domain name: vestnik-mslu.ru

Founder: FSBEI HE MSLU

The edition is registered June, 10, 2016, Эл № ФС77-66051
The Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
(ROSKOMNADZOR)

За аутентичность цитат отвечают авторы.

Перепечатка материалов возможна при обязательном письменном
согласовании с редакцией издания.

Ссылка на издание при перепечатке обязательна.

The authors are responsible for the authenticity of citations.

Reprinting of materials is possible
with the editors' obligatory written consent.

Reference to the publication is obligatory when reprinting.

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» входит в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям:

- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации
- 5.9.2. Литературы народов мира
- 5.9.3. Теория литературы
- 5.9.5. Русский язык. Языки народов России
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Германские языки)
- 5.9.6. Языки народов зарубежных стран (Романские языки)
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика)
- 5.10.1. Теория и история культуры, искусства
- 5.12.3. Междисциплинарные исследования языка

«Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки» является преемником сборников научных трудов с 1940 года и, начиная с 2002 года, следующих выпусков «Вестника Московского государственного лингвистического университета»: «Лингвистика», «Языкознание», «Филологические науки», «Языкознание и литературоведение», «Восточные языки», «Философия», «Философия и культурология».